

三

CLASSIFICATION NO

CUTTER NO

YEAR

VOL.

COPY

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13	14	15	16	17	18	19	20	21	22	23	24	25	26	27	28	29	30	31	32	33	34	35	36	37	38	39
---	---	---	---	---	---	---	---	---	----	----	----	----	----	----	----	----	----	----	----	----	----	----	----	----	----	----	----	----	----	----	----	----	----	----	----	----	----	----

EAC H-IP. 5622

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13	14	15	16	17	18	19	20	21	22	23	24	25	26	27	28	29	30	31	32	33	34	35	36	37	38	39
---	---	---	---	---	---	---	---	---	----	----	----	----	----	----	----	----	----	----	----	----	----	----	----	----	----	----	----	----	----	----	----	----	----	----	----	----	----	----

THE LIBRARY OF THE
UNIVERSITY OF
NORTH CAROLINA
AT CHAPEL HILL

ENDOWED BY THE
DIALECTIC AND PHILANTHROPIC
SOCIETIES

PG 3114
B86

К 272

1.

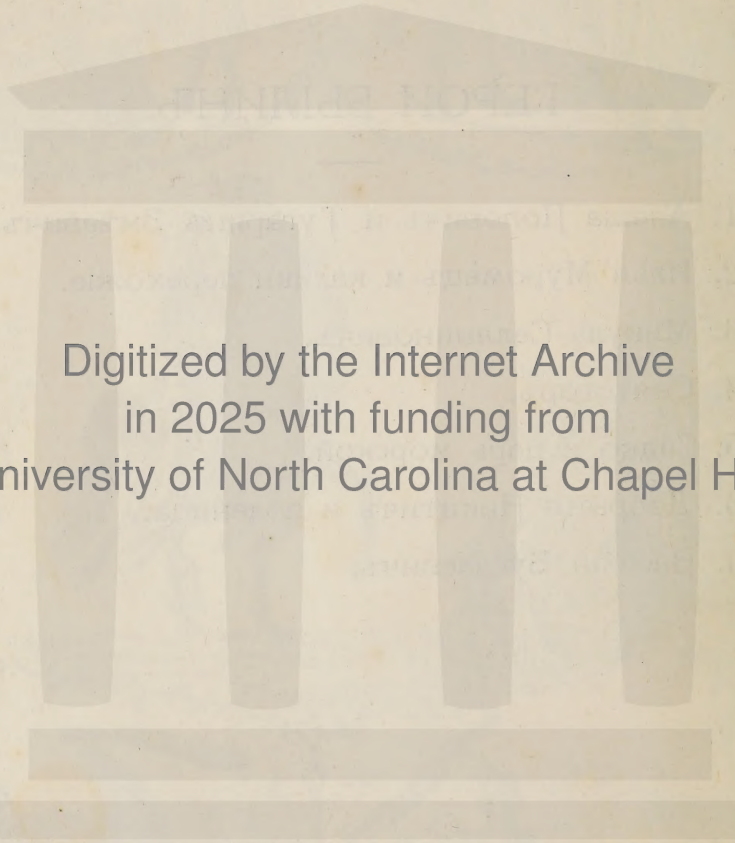
2.

Рис. Е. И. Гавриловъ.

ГЕРОИ БЫЛИНЪ.

1. Алеша Поповичъ и Тугаринъ Змѣевичъ.
 2. Илья Муромецъ и калики перехожіе.
 3. Микула Селяниновичъ.
 4. Святогоръ.
 5. Садко и царь морской.
 6. Добрыня Никитичъ и поленица.
 7. Василій Буслаевичъ.
-

Digitized by the Internet Archive
in 2025 with funding from
University of North Carolina at Chapel Hill

<https://archive.org/details/byliny00unse>

РУССКАЯ КЛАССНАЯ БИБЛИОТЕКА,

ИЗДАВАЕМАЯ ПОДЪ РЕДАКЦІЕЮ

А. Н. ЧУДИНОВА.

ПОСОВІЕ ПРИ ИЗУЧЕНІИ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ.

ВЫПУСКЪ XIII-й.

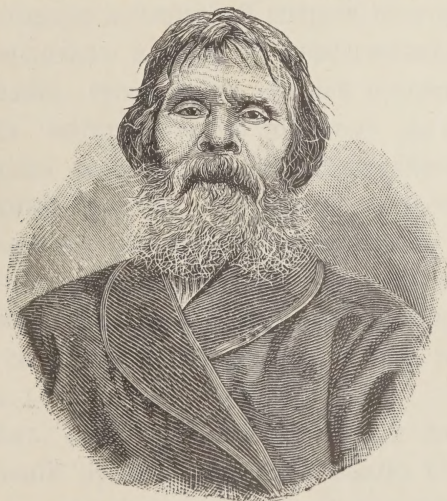
BYLINY

× БЫЛИНЫ.

Былины про старшихъ богатырей. — Былины кievскаго и новгородскаго цикловъ. — Духовные стихи. — Историческія пѣсни. — Восемь объяснительныхъ статей.

2-е исправленное и дополненное изданіе И. Глазунова.

1-е изданіе рекомендовано Ученымъ Комитетомъ Министерства Народнаго Просвѣщенія для ученическихъ библіотекъ среднихъ учебныхъ заведеній и учительскихъ институтовъ и запесено въ каталогъ ученическихъ библіотекъ, и одобрено Ученымъ Комитетомъ при Святѣйшемъ Синодѣ для ученическихъ библіотекъ духовныхъ семинарій.

Трофимъ Григорьевичъ Рябининъ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

1904.

ВЪЗРАСТЪ

ВЪЗРАСТЪ

ВЪЗРАСТЪ

ВЪЗРАСТЪ

ВЪЗРАСТЪ

ВЪЗРАСТЪ

ВЪЗРАСТЪ

ВЪЗРАСТЪ

Дозволено цензурою. С.-Петербургъ, 1 Марта 1903 г.

Предисловіе къ 1-му изданію.

Содержаніемъ настоящаго выпуска служатъ произведенія одного изъ наиболѣе богатыхъ отдѣловъ русскаго фольклора—былевого и богатырскаго эпоса. Записываніе и изданіе памятниковъ народной поэзіи, начавшіяся болѣе правильнымъ образомъ всего со второй половины текущаго столѣтія и достигшія особенно цѣнныхъ результатовъ въ трудахъ: Аванасьева, Рыбникова, Кирѣевскаго, Безсонова и особенно Гильфердинга и Чубинскаго, нельзя и въ настоящее время признать дѣломъ совершенно законченнымъ. Благодаря неутомимой энергіи почтенныхъ собирателей, въ архивахъ нашего Географическаго Общества нынѣ накопились громады въ высшей степени важныхъ и интересныхъ матеріаловъ по русскому фольклору, на изданіе которыхъ ассигнованы, по Высочайшему повелѣнію, необходимыя средства. Съ другой стороны, всѣ эти богатые матеріалы, по ихъ обнародованіи, ожидаютъ еще научной разработки, по мѣрѣ осуществленія которой несомнѣнно должны будутъ измѣняться и данныя, добытыя до сихъ поръ въ области теоріи русскаго народнаго эпоса.

Между тѣмъ, самыя основы изученія и научной критики произведеній русской народной поэзіи въ свою очередь, тоже не могутъ быть признаны вполне установленными. Послѣ недавней мифологической теоріи Гримма, утверждавшей, что видимое и безконечно повторяющееся

сходство преданій у разныхъ народовъ проистекаетъ изъ ихъ до-историческаго родства, теоріи, возвыщенной у насъ и прекрасно разработанной въ трудахъ Аванасьева и въ особенности Буслаева, — въ послѣднее время, возникло новое направленіе. Частію подъ вліяніемъ трудовъ Бенфея, доказывающаго, что напротивъ, сходство преданій объясняется путемъ чисто внѣшняго, устнаго или письменнаго, международнаго заимствованія, рѣшительно внѣ всякихъ условій племеннаго родства и до-историческаго единства, частію благодаря цѣлому ряду самостоятельныхъ трудовъ А. Н. Веселовскаго, новая теорія заимствованій уже и теперь обоснована положительнымъ образомъ. Изслѣдованіе средневѣковыхъ книжныхъ памятниковъ, въ сравненіи ихъ между собою и съ живымъ современнымъ фольклоромъ, указало, внѣ всякаго сомнѣнія: во-первыхъ, обильные факты книжнаго заимствованія въ средніе вѣка, факты международной передачи сказаній, и во-вторыхъ, продолжающееся существованіе этихъ сказаній въ современной народной памяти, при чемъ обнаруживалось, что очень многое, раньше казавшееся чисто-народнымъ міомъ, бывало не болѣе, какъ развитіемъ и видоизмѣненіемъ вычитаннаго въ книгѣ. Древне-русская поэзія, не смотря на нѣкоторыя особенныя условія своего развитія, не составляла, въ данномъ случаѣ, исключенія: и здѣсь изслѣдованіе раскрывало слѣды неподозрѣваемаго ранѣе общенія, путемъ котораго приходила масса чужихъ преданій и воздѣйствій культурныхъ. Новое направленіе не замедлило образовать новую школу, число послѣдователей которой увеличивается съ каждымъ днемъ. Предпринять—и главнымъ образомъ, самимъ же г. Веселовскимъ—колоссальный трудъ новаго пересмотра всего состава русскаго фольклора, для выясненія въ

немъ своего и чужого, отдѣленія мифологическихъ и поэтическихъ элементовъ и опредѣленія источниковъ ихъ. Обширная аналитическая работа, требующая громадной эрудиціи и массы труда, начата уже; но по необходимости она ограничивается пока разработкой частныхъ,—самое же построеніе плана цѣлаго можетъ быть выполнено лишь въ болѣе или менѣе отдаленномъ будущемъ.

Таково фактическое положеніе того отдѣла русской литературы, для изученія котораго предназначается настоящій выпускъ. При всемъ желаніи, я не считъ возможнымъ внести въ него выводы сравнительно-историческаго анализа школы заимствованій,—выводы, пока не соотвѣтствующіе условіямъ и требованіямъ средняго образованія: прямое мѣсто имъ въ университетскомъ преподаваніи, весьма важнымъ подспоріемъ для котораго будетъ и то, если ученики гимназій основательно познакомятся съ самой фавбулой важнѣйшихъ эпическихъ сказаній и хорошо усвоятъ содержаніе послѣднихъ.

Поэтому мы ограничились помѣщеніемъ текста избранныхъ былинъ съ необходимыми къ нему комментаріями. Согласно установившемуся въ педагогической практикѣ дѣленію, сперва приводятся былины о старшихъ или *затѣжныхъ* богатыряхъ и затѣмъ нѣсколько важнѣйшихъ былинъ кіевскаго и новгородскаго цикловъ. Во второмъ отдѣлѣ, помѣщены *духовные стихи*, — представляющіе тѣсную органическую связь съ былевымъ эпосомъ и, сами по себѣ, заслуживающіе внимательнаго изученія. Въ третьемъ отдѣлѣ заключается нѣсколько историческихъ пѣсенъ, сравненіе которыхъ съ былинами какъ со стороны формы, такъ и по содержанію, доставитъ полезный матеріалъ для классныхъ бесѣдъ.

Въ заключеніе, помѣщены восемь объяснительныхъ статей, посвященныхъ былинамъ и принадлежащихъ лучшимъ изслѣдователямъ этого рода поэзіи: Ѳ. И. Буслаеву, О. Ѳ. Миллеру, Л. Н. Майкову и др. Я считаю особенно важнымъ постепенно знакомить учениковъ старшихъ классовъ съ приемами научной критики, съ языкомъ и изложеніемъ, принятыми въ ученыхъ изслѣдованіяхъ. Если въ младшихъ и среднихъ классахъ необходимо нѣсколько поступаться требованіями чистой науки, въ интересахъ педагогическихъ, необходимо приспособляться къ степени умственного развитія и силамъ учащихся, то въ старшихъ весьма умѣстно, время отъ времени, поднимать ихъ до уровня серьезнаго научнаго изложенія. Непонятнаго для себя они здѣсь не встрѣтятъ ничего, а между тѣмъ, невольно запомнятъ имена лучшихъ ученыхъ своей родины и нѣсколько освоятся съ тѣмъ изложеніемъ предмета, съ которымъ неизбѣжно придется встрѣтиться имъ въ университетѣ. Замѣна такого рода приложеній небольшой объяснительной статьей самого составителя — какъ мнѣ совѣтовалъ одинъ изъ рецензентовъ — уже потому неудобна, что статья эта и по стилю, и по содержанію невольно напоминала-бы тотъ же учебникъ, составляя, во всякомъ случаѣ, менѣе цѣнную компиляцію изъ сочиненій тѣхъ же ученыхъ.

Къ книгѣ прилагается портретъ одного изъ „сказителей“ и картина, изображающая сцены изъ былинъ.

1893.

А. Ч.

Предисловіе ко 2-му изданію.

Въ настоящемъ 2-мъ изданіи, содержаніе выпуска вновь тщательно пересмотрѣно, провѣрено по наиболѣе исправнымъ текстамъ и исправлено. Мѣстами, сдѣлано нѣсколько новыхъ примѣчаній, на основаніи изслѣдованій былевого эпоса, появившихся въ свѣтъ послѣ выхода 1-го изданія этой книги (проф. Владимірова, Дашкевича, Жданова и др.). Въ главныхъ своихъ частяхъ, оно представляетъ воспроизведеніе предыдущаго. Мы сочли, однако необходимымъ нѣсколько расширить отдѣлъ былинъ кievскаго цикла, внося въ него четыре новыя былины: Сухманъ Одихмантьевичъ, Чурила Пленковичъ, Дюкъ Степановичъ и Соловей Будимировичъ. Въ нихъ изображаются эпическія черты народной поэзіи, не затронутыя въ былинахъ, избранныхъ для 1-го изданія этой книги. Въ настоящемъ своемъ составѣ, книга заключаетъ вполне достаточный матеріалъ для изученія всѣхъ наиболѣе типическихъ представителей нашего богатырскаго эпоса.

Объяснительныя статьи удержаны прежнія.

1903.

А. Ч.

СОДЕРЖАНІЕ.

Предисловія къ 1-му и 2-му изданіямъ	стр. I
--	--------

РУССКІЯ НАРОДНЫЯ БЫЛИНЫ.

I. Про старшихъ богатырей.

1) Вольга	1 — 5
2) Микула Селянниковичъ	6 — 9
3) Святогоръ	9 — 10
4) Святогоръ и Илья Муромецъ	10 — 17

II. Богатыри младшіе.

а) Кіевскій циклъ.

1) Илья Муромецъ	18 — 39
2) Алеша Поповичъ	39 — 47
3) Добрыня Никитичъ	47 — 68
4) Сухманъ Одихмантьевичъ	68 — 71
5) Чурила Пленковичъ	71 — 73
6) Дюкъ Степановичъ	74 — 78
7) Соловей Будимировичъ	78 — 80

б) Цикль Новгородскій.

1) Садко богатый гость	81 — 91
2) Василий Буслаевичъ	91 — 102
Отчего перевелись богатыри на Руси	102 — 108

ДУХОВНЫЕ СТИХИ.

1) Стихъ о Голубиной книгѣ	109 — 116
2) Стихъ о Егоріи Храбромъ	116 — 128

ИСТОРИЧЕСКІЯ ПѢСНИ.

	СТР.
1) Щелканъ Дудентьевичъ	127—132
2) Грозный царь Иванъ Васильевичъ.	133—139
3) Рожденіе Петра.	139—140

МАТЕРІАЛЫ ДЛЯ ИЗУЧЕНІЯ БЫЛИНЪ.

1) Процессъ созданія мѣровъ. <i>Θ. И. Буслаева</i>	141—146
2) Единство русскаго богатырскаго эпоса. <i>О. Θ. Миллера</i>	146—150
3) Старшіе богатыри. <i>О. Θ. Миллера</i>	150—153
4) Младшіе богатыри. <i>Θ. И. Буслаева</i>	153—157
5) Илья Муромецъ. <i>Л. Н. Майкова</i>	157—162
6) Василий Буслаевичъ. <i>Н. И. Костомарова</i>	162—176
7) Голубиная книга. <i>О. Θ. Миллера</i>	176—181
8) Егорій Храбрый. <i>Н. Порфирьева</i>	181—186

РУССКІЯ НАРОДНЫЯ БЫЛИНЫ.

І. ПРО СТАРШИХЪ ВОГАТЫРЕЙ.

1) Вольга ¹⁾.

Закатилось красное солнышко
За горушки высокія, за моря широкія,
Разсаждалися звѣзды частія по свѣтлу небу:
Порождался Вольгà сударь Буслаевичъ
На матушкѣ на святой Руси.
Попелъ Вольгà сударь Буслаевичъ по сырой земли:
Мать сыра земля сколыбалася,
И звѣри въ лѣсахъ разбѣжались,
И птицы по подоблачью разлетались,
И рыбы по синю морю разметались.
И пошелъ Вольгà сударь Буслаевичъ
Обучаться всякихъ хитростей, мудростей,
И всякихъ языковъ разныхъ.
Будетъ Вольгà семнадцати лѣтъ,
Прибираетъ дружину хоробрую:
Тридцать молодцевъ безъ единого,
Самъ Вольгà былъ во тридцатыхъ.
„Дружина, скаже, моя добрая, хоробрая!
„Слушайте большого братца, атамана-то:
„Вейте веревочки шелковыя,
„Становите веревочки во темну лѣсу,

¹⁾ Вольга — искаженная форма *вм. Олегъ, Олгъ*, съ придыханіемъ *в*.
Это тотъ же Волхъ Всеславичъ, вѣщій оборотень.

„Становите веревочки по сырой земли,
„И ловите вы куницъ и лисицъ,
„Дикихъ звѣрей и черныхъ соболей,
„И ловите по три дня и по три ночи,
Слушали большого братца, атамана-то
Дѣлали дѣло повелѣное, и т. д.
Не могли добыть ни одного звѣрка.
Повернулся Вольгѣ сударь Буслаевичъ левымъ звѣремъ
(львомъ),

Поскочилъ по сырой земли, по темну лѣсу,
Заворачивалъ куницъ, лисицъ,
И дикихъ звѣрей, черныхъ соболей,
Большихъ поскакучіихъ зайшекъ,
Малыхъ горностаюшекъ.

И будетъ во градѣ во Кіевѣ
Со своею дружиною со доброю,
И скажетъ Вольгѣ сударь Буслаевичъ:
„Дружинушка ты моя добрая, хоробрая!
„Слушайте большого братца, атамана-то:
„Вейте силышка шелковыя,
„Становите силышка на темный лѣсъ,
„На темный лѣсъ, на самый верхъ,
„Ловите гусей, лебедей, ясныхъ коколей ¹⁾,
„И малу птицу пташицу,
„И ловите по три дня и по три ночи“.
И слушали большого брата, атамана-то,
Дѣлали дѣло повелѣное; и т. д.
Не могли добыть ни одной птички.
Повернулся Вольгѣ сударь Буслаевичъ Науѣ-птицей ²⁾,
Полетѣлъ по подоблачью,
Заворачивалъ гусей, лебедей, ясныхъ соколей,
И малую птицу пташицу.

¹⁾ *Коколь*, — измѣненное *гоголь*, родъ утки.

²⁾ Иначе: *ногъ*, *нога* — названіе, встрѣчаемое и въ другихъ произведе-
ніяхъ народной поэзіи.

И будутъ во городѣ во Кіевѣ, и т. д.
Скажетъ Вольгѣ сударь Буслаевичъ:
„Возьмите топоры дроворубные,
„Стройте судёнышко дубовое,
„Вяжите путевья шелковыя,
„Выѣзжайте вы на сине море,
„Ловите рыбу семжинку и бѣлужинку,
„Щученьку и плотиченку,
„И дорогую рыбу осетринку,
„И ловите по три дня и по три ночи“.
И слушали большого братца, атамана-то и т. д.
Не могли добыть ни одной рыбки.
Повернулся Вольгѣ сударь Буслаевичъ рыбой щучиною
И побѣждалъ по синю морю,
Заворачивалъ рыбу семжинку и бѣлужинку,
Щученьку и плотиченку,
Дорогую рыбу осетринку.
И будетъ во градѣ, во Кіевѣ, и т. д.
И скажетъ Вольгѣ сударь Буслаевичъ:
„Дружина моя добрая, хоробрая,
„Кого бы намъ послать во Турецъ-землю,
„Провѣдати про думу, про царскую,
„Что царь думы думаетъ,
„И думаетъ ли ѣхать на святую Русь?
„Старого послать,—будетъ долго ждать.
„А середняго послать-то—виномъ запоятъ.
„А малаго послать,—заиграется;
„Будетъ, видно, Вольгѣ самому пойти!“
Повернулся Вольгѣ сударь Буслаевичъ
Малою птицею, пташицей,
Полетѣлъ ёнъ по подоблачью.
И скоро будетъ во Турецъ-землѣ,
Будетъ у царя турецкаго,
Противъ самыхъ окошечекъ,
И слушаетъ онъ рѣчи тайныя.

Говорить царь со царицею:

„Ай же ты, царица Давыдьевна!

„Я знаю про то, вѣдаю:

„На Руси-то трава растеть не по старому,

„Цвѣты цвѣтутъ не попржнему,

„А видно Вольги-то живого нѣтъ“.

Говорить царица Давыдьевна:

„Ай же ты, царь Турецъ-Санталъ! ¹⁾

„На Руси трава все растеть по старому, и т. д.

„А ночесь спалось,—во сняхъ все видѣлось:

„Бывъ (будто) сподъ восточныя, сподъ сторонущи

„Налетала птица, малая пташица,

„А сподъ западней, сподъ сторонущи

„Налетала птица черный воронъ;

„Слеталися они во чистомъ полѣ,

„Промежду собою подиралися;

„Малая-то птица пташица

„Чернаго ворона поклевывала,

„По перышку она повыщипала

„И на вѣтеръ все повыпускала“.

Проговорить царь Турецъ-Санталъ:

„Ай же ты, царица Давыдьевна!

„А я думаю скоро ѣхать на Святую Русь,

„Возьму я девять городовъ

„И подарю своихъ девять сыновъ,

„Привезу себѣ шубоньку дорѣгую“

Говорить царица Давыдьевна:

„А не взять тебѣ девяти городовъ“ и т. д.

Проговорить царь Турецъ-Санталъ:

„Ахъ ты старый чортъ!

„Сама спала, себѣ сонъ видѣла!“

И ударить онъ по бѣлу лицу,

И повернется,—по другому, (по другой щекѣ)

¹⁾ Перестановка звуковъ: *султанъ*.

И кинетъ царицу о кирпиченъ полъ,
И кинетъ ю во второй-то разъ;
„А поѣду я на святую Русь,“ и т. д.
Повернулся Вольгѣ сударь Буслаевичъ сѣрымъ волкомъ:
И поскачилъ-то онъ на конюшенъ дворъ,
Добрыхъ коней тѣхъ всѣхъ пѣребралъ,
Глотки-то у всѣхъ у нихъ пѣрервалъ.
А повернулся Вольгѣ сударь Буслаевичъ
Малымъ горносталюшкомъ:
Поскачилъ во горницу въ оружейную,
Тугіе луки перѣломалъ,
И шелковыя тетивочки пѣрервалъ,
И каленныя стрѣлы всѣ повыломалъ,
Вострыя сабли повыщербилъ,
Палицы булатныя дугой согнулъ,
Повернулся Вольгѣ сударь Буслаевичъ
Малою птицею пташицей,—
И будетъ скоро во градъ во Кіевѣ.
И повернулся онъ добрымъ молодцемъ,
И будетъ онъ со своею со дружиною со доброю:
„Дружина моя добрая, хоробрая!
„Пойдемте мы во Турецъ-землю!“
И пошли они во Турецъ-землю,
И силу турецкую во полонъ брали.
„Дружина моя, добрая, хоробрая!
Станемте теперъ полону подѣлять!
Чтò было на дѣлу дорого,
Чтò было на дѣлу дешево?
А добрые кони по семи рублей,
А оружье булатное по шести рублей,
Палицы булатныя по три рубля.
А то было на дѣлу дешево—женскій полъ.
Старушечки были по полущечки,
А молодущечки по двѣ полущечки,
А красныя дѣвушки по денежки.

2) Микула Селянинович¹⁾.

Молодой Вольгà Святославовичъ
Со своей дружинешкой хороброю
Онъ поѣхалъ къ городамъ за получкою (данью).
Выѣхалъ въ раздольице чисто-поле,
Онъ услышалъ во чистомъ полѣ ратая²⁾:
Оретъ въ полѣ ратай, понукиваетъ,
Сошка у ратая поскрипываетъ,
Омѣшники³⁾ по камешкамъ почеркиваютъ.
Ѣхалъ Вольгà до ратая
День съ утра онъ до вечера,
Со своею дружинешкой хороброей,
А не могъ онъ до ратая доѣхати.
Ѣхалъ Вольгà ещё другоу день,
Другоу день съ утра до вечера,
А не могъ до ратая доѣхати.
Оретъ въ полѣ ратай, понукиваетъ, и т. д.
Ѣхалъ Вольгà ещё третій день,
Третій день съ утра до пабѣдья⁴⁾,
Наѣхалъ онъ въ чистомъ поле ратая:
Оретъ въ полѣ ратай, понукиваетъ,
Съ края въ край бороздки пометываетъ;
Въ край онъ уѣдетъ, другоу не видать;
Коренья, каменья вывертываетъ,
А великіе-то всѣ каменья въ борозду валить;
Кобыла у ратая соловая,
Сошка у ратая кленовая,
Гужики у ратая шелковые.
Говорилъ Вольгà таковы слова:

¹⁾ Микула, т. е. Николай, селянинъ, вѣщій пахарь.

²⁾ Ратай—сокращен. оратай отъ орать—пахать.

³⁾ Омѣшъ—сошникъ.

⁴⁾ Пабѣдье—полдникъ, второй завтракъ.

„Божья ти помочь, оратаюшко!

„Орать, да пахать, да крестьянствовать,

„Съ края въ край бороздки пометывать,

„Коренья, каменья вывертывать!“

Говорилъ оратай таковы слова:

„Подитко, Вольгà Святославовичъ,

„Со своею со дружинушкой хороброю,

„Мнѣ-ка надобна Божья помочь крестьянствовать!

„Далеко ль, Вольгà, ѣдешь, куда путь держишь

„Со своею со дружинушкой хороброю?“

— „Ай же ты, ратаю-ратаюшко!

„Ѣду къ городамъ за получкою:

„Ко первому городу ко Гурчевцу,

„Ко другому ко городу къ Орѣховцу,

„Ко третьему городу ко Крестьяновцу“ ¹⁾.

Говорить оратай таковы слова:

„Ай же Вольгà Святославовичъ!

„А недавно я былъ въ Городни, третьёво дни,

„На своей кобылкѣ соловоей,

„Увезъ я оттолъ соли только два мѣха,

„Два мѣха соли по сороку пудъ.

„И живутъ-то мужики все разбойники,

„Они просятъ грошевъ подорожныхъ;

„А былъ я съ шалыгой ²⁾ подорожною,

„Платилъ имъ гроши подорожные:

„Который стоя стоитъ, тотъ и сидя сидитъ,

„А который сидя сидитъ, тотъ и лежа лежитъ“.

Говорилъ Вольгà таковы слова:

„Ай же, оратай-оратаюшко,

„Поѣдемъ со мною въ товарищахъ!“

¹⁾ Этими тремя городами пожаловалъ Вольгу Владиміръ стольно-кѣвскій, безъ котораго дѣло не обходится ни въ одной былинѣ (кромя повгородскихъ).

²⁾ *Шалыга*—тоже, что *шелегуна*: плетъ съ обвязанной пугей, кистень.

Этотъ оратай-оратаюшко

Гужи́ки шелковеньки повыстегну́ль,

Кобылку изъ сошки повыверну́ль;

Сѣли на добрыхъ коней, поѣхали.

Говоритъ оратай таковы слова:

„Ай же, Вольга́ Святославовичъ!

„Оставилъ я сошку въ бороздочкѣ,

„И не для-ради прохожаго, проѣзжаго,

„А для-ради мужика деревенщины.

„Какъ бы сошку съ земельки повыдернути,

„Изъ омѣшиковъ земельку повытряхнути

„И бросить бы сошка за ракитовъ кустъ?“

Молодой Вольга́ Святославовичъ

Посылаетъ онъ съ дружинушки хоробря

Пять молодцовъ могучихъ,

Чтобы сошку съ земельки повыдернули, и т. д.

Пять молодцевъ могучихъ

Приѣхали къ сошкѣ кленовые:

Они сошку за обжи ¹⁾ вокругъ вертятъ,

А не могутъ сошки съ земельки повыдернути и т. д.

Молодой Вольга́ Святославовичъ

Посылаетъ онъ цѣлымъ десяточкомъ и т. д.

Они сошку за обжи вокругъ вертятъ:

Сошки отъ земли поднять нельзя, и т. д.

Посылалъ онъ всю дружинушку хоробую, и т. д.

А не могутъ сошки съ земельки повыдернути, и т. д.

Подѣхалъ оратай-оратаюшко

На своей кобылкѣ соловенькой

Ко этой ко сошкѣ кленовой:

Бралъ-то онъ сошку одной рукой,

Сошку съ земельки повыдерну́ль,

Изъ омѣшиковъ земельку повытряхну́ль,

Бросилъ сошку за ракитовъ кустъ.

¹⁾ Обжи—оглобли у сохи.

Сѣли на добрыхъ коней, поѣхали.
 Оратая кобылка-то рысью идетъ,
 А Вольгинъ-отъ конь и поскакиваетъ;
 У оратая кобылка-то грудью пошла.
 А Вольгинъ-отъ конь остается.
 Сталь Вольгà тутъ покрикивати,
 Колпакомъ Вольгà сталъ помахивати:
 „Постой-ка ты, ратай-оратаюшко!
 „Этая кобылка конькомъ бы была,—
 „За эту кобылку пятьсотъ бы дали“.
 Говорилъ оратай таковы слова:
 „Глупый Вольгà Святославовичъ!
 „Взялъ я кобылку жеребчикомъ сподъ матушки
 „И заплатилъ за кобылку пятьсотъ рублей:
 „Этая кобылка конькомъ бы была,—
 „За эту кобылку смѣты бы нѣтъ“.
 Говорилъ Вольгà Святославовичъ:
 „Ай же ты, ратаю-ратаюшко!
 „Какъ-то тебя именемъ зовутъ,
 „Какъ звеличаютъ по отечеству?“
 Говорилъ оратай таковы слова:
 „Ай же, Вольгà Святославовичъ!
 „А я ржи напашу, да во скирды сложу,
 „Во скирды складу, домой выволочу,
 „Домой выволочу, да дома вымолочу;
 „Драни надеру, да и пива наварю,
 „Пива наварю, да и мужичковъ напою.
 „Станутъ мужички меня покликивати:
 „Молодой Микулушка Селяниновичъ!

3) С в я т о г о р ь.

Снарядился Святоторъ во чисто поле гуляти,
 Засѣдлаетъ своего добра коня
 И ѣдетъ по чисту полю.

Не съ кѣмъ Святогору силой помѣряться,
А сила-то по жилочкамъ
Такъ живчикомъ и переливается;
Грузно отъ силушки, какъ отъ тяжелаго бремени.
Вотъ и говорить Святогоръ:
„Какъ бы я тяги ¹⁾ нашель,
„Такъ бы я всю землю поднялъ!“
Наѣзжаетъ Святогоръ въ степи
На маленькую сумочку переметную;
Беретъ погонялку, пощупаетъ сумочку, — она не скря-
нется,

Двинетъ перстомъ ее.—не сворохнется,
Хватить съ коня рукою,—не подымется!
„Много годовъ я по свѣту ѣзживаль,
„А эдакова чуда не наѣзживаль,
„Такова дива не видываль:
„Маленькая сумочка переметная
„Не скрянется, не сворохнется, не подымется!“
Слѣзаетъ Святогоръ съ добра коня,
Ухватилъ онъ сумочку обѣма ²⁾ руками,
Поднялъ сумочку повыше колѣнъ:
И по колѣна Святогоръ въ землю угрязъ,
А по бѣлу лицу не слезы, а кровь течетъ.
Гдѣ Святогоръ угрязъ, тутъ и встать не могъ.
Тутъ ему было и конченіе.

4) Святогоръ и Илья Муромецъ.

Во славномъ городѣ во Муромѣ
Во селѣ было Карачаровѣ,
Сиднемъ сидѣлъ Илья Муромецъ,
Илья Муромецъ, крестьянскій сынъ,

¹⁾ „Святогоръ ищетъ „тягу земли“, тяжесть равную землѣ, равно-
сильный рычагъ, чтобы повернуть всю землю“.

²⁾ Обѣма руками—двойств. число.

Сиднемъ сидѣль цѣло тридцать лѣтъ.
Уходилъ государь его батюшка
Со родителемъ со матушкою
На работушку на крестьянскую.
Какъ приходили двѣ калики перехожія ¹⁾,
Подъ тое окошечко косящето,
Говорятъ калики таковы слова:
„Ай же ты, Илья Муромецъ,
„Илья Муромецъ, крестьянскій сынъ!
„Отворяй каликамъ ворота широкія,
„Пусти-ка каликъ къ себѣ въ домъ“.
Отвѣтъ держитъ Илья Муромецъ:
„Ай же вы, калики перехожія,
„Не могу отворить воротъ широкихъ,
„Сиднемъ сижу цѣло тридцать лѣтъ,
„Не владаю ни руками, ни ногами“.
Опять говорятъ калики перехожія:
„Выставай-ка, Илья, на рѣзвы ноги,
„Отворяй-ка ворота широкія,
„Пускай-то каликъ къ себѣ въ домъ“.
Выставалъ Илья на рѣзвы ноги,
Отворялъ ворота широкія
И пускалъ каликъ къ себѣ въ домъ“.
Приходили калики перехожія,
Они крестъ кладутъ по писаному,
Поклонъ ведутъ по ученому,
Наливаютъ чарочку питьица медвянаго,
Подносятъ-то Ильѣ Муромцу.
Какъ выпилъ-то чару питьица медвянаго,
Богатырско его сердце разгорѣлося,
Его бѣлое тѣло распотѣлося.
Воспроговарятъ калики таковы слова:

¹⁾ Калики перехожіе—калѣки, страждовавшіе по святымъ мѣстамъ, нищіе.

„Что чувствуешь въ себѣ, Илья?“
Билъ челомъ Илья, каликъ поздравствовалъ:
„Слышу въ себѣ силушку великую“.
Говорятъ калики перехожія:
„Будешь ты Илья, великій богатырь,
„И смерть тебѣ на бою не писана.
„Бейся-ратися со всякимъ богатыремъ
И со всею поленицею ¹⁾ удалю;
„А только не выходи драться
„Съ Святогоромъ богатыремъ:
„Его и земля на себѣ черезъ силу носить;
Не ходи драться съ Самсономъ богатыремъ:
„У него на головѣ семь власовъ ангельскихъ,
„Не бейся и съ родомъ Микуловымъ:
„Его любитъ матушка сыра земля;
„Не ходи еще на Вольгу Сеславича:
„Онъ не силою возьметъ,
„Такъ хитростью-мудростью.
„Доставай, Илья, коня себѣ богатырскаго,
„Выходи въ раздольице чисто-поле,
„Покупай перваго жеребчика,
„Станови его въ срубъ на три мѣсяца,
„Корми его пшеномъ бѣлояровымъ,
„А пройдетъ поры-времени три мѣсяца,
„Ты по три ночи жеребчика въ саду поваживай,
„И въ три росы жеребчика выкатывай,
„Подводи его къ тыну высокому:
„Какъ станетъ жеребчикъ черезъ тынъ перескакивать
„И въ ту сторону, и въ другую сторону,
„Поѣзжай на немъ, куда хочешь,
„Будетъ носить тебя“.

¹⁾ Поленица, поляница—отъ поля: *полевать* и *полеваться*—разѣзжать въ полѣ ради подвиговъ. Такъ назывались женщины-наѣздницы, выезжавшія въ поле для ратныхъ подвиговъ богатырства.

Тутъ калики потерялися.

Пришли его родители да рожденные,

Пришли они со работы, со крестьянской,

Пришли его братія да родимые,

Да пришли его сестры да любимыя.

Обрадовались ему рожденные да родители.

И съ радости родители опечалились:

Тридцать лѣтъ сидѣль на сѣдалищѣ,

Не имѣль-то онъ ни рукъ, ни ногъ!

Говорить Илья своимъ рожденнымъ родителямъ,

Говорить Илья да таковы слова:

„Ай же вы, мои родители рожденные!

„Гдѣ вы были на крестьянской на работушкѣ?“

А иже отвѣчали его рожденные родители:

„Слава тебѣ Господи, тридцать лѣтъ сидѣль Илья да
на сѣдалищѣ,

„Не имѣль Илей вѣдь ни рукъ, ни ногъ“.

Спросилъ у рожденныхъ родителей:

А и же вы, мои рожденные родители!

„Гдѣ вы работали крестьянскую работушку?“

Говорятъ ему родители да рожденные:

„Ай же ты, Илей, мы работаемъ лугъ-пѡжню,

„Чистимъ лугъ-пѡжню за три поприща отъ дому“.

„Ай же вы, родители мои рожденные,

„Сведите меня туда да на займище,

„Укажите вы мнѣ мою работушку“.

Привелъ его родитель да на займище:

„Укажи мнѣ, родитель, по которыхъ мѣстѣ межа“.

Захватилъ Илейко лѣсу-кусту въ пѣсть,

Отрубилъ лѣсы дремучіе по кѡрешку,

Бросилъ на мѣсто на пристойное,

Говорилъ родителю да таково слово:

„А и же ты, мой-то родитель рожденный!

„Полно-ли тебѣ лугъ-пѡжню чистить.

„Простите меня съ рожденнаго со мѣста.

Много рассказывается въ разныхъ былинахъ о походе-
нїяхъ Ильи Муромца, но вотъ что говорится о встрѣчѣ его
съ однимъ изъ богатырей *старшихъ*: „Илья, не найдя себѣ
равнаго силою, слышалъ, что есть одинъ богатырь силы
непомѣрной, котораго и земля не держитъ и который на
всей землѣ нашелъ одну только, могущую выдержать его
гору, и лежить на ней. Ильѣ Муромцу захотѣлось съ нимъ
помѣряться. Пошелъ онъ искать этого богатыря и нашелъ
гору, а на ней лежить огромный богатырь, самъ какъ гора.
Илья наноситъ ему ударъ. „Никакъ я зацѣпилъ за сучекъ“,
говоритъ богатырь. Илья, напрягши всю свою силу, повто-
ряетъ ударъ. „Вѣрно я за камешекъ задѣлъ“, говоритъ бога-
тырь; оборотясь, онъ увидалъ Илью Муромца и сказалъ ему:
„А, это ты, Илья Муромецъ! Ты силенъ между людьми и
будь между ними силенъ, а со мною нечего тебѣ мѣрять силы.
Видишь, какой я уродъ; меня и земля не держитъ; нашелъ
себѣ гору, и лежу на ней“ ¹⁾. Это долженъ быть одинъ изъ
тѣхъ богатырей, съ которыми калики запретили Ильѣ сра-
жаться.

Илья Муромецъ

Сѣдлалъ добра коня, зауздывалъ,

Бралъ у батюшки, у матушки

Прощеньице-благословеньице,

И поѣхалъ въ раздольице чисто-поле:

Наѣхалъ Илья въ чистомъ полѣ

На шатеръ бѣлополотняный.

Стоитъ шатеръ подъ великимъ сырымъ дубомъ,

И въ томъ шатрѣ кровать богатырская немалая:

Долиной кровать десяти сажень,

Шириной кровать шести сажень.

Привязалъ Илья добра коня къ сыру дубу,

Легъ на тую кровать богатырскую

¹⁾ Слышано и записано покойнымъ К. С. Аксаковымъ. Пѣсни, собран-
ныя П. В. Кирѣевскимъ, вып. I, приложения, стр. XXX и XXXI.

И спать-заснулъ.

А сонъ богатырскій крѣпокъ:

На три дня и три ночи.

На третій день услыхалъ его добрый конь

Великій шумъ съ-подъ сиверныя сторонущи:

Мать сыра земля колебается,

Темны лѣсушки шатаются,

Рѣки изъ крутыхъ береговъ выливаются.

Бьетъ добрый конь копытомъ о сыру землю,

Не можетъ разбудить Илью Муромца.

Проязычилъ конь языкомъ человѣческимъ:

„Ай же ты, Илья Муромецъ!

„Спишь себѣ, проклаждаешься,

„Надъ собой незгодушки не вѣдаешь:

„Ѣдетъ къ шатру Святогоръ богатырь.

„Ты спущай меня во чисто поле,

„А самъ полѣзай не сырой дубъ“.

Выставалъ Илья на рѣзвы ноги, и т. д.

Видитъ: ѣдетъ богатырь выше лѣсу стоячаго,

Головой упираетъ подъ облаку ходячую,

На плечахъ везетъ хрустальный ларецъ,

Пріѣхалъ богатырь ко сыру дубу,

Снялъ съ плечъ хрустальный ларецъ,

Отмыкалъ ларецъ золотымъ ключемъ:

Выходитъ оттолъ жена богатырская.

Такой красавицы на бѣломъ свѣтѣ

Не видано и не слыхано:

Ростомъ она высокая,

Походка у ней щепливая (мелкая, щегольская),

Очи яснаго сокола,

Бровушки чернаго соболя,—

Какъ вышла изъ того ларца, собрала на столъ,

Полагала скатерти бранныя,

Ставила на столъ ѣствушки сахарнія,

Вынимала изъ ларца питица медвяныя.

Святогоръ, пообѣдавъ, ложится спать въ шатеръ, а жена его отправляется гулять „по чисту полю“. Замѣтивъ на сѣромъ дубу Илью, она приказала ему слѣзть и посадила къ мужу въ карманъ. Святогоръ проснулся, сѣлъ на коня и поѣхалъ къ святымъ горамъ. Дорогою онъ узнаеть, что въ карманѣ у него сидитъ богатырь, вытаскиваетъ его оттуда и разспрашиваетъ, какъ онъ туда попалъ. Илья рассказываетъ ему все по правдѣ. Тогда Святогоръ, разсердившись, убилъ жену, а съ Ильей обмѣнялся крестомъ и назвалъ меньшимъ братомъ.

Выучилъ Святогоръ Илью
Всѣмъ похваткамъ, поѣздкамъ богатырскимъ,
И поѣхали они къ сивернымъ горамъ,
И наѣхали путемъ-дорогою на великій гробъ,
На томъ гробу подпись подписана:
„Кому суждено во гробу лежать,
„Тотъ въ него и ляжетъ“.
Легъ Илья Муромецъ:
Для него домовище и велико, и широко.
Ложился Святогоръ богатырь:
Гробъ пришелся по немъ.
Говорить богатырь таковы слова:
„Гробъ точно по мнѣ дѣланъ.
„Возьми-тко крышку, Илья,
„Закрой меня“.
Отвѣчаетъ Илья Муромецъ:
„Не возьму я крышки, большій братъ,
„И не закрою тебя:
„Шутишь ты шуточку немалую,
„Самъ себя хоронить собрался“.
Взялъ богатырь крышку, и самъ закрылъ ею гробъ:
Да какъ захотѣлъ поднять ю,
Никакъ не можетъ;
Бился онъ и силился поднять,

И проговорилъ Ильѣ Муромцу:

„Ай, меньшій братъ!

„Видно судьбина поискала меня,

„Не могу поднять крышки,

„Попробуй-ка приподнять ю“.

Попробоваль Илья Муромецъ поднять крышку, да гдѣ ему! Говорить Святогоръ богатырь: „Возьми мой мечъ-кладенецъ и ударь поперекъ крышки“. Ильѣ не подъ силу и поднять Святогорова меча-кладенца. Зоветъ его Святогоръ богатырь: „Наклонись ко гробу, ко маленькой щелочкѣ: я дохну на тебя духомъ богатырскимъ“.—Какъ наклонился Илья, идохнуть на него Святогоръ богатырь своимъ духомъ богатырскимъ: почуваль Илья, что силы въ немъ противъ прежняго прибавилось втрое, подняль онъ мечъ-кладенецъ и ударилъ поперекъ крышки. Отъ того удара посыпались искры, а гдѣ ударилъ мечъ-кладенецъ, на томъ мѣстѣ выросла полоса желѣзная. Зоветъ его Святогоръ богатырь: „Душно мнѣ, меньшій братъ, попробуй еще ударить мечемъ вдоль крышки“. Ударилъ Илья вдоль крышки—и тутъ выросла желѣзная полоса. Опять проговорить Святогоръ богатырь: „Задыхаюсь я, меньшій братъ; наклонись-ка ко щелочкѣ, я дохну еще на тебя и передамъ тебѣ всю силушку великую“. Отвѣчаетъ Илья: „Будетъ съ меня силы, большій братецъ, не то земля на себѣ носить не станетъ“. Промолвился тутъ Святогоръ богатырь: „Хорошо ты сдѣлалъ, меньшій братъ, что не послушалъ моего послѣдняго наказа: я дохнулъ бы на тебя мертвымъ духомъ, и ты бы легъ мертвъ подлѣ меня. А теперь прощай, владѣй моимъ мечомъ-кладенцемъ, а добра коня моего богатырскаго привяжи къ моему гробу. Никто кромѣ меня не совладаетъ съ этимъ конемъ“. Тутъ пошелъ изъ щелочки мертвый духъ; простился Илья съ Святогоромъ, привязаль его добра коня ко тому ко гробу, оноевалъ Святогоровъ мечъ-кладенецъ, и поѣхаль въ раздольище чисто поле. (Пѣсни Рыбникова, ч. I, стр. 36—38, 40—42).

II. БОГАТЫРИ МЛАДШІЕ.

А. КІЕВСКІЙ ЦИКЛЬ.

1) Илья Муромецъ.

Кто бы намъ сказалъ про старое,
Про старое, про бывалое,
Про того Илью про Муромца?
Илья Муромецъ сынъ Ивановичъ,
Онъ въ сидняхъ сидѣлъ тридцать три года;
Пришли къ нему нища братія:
„Ты пойдѣ, Илья, принеси испить!“
— Нища братія, я безъ рукъ, безъ ногъ!—
Ты вставай, Илья, насъ не обманывай!“
Илья сталъ вставать, ровно встрѣпаннѣй;
Онъ пошелъ, принесъ чашу въ полтора ведра,
Нищей братіи сталъ поднашивать;
Ему нищи отворачиваютъ;
Нища братія у Ильи спрашивали:
„Много ли, Илья, чуешь въ себѣ силушки?“
— Отъ земли столбъ былъ бы до нѣбушки,
Ко столбу было золотѣ кольцо,
За кольцо бы взялъ, святорусску ¹⁾ повѣротилъ!—
„Ты пойдѣ, Илья, принеси другу чашу!“
Илья сталъ имъ поднашивать,
Они Ильѣ отворачиваютъ;
Выпивалъ Илья безъ отдыха
Большу чашу въ полтора ведра;
Они у Ильи стали спрашивать:
„Много ли, Илья, чуешь въ себѣ силушки?“
— Во мнѣ силушки половинуска.—
„Проводи, Илья, насъ во чистѣ поле,
„Во чисто поле къ високу бугру,
„Къ високу бугру, ко раскатисту“.

¹⁾ Святорусскую землю.

На бугрѣ Илья отдохнуть прилежъ,
Богатырскій сонъ на двѣнадцать дѣнь.

Приѣхалъ онъ ко камешку ко горячему,

Отъ камешка три розстани,

Три розстани, три дороженьки,

А на камешки какъ было написано:

„Что въ одну дорожку ѣхать—убиту быть,

„Въ другую ѣхать—женату быть“.

„А въ третью ѣхать—богату быть,

Сталъ да пораздумался:

„Въ котору ѣхать мнѣ дороженьку?

„Что мнѣ удалому богату быть

„И что мнѣ удалому женату быть,

„А поѣду въ ту дорожку, гдѣ убиту быть!“

Ѣхалъ онъ три часа,

Проѣхалъ ровно триста верстъ.

Приѣзжалъ какъ онъ къ тѣмъ горамъ,

Къ тѣмъ горамъ да къ высокімъ,

Начали разбойнички съ горъ выскакивати,

Наскакало разбойничковъ сорокъ тысячъ,—

Начали удалаго пошалакивать,

Началъ удалой казакъ выговаривать:

„Ай же, сорокъ тысячъ разбойниковъ!

„Что вамъ взять у меня у удалаго?

„Нѣтъ у меня многой несчетной золотой казны,

„Нѣтъ у меня прекрасной молодой жены,

„Нѣту у меня платья цвѣтнаго;

„Только у меня добрый конь,

„Добрый конь въ триста рублей,

„На коню приправа во пятьсотъ рублей,

„У себя приправа богатырска въ цѣлу тысячу;

Какъ выдергивалъ онъ палицу желѣзную

Во сто девяносто пудъ,

Какъ началъ разбойничковъ пощалкивать,—
Прибилъ онъ разбойничковъ сорокъ тысячей.

Тутъ удалый поворотъ держалъ,
Приѣзжалъ какъ онъ ко камешку ко горячему,
Тую запись поднавливалъ,
Что: „Въ ту дорожку ѣздилъ—убить не былъ“.
„Поѣду въ тую, гдѣ женату быть!“
Ѣхалъ онъ ровно три часа,
Проѣхалъ ровно триста верстъ.
Выѣзжалъ какъ онъ на тыи на поля на чистыя,
На чистыя поля, на луга на зеленые,
На тѣхъ-то поляхъ на чистыхъ,
На лугахъ на зеленыхъ,
Стоить какъ чудо чудное, диво дивное:
Городомъ назвать,—такъ онъ мѣль стоитъ,
А селомъ назвать,—такъ онъ великъ стоитъ;
Стоять тутъ палаты бѣлокаменны.
Приѣзжалъ какъ онъ къ палатамъ на широкъ дворъ,
Какъ съ тѣхъ палатъ бѣлокаменныхъ
Выходила премлада прекрасна Королевична,
Брала удалаго за бѣлы руки,
Цѣловала во уста во сахарныя,
Проводила въ палаты бѣлокаменны,
Сажала за тѣ столы дубовые...

Вмѣсто того, чтобы влюбиться въ Королевичну, Пляя до-
гадывается, что она чародѣйка. Онъ ее убиваетъ.

Онъ тутъ бралъ золоты ключи,
Шель—отмыкалъ погреба онъ глубокіе,
Какъ выпускалъ много удалыхъ-добрыхъ молодцевъ,
Много сильныхъ-могучихъ богатырей.
Какъ тутъ все имѣнье-богачество
Роздалъ удалымъ-добрымъ молодцамъ,
Сильнымъ-могучимъ богатырямъ.
А тѣ палаты бѣлокаменныя огню предалъ.

Тутъ-то удалый поворотъ держалъ.
Пріѣзжалъ какъ удалый къ тому же ко камешку,
Тую опять запись поднавливалъ:

„Въ ту дорожку ѣздилъ—женать не былъ.

„Поѣду во третью дорожку, гдѣ богату быть?“

Ѣхалъ онъ три часа,

Проѣхалъ триста верстъ.

Опять какъ выѣзжалъ на поля на чистыя,

На поля на чистыя, на луга на зеленые,

Какъ тутъ копаны погреба все глубокіе,

Насыпаны всѣ краснаго золота,

Краснаго золота, чистаго серебра

И мелко-скачнаго жемчуга.

Онъ говоритъ: „Куда мнѣ удалому съ имѣньцемъ,

„Со многой несчетной золотой казной?“

Сталъ да призадумался:

Взялъ какъ—на это на имѣньцо,

На тѣхъ на поляхъ на чистыхъ,

Построилъ монастыри богомольные,

Построилъ церкви соборныя,

Повелъ тутъ пѣніе церковное,

Пѣніе церковное, звоны колокольные.

„Чье было имѣнье, за того пускай идетъ!“

Тутъ-то удалый поворотъ держалъ,

Опять пріѣзжалъ ко тому то камешку ко горячему,

Опять ту запись поднавливалъ:

„Какъ въ тую дорожку ѣздилъ—богаты не былъ“.

Не сырой дубъ къ землѣ клонится,

Не бумажны листочки разстилаются:

Разстилается сынъ передъ батюшкомъ;

Онъ и просить себѣ благословеньица:

„Охъ ты гой еси, родимый, милый батюшка!

„Дай ты мнѣ своё благословеньицо,

„Я поѣду въ славный, стольный Кіевъ-градъ

„Помолиться чудотворцамъ кіевскимъ,

„Заложиться за князя Владиміра,

„Послужить ему вѣрой-правдою,

„Постоять за вѣру христіанскую“.

Отвѣчаетъ старой крестьянинъ Иванъ Тимофеевичъ:

„Я на добрыя дѣла тебѣ благословенье дамъ,

„А на худыя дѣла благословенья нѣтъ.

„Поѣдешь ты путемъ и дорогою,

„Не помысли зломъ на татарина,

„Не убей въ чистомъ полѣ христіянина“.

Поклонился Илья Муромецъ отцу до земли,

Самъ онъ сѣлъ на добра коня,

Поѣхалъ онъ во чисто поле.

Онъ и бьетъ коня по крутымъ бедрамъ,

Пробиваетъ кожу до чѣрнѣ мяса;

Ретивой его конь осержается,

Прочь отъ земли отдѣляется,

Онъ и скачетъ выше дерева стоячаго,

Чуть пониже облака ходячаго.

Первый скокъ скочилъ на пятнадцать верстъ;

Въ другой скочилъ, колодезь сталъ;

У колодезя срубилъ сырой дубъ,

У колодезя поставилъ часовенку,

На часовнѣ подписалъ свое имячко:

Ѣхалъ такой-то сильный, могучій богатырь,

„Илья Муромецъ, сынъ Ивановичъ“;

Въ третій скочилъ—подъ Черниговъ градъ.

Подъ Черниговомъ стоитъ сила—смѣты нѣтъ;

Подъ Черниговомъ стоятъ три царевича,

Съ каждымъ силы сорокъ тысячей.

Богатырско сердце разгѣрчиво и неуёмчиво;

Пуще огня-огничка сердце разыграется,

Пуще пляшатаго (палящаго) мороза разгорается...

Тутъ возговоритъ Илья Муромецъ такое слово:

„Не хотѣлось было батюшку супротивникомъ быть,

„Еще знать-то его заповѣдь перѣступить“.
Береть онъ въ руки саблю боѣвую,
Учалъ по силушкѣ погуливать:
Гдѣ повернется—дѣлалъ улицы,
Поворотится—часты площади;
Добивается до трехъ царевичевъ.
Тутъ возглаголетъ Илья таково слово:
„Охъ вы гой есте, мои три царевича!
„Во полонъ ли мнѣ васъ взять,
„Али съ васъ буйны головы снять?
„Какъ въ полонъ мнѣ васъ взять,
„У меня дороги заѣзжія и хлѣбы завѣзные;
„А какъ головы снять—царски сѣмена погубить.
„Вы поѣдьте по своимъ мѣстамъ,
„Вы чините вездѣ такову славу,
„Что святая Русь не пуста стоитъ,
„На святой Руси есть сильны, могучи богатыри“.
Увидаль его воевода черниговскій:
„Что это Господь сослалъ намъ сослальника!
„Очистилъ нашъ славный Черниговъ градъ“.
Возговоритъ воевода своимъ князьямъ-боярамъ:
„Подите, позовите добра молодца
„Ко мнѣ хлѣба-соли кушати“.
Пошли тутъ князи-бояра къ Муромцу:
„Охъ ты гой еси, дородный, добрый молодецъ!
„Какъ тебя честнымъ именемъ зовутъ?
„Какъ тебя величаютъ по отечеству?“
„Меня именемъ зовутъ Илейкой,
„А величаютъ—сынъ Ивановичъ“.
Возговорятъ ему князя-бояра:
„Охъ ты гой еси, Илья Муромецъ!
„Ты пойдешь-ка къ воеводѣ нашему,
„Ты изволь у него хлѣба-соли кушати“.
— „Нейду я къ воеводѣ вашему,
„Не хочу у него хлѣба-соли кушати:

„Укажите мнѣ прямую дороженьку
„На славный стольный Кіевъ градъ“.

Какъ далече, далече во чистомъ въ полѣ,
Что ковыль-трава во чистомъ въ полѣ шатается,
А и ѣздить въ полѣ старъ матеръ человѣкъ,
Старый ли казакъ Илья Муромецъ,
А и конь ли подъ нимъ какъ-бы лютый звѣрь,
Онъ самъ на конѣ, какъ ясенъ соколъ.
Со старымъ вѣдь денегъ не водилося;
Только червонцевъ золотыхъ съ нимъ семь тысячей,
Дробныхъ денегъ сорокъ тысячей;
Коню вѣдь подъ старымъ цѣны не было.
Почему-то ему цѣны не было?
Потому-то коню цѣны не было,
За рѣку-то онъ броду не спрашиваль,
Котора рѣка цѣла верста,
А скачетъ онъ съ берега на берегъ.
Наѣхали на стараго станишники,
По нашему русскому, разбойники:
Кругомъ его стараго облавили,
Хотятъ его ограбити,
Съ душой, съ животомъ его разлучить хотятъ
Говоритъ Илья Муромецъ Ивановичъ:
„А и гой есть вы, братцы станишники!
„Убить меня стараго вамъ не за что,
„А взяти у стараго нечего“.
Вымаль онъ изъ налушна тугой лукъ,
Вынималъ онъ вѣдь стрѣлку каленую,
Онъ стрѣляетъ не по станишникамъ,—
Ему жалко ихъ до смерти убить ¹⁾,—
Стрѣляетъ онъ старый по сыру дубу;
А спѣла тетивка у туга лука,

¹⁾ Этотъ стихъ—изъ другаго варьянта. (Шѣсни Гирѣев. выш. 1, стр. 17).

Станишники съ коней попадали,
Угодила стрѣла въ сырѣ кряковистый дубъ,
Изломала въ черенья въ ножевые дубъ.
Отъ того-то вѣдь грому богатырскаго
Того-то станишники испужалися,
А и пять они часовъ безъ ума лежатъ.
„Ой вы гой еси, добры молодцы, станишники!
„Полноте лежать на сырой землѣ,
„Полноте спать высыпатися:
„По дорогѣ много прошло конныхъ и пѣшихъ,
„У себя вы много добраго упустили“.
Встали добры молодцы
На свои рѣзвы ноги
И пали ему въ рѣзвы ноженъки:
„Ты гой еси, добръ удалый молодецъ!
„Поди ты къ намъ во товарищи,
„И будь ты у насъ атаманушкой“.
Возговорить добрый молодецъ
Илья Муромецъ, сынъ Ивановичъ:
„Не хочу я съ вами стада пасти,
А ѣду въ Кіевъ градъ,
Къ Володимеру Князю на вспоможеніе,
На его сбереженіе.

Ѣхалъ удалый по чисту полю,
Стоить столбъ бѣлодубовый,
На столбѣ есть подпись подписана:
„Прямо Ѣхать—только пятьсотъ верстъ,
„А на околѣ-то Ѣхать—семьсотъ верстъ“.
Смотрить Илья на эту подпись-то:
„Какъ прямо Ѣхать—живу не бывать;
„Нѣтъ пути ни проѣзжему, ни прохожему, ни пролетному,
„Сидятъ Соловей-разбойникъ на семи дубахъ,
„Захватываетъ воръ-собака на семи верстахъ“,
Стоить Илья, пораздумался:

„Прямоѣзжая дорога переломана,
„Калиновы мосточки переворочены:
„Не честь мнѣ, хвала молодецкая
„Ѣхать той дорожкой окольной;
„А лучше поѣду дорожкой прямоѣзжею“.
Скоро спущался онъ съ добра коня,
Рукой онъ коня повелъ,
А другой началъ мосты мостить,
Тыи мосточки калиновы:
Наладилъ онъ дорогу прямоѣзжую.
Пріѣзжаетъ Ильюша къ сырмъ дубамъ:
Сидитъ Соловей-разбойникъ на семи дубахъ, и т. д.
Закричалъ какъ Соловей по звѣриному,
Засвисталъ злодѣй по соловьиному,
Замызгалъ собака по собачьему:
Тутъ-то у Ильи у Муромца
Его добрый конь на колѣнки палъ
Отъ того отъ крику отъ звѣринаго, и т. д.
Бьетъ онъ коня промежу уши;
По тымъ еще по тугимъ ребрамъ:
„Ахъ ты волчья сыть ¹⁾, травяной мѣшокъ!
„Развѣ не слыхалъ ты крику звѣринаго, и т. д.
Самому молодцу не дойдетъ сидѣть:
Скоро натянулъ онъ тугой лукъ,
Кладывалъ-то онъ стрѣлочку каленую.
Стрѣлилъ-то онъ Соловья разбойника:
Стрѣлилъ-то онъ его во правой глазъ,
А вышла стрѣла во лѣво ухо:
Палъ тутъ Соловей на сыру землю.
Взималъ-то онъ у Соловья разбойника,
Пристегивалъ ко стремени черкасскому,
Повезъ-то онъ Соловья съ собой его.
Ѣдетъ мимо Соловьиное помѣстьеце:

¹⁾ Т. е. волчій кормъ (чѣмъ волкъ сытъ)—волкъ тебя ѣшь.

Увидятъ Соловьиныя дѣтушки,
Смотрятъ въ окошечко косявчето,
Сами они вопроговорятъ таково слово:
„Нашъ-то батюшка чужаго мужика везетъ“
Увидитъ Соловьиная молода жена,
Во окошечко по поясъ бросалася,
Смотритъ въ окошечко косявчето,
Сама она вопроговоритъ таково слово:
„Чужой-то мужикъ везетъ вашего батюшку“.
Похватали они тутъ шалыги подорожнія.
Она имъ вопроговоритъ таково слово:
„Не вайте шалыгъ подорожніхъ,
„Не васъ-то стѣитъ вашъ батюшка,
„А попалъ во стремена во черкаскія!
„А лучше насыпте чашу красна золота,
„А другую насыпте чиста серебра,
„А третью чашу скатна жемчуга,
„Приходите съ разговоромъ-прелестью,
„Улещите мужика, уговаривайте“.
Тутъ они бросили шалыги подорожнія,
Насыпали чашу красна золота,
Другую чашу чиста серебра,
Третью чашу скатна жемчуга,
И приходятъ съ честью-прелестью,
Улещаютъ Илью, уговариваютъ:
„Ай же ты, удалый, добрый молодець.
„Отдай-ка намъ батюшку,
„А на-тко тебѣ злата и серебра!“
Принималъ онъ эти подарочки великіе,
Принимаетъ, самъ выговариваетъ;
„Это, братцы, мое зарбочее,
„А не отдамъ я вашего батюшку:
„Онъ будетъ опять разбой держать“.
Поѣхалъ Илья ко городу ко Кіеву,
Хотѣлъ поспѣть къ заутрени Христоськія.

А не могъ поспѣть къ обѣденыѣ Христосьскія.
Заѣзжалъ онъ на широкій дворъ,
На широкій дворъ княженецкій,
Ко тому ко столбу ко точеному
Привязывалъ ко кольцу ко золоченому,
Не разсѣдывалъ коня и не разнуздывалъ,
Скоро онъ шель по новымъ сѣнямъ,
Заходилъ онъ во гридню во столовую,
Онъ крестъ кладеть по писаному,
Поклонъ ведетъ по ученому,
Здравствуетъ хлѣбницу князя Владиміра:
„Гдѣ есть князь Владиміръ стольно-Кіевскій?
— Князь Владиміръ къ обѣднѣ спѣлъ.—
Садился онъ на лавочку брусовую,
Тутъ приходитъ князь Владиміръ стольно-Кіевскій
Отъ тыя обѣдены Христосьскія.
Тутъ оны здоровье сдѣяли,
Другъ друга здравствуютъ:
— Здравствуешь, удалый добрый молодець!
Не знаю тебѣ ни имени, ни отчины:
Царь ли ты, царевичъ ли,
Король ли ты, королевичъ ли?—
„Есть я изъ города изъ Муромля,
„Старый казакъ Илья Муромецъ“.
Сѣли оны за столъ хлѣба кушати,
Бѣлы лебеди рушати.
Поразговорился Ильюша, порасхвастался:
„Поѣзжалъ я, добрый молодець,
„Во тую субботу во Христосьскую,
„Хотѣлъ поспѣть къ заутрени Христосьскія,
„А не могъ поспѣть и къ обѣднѣ Христосьскія:
„Обѣдня была на отходѣ здѣ.
„Поѣхалъ я дорожкой прямоѣзжею.
„Пріѣзжалъ я ко сырымъ дубамъ:
„Сидитъ Соловей разбойникъ на семи дубахъ,

„Захватываетъ злодѣй онъ на семи верстахъ.
„Закричалъ какъ Соловей по звѣриному,
„Засвисталъ злодѣй по соловьиному,
„Замызгалъ собака по собачьему:
„Тутъ мой добрый конь на колѣнки палъ.
„Скоро я натянулъ тугой лукъ,
„Кладывалъ то стрѣлочку каленую,
„Стрѣлилъ то Соловья разбойника,
„Стрѣлилъ то злодѣя во правый глазъ,
„А вышла стрѣла во лѣво ухо:
„Палъ тутъ Соловей на сыру землю.
„Взималъ то я Соловья разбойника,
„Пристегивалъ ко стремени черкасскому,
„Повезъ то злодѣя съ собой его“.
— „А видно, ты, удалый добрый молодецъ,
„А былъ на царевомъ большомъ кабаѣ!
„Не напился ли зелена вина,
„Не пустымъ ли, добрый молодецъ, хвастаешь?“
— „Ахъ же, дурень, князь стольно-кѣвскій!
„У меня Соловей разбойникъ у стремени у черкасскія“.
Какъ тутъ-то они всѣ пометалися,
Пометалися они, покидалися,
Бѣжать да трутъ ¹⁾ промежу собой:
Прибѣжали какъ къ Соловью разбойнику,
Сами говорятъ, кричатъ ему:
„Ахъ ты, Соловей разбойникъ сынъ Рахматовичъ!
„Кричи-тко, Соловей, по звѣриному“, и т. д.
Говоритъ Соловей разбойникъ сынъ Рахматовичъ:
„Не ваше я пью-ѣмъ-кушаю,
„И не васъ хочу и слушать“.
Скоро они поворотъ держатъ,
Приходятъ къ Ильѣ Муромцу,
Клонятся всѣ они, молятся:

¹⁾ Отъ корня *тр*—посѣшить; отсюда: туркій—посѣшный, турить—
гнать, туриться—сѣшить.

— „Ай же ты, Илья Муромецъ!

„Позволь ты Соловью-то разбойнику

„Закричать Соловью по звѣриному“, и т. д.

Онъ говоритъ-промолвить таково слово:

„Аи же ты, князь стольно-кѣвскій!

„Теперь у него уста запечатаны,

„Запеклись уста кровью горячею:

„Стрѣленъ у меня во правый глазъ,

„Вышла стрѣла во лѣво ухо.

„Налейте ему чашу зелена вина,

„Вѣсомъ чашу полтора пуда,

„Мѣрой чашу полтора ведра“.

Налили ему чашу зелена вина, и т. д.

Принесли къ Соловью-разбойнику,

Принималъ онъ чашу единой рукой,

Выпивалъ чашу за единый вздохъ,

Самъ говорилъ таково слово:

„Другу чашу налейте пива пьянаго,

„Чтобы вѣсомъ чаша въ полтора пуда и т. д.

„Третью чашу меду сладкаго, и т. д.

Наливали ему чашу пива пьянаго

И наливали ему чашу меда сладкаго,

Принималъ онъ чашу единой рукой, и т. д.

Тутъ то Соловей пьянъ сталъ.

Проговорить Илья Муромецъ:

„Ай же ты, Соловей сынъ Рахматовичъ:

„Кричи, разбойникъ, по звѣриному“, и т. д.

Закричалъ Соловей по звѣриному, и т. д.

Князи, бояре всѣ мертвы лежатъ;

А Владиміръ князь стольно-кѣвскій

Заходилъ раскорякою,

Ходитъ князь, Ильѣ молится:

„Уйми Соловья разбойника,

„Чтобъ не свисталъ по соловьиному!

„Оставь мнѣ бояръ хоть на сѣмена!“

Что по край было синя моря,
На богатырской на заставѣ,
Стояли тутъ пять богатырей:
Первый: Илья Муромецъ,
Второй: Колыванъ сынъ Ивановичъ,
Третій: Самсонъ Васильевичъ,
Четвертый: Добрыня Никитичъ младъ,
А пятый: Алеша Поповичъ.
Не пропускали они ни коннаго,
Ни коннаго и ни пѣшаго,
Ни царскаго, ни боярскаго;
Ни звѣря рыскачаго,
Ни птицы летучей.
Младъ ясенъ соколъ летитъ—
Перо выронить;
Добрый молодецъ бѣжитъ—
Головой вершитъ ¹⁾.
На зарѣ-то было, зарѣ утренней,
На разсвѣтчикѣ свѣту бѣлаго,
На восходѣ-то солнца яснаго,
Отъ сна Илья пробуждается.
Выходитъ Илья изъ бѣла шатра,
Пошелъ Илья на Днѣпръ-рѣку,
На Днѣпръ-рѣку умыватися,
А самъ смотреть—во чисто поле.
Завидѣлъ онъ добра молодца,
Подъ молодцомъ конь какъ бы лютый звѣрь,
На конѣ молодецъ, какъ ясенъ соколъ;
Хороша управа ²⁾ молодецкая,
Хороши доспѣхи богатырскіе.
По праву руку летитъ ясенъ соколъ:
Въ рукахъ держать молодецъ третра—перо ³⁾.

¹⁾ *Вершитъ*—кончатъ начатое дѣло; *головой вершитъ*—жизнь покончить,

²⁾ Посадка.

³⁾ Подъ этимъ должно разумѣть или *опашало*, или *вавило*, чѣмъ мнѣять сокола.

Сквозь пера не видно лица бѣлаго.
Не могъ признать Илья добра молодца.
Приходитъ Илья ко бѣлымъ шатрамъ,
Выходитъ Илья середи круга.
Говорилъ онъ таковы слова:
„Братцы вы мои, товарищи!
„Кто изъ васъ удалѣе всѣхъ?
„У кого конь порыскачѣ
„Бѣжать за удалымъ добрымъ молодцемъ,
„Разпросить его о дѣдинѣ, отчинѣ,
„И чей такой добрый молодецъ?
„Царь или царевичъ,
„Король или королевичъ,
„Или русскій могучій богатырь?
„Если русскій богатырь—то побрататься,
„А невѣрный—поразвѣдаться“.
Отвѣтъ держитъ Алеша Поповичъ:
„Я, братцы, поудалѣе всѣхъ,
„У меня конь порыскачѣ“.
Побѣждалъ Алеша за добрымъ мелодцемъ:
Бѣжалъ онъ день до вечера,
Темную ночь до бѣла свѣта.
Догоняетъ онъ добра молодца
На разсвѣтѣ свѣту бѣлаго,
На восходѣ солнца яснаго;
Кричитъ Алеша зычнымъ голосомъ:
„Ты постой, постой, добрый молодецъ!
„Ты или русскій богатырь,
„Или засельщина-деревенщина;
„Ты или коня укралъ, или мужика убилъ,
„А сюда заѣхалъ, хвастаешь,
„Чужимъ именемъ называешься“?
Тутъ-то Бориску за бѣду стало,
За великую досаду показалось;
Поворачивалъ коня какъ люта звѣря,

На встрѣчу къ Алешѣ Поповичу;
 Береть Алешу за бѣлы руки,
 Снимаетъ его съ добра коня,
 Вынимаетъ шелепугу ¹⁾ подорожную,
 Стегалъ онъ Алешу Поповича
 И садилъ его на добра коня.
 Ёдетъ Алеша пьянъ, шатается,
 Къ сѣдельной лукѣ приклоняется.
 Завидѣлъ Алешу Ильѣ Муромецъ:
 „Говорилъ я тебѣ, Алеша, наказывалъ,
 „Не пей ты зелена вина,
 „Не ѣшь сладки кушанья“.
 Отвѣчаетъ Алеша Ильѣ Муромцу:
 „Радъ бы я не пить зелена вина
 „И не ѣсть сладки кушанья:
 „Напоилъ-то меня добрый молодецъ до пьяна,
 „Накормилъ онъ меня дѣо сыта
 „Той шелепугой подорожною“.
 Хваталъ тутъ Ильѣ своего коня,
 Побѣждалъ онъ за добрымъ мѣлодцемъ:
 Бѣжалъ онъ день до вечера:
 Нагналъ его на разсвѣтѣ свѣту бѣлаго,
 На восходѣ солнца яснаго.
 Ударились они палицами боѣвыми;
 Палицы ихъ разгорались,
 Въ рукахъ изломались.
 Скакали они съ добрыхъ коней,
 Схватывались они за бѣлы руки.
 Тутъ-то Бориско на носокъ востеръ ²⁾.
 Сшибалъ Ильѣ на сыру землю
 И садился ему на бѣлы груди,

¹⁾ Отъ *шлепать*—плеть съ обвязанной пулей; кистень, палица (Шѣсни Кир., вып. I, стр. 9, выноска).

²⁾ Ловокъ въ борьбѣ на носокъ.

Говорилъ Ильѣ таковы слова:

„Ты базыга, базыга ¹⁾ старая!

„Зачѣмъ ты на малаго отрока напущаешься?“

Береть его Илья на бѣлы руки,

Стаетъ на рѣзвы ноги,

Металь его выше дерева стоячаго,

Ниже облака ходячаго,

Подхватывалъ его на руки.

Тутъ-то Бориско приужахнулся,

Говорилъ онъ таковы слова:

„Ты охота, охота молодецкая!

„Полетай-ко, охота ²⁾, къ моей матушкѣ,

„Спроси-ко у ней, какъ съ Ильей перевѣдаться?“

— „Говорила я тебѣ, дитя, наказывала,

„Гдѣ ты съ Ильей съѣдешься,—

„Только ты ему низко кланяйся:

„По роду тебѣ онъ отецъ родной“.

Приѣзжалъ идолище поганое въ стольно-Кіевъ градъ,

Со грозою, со страхомъ со великіимъ,

Ко тому ко князю ко Владиміру,

И становился онъ на княженецкій дворъ,

Посылалъ посла ко князю ко Владиміру,

Чтобы князь Владиміръ стольно-кіевскій

Ладилъ бы онъ ему поединщика,

Супротивъ его силушки супротивника.

Приходилъ посланникъ ко Владиміру,

И говорилъ посланникъ таковы слова:

„Ты, Владиміръ, князь стольно-кіевскій!

„Ладъ-ка ты поединщика во чисто-поле,

„Поединщика и супротивничка съ силушкой великою,

„Чтобы могъ онъ съ идолищемъ поправиться“.

Тутъ Владиміръ князь ужахнулся,

¹⁾ Хрычъ.

²⁾ Т. е. принадлежность охоты— соколы.

Приужахнулся да и закручинился.

Говорить Илья таковы слова:

„Не кручинься, Владиміръ, не печалуйся:

„На бою мнѣ-ка смерть не написана,

„Поѣду я въ раздольице чисто поле

„И убью-то я идолища поганого“.

Обуль Илья лапотики шелковые,

Подсумокъ одѣлъ онъ черна бархата,

На головушку надѣлъ шляпку земли греческой

И пошелъ онъ ко идолищу къ поганому.

И сдѣлалъ онъ ошибочку не малую:

Не взялъ съ собой палицы булатнія

И не взялъ онъ съ собой сабли вострыя;

Идетъ-то дорожкой—пораздумался:

„Хоть иду-то я къ идолищу поганому,

„Ежели будетъ не пора мнѣ-ка, не времячко,

„И съ чѣмъ мнѣ съ идолищемъ будетъ поправиться?“

На тую пору на то времячко

Идетъ ему въ стрѣту каличище Иванище,

Несетъ въ рукахъ клюху девяноста пудъ.

Говорилъ ему Илья таковы слова:

„Ай же ты, каличище Иванище!

„Уступи-тко мнѣ клюхи на времячко,—

„Сходитъ мнѣ къ идолищу къ поганому?“

Не даетъ ему каличище Иванище,

Не даетъ ему клюхи своей богатырской.

Говорилъ ему Илья таковы слова:

„Ай же ты, каличище Иванище!

„Сдѣлаемъ мы бой рукопашечный:

„Мнѣ на бою вѣдь смерть не написана,—

„Я тебя убью, мнѣ клюха и достанется“.

Разсердился каличище Иванище:

Здынулъ эту клюху выше головы,

Спустилъ онъ клюху во сыру землю,

Пошелъ каличище—заворыдалъ.

Илья Муромецъ едва досталъ клюху изъ сырой земли.
И пришелъ онъ во палату бѣлокаменну
Ко этому идолищу поганому,
Пришелъ къ нему и проздравствовалъ,
Говорилъ ему Идолище поганое:
„Ай же ты, калика перехожая!
„Какъ великъ у васъ богатырь Илья Муромецъ?“
Говорить ему Илья таковы слова:
„Толь великъ Илья, какъ и я“.
Говорить ему Идолище поганое:
„По многу ли Илья вашъ хлѣба ѣсть,
„По многу ли Илья вашъ пива пьеть?“
Говорить Илья таковы слова:
„По столько ѣсть Илья, какъ и я,
„По столько пьеть Илья, какъ и я“.
Говорить ему Идолище поганое:
„Экой вашъ богатырь Илья:
„Я вотъ по семи ведръ пива пью,
„По семи пудъ хлѣба кушаю“.
Говорилъ ему Илья таковы слова:
„У нашего Ильи Муромца батюшка былъ крестьянинъ,
„У него была корова ѣдучая:
„Она много пила-ѣла и лопнула“.
Это идолищу не слюбилося:
Схватилъ свое кинжалище булатное
И махнулъ онъ въ калику перехожую
Со всея со силушки великія.
И пристранился Илья Муромецъ въ сторонушку мале-
шенку,
Пролетѣлъ его мимо-то булатнѣй ножъ,
Пролетѣлъ онъ на вонную сторону съ простѣночкомъ.
У Ильи Муромца разгорѣлось сердце богатырское,
Схватилъ съ головушки шапку земли греческой,
И ляпнулъ онъ въ идолище поганое,
И разсѣкъ онъ Идолище на полы.

Сдѣлалъ князь Владиміръ почестенъ пиръ
На князей, на бояръ, на русскихъ богатырей
И на всю поленицу удалую,
А забылъ позвать стараго козака Илью Муромца.
Тутъ Ильюшенкѣ стало зарко:
Скоро онъ натянулъ тугій лукъ,
Кладываетъ стрѣлочку каленую,
Стрѣлили онъ тутъ по Божьимъ церквамъ,
По Божьимъ церквамъ, да по чуднымъ крестамъ,
По тымъ маковкамъ золоченымъ.
Вскричалъ-то Илья во всю голову,
Во всю голову зычнымъ голосомъ.
„Ахъ вы голь кабацкая, доброхоты царскіе!
„Ступайте пить со мной за одно зелена вина,
„Обирать-то маковки золоченыя“.
Тутъ-то пьяницы, голь кабацкая,
Бѣжать, прискакиваютъ, радуются:
„Ахъ ты отецъ нашъ, родный батюшка!“
Пошли обирать о царевъ кабакъ,
Продаваютъ маковки золоченыя,
Берутъ золоту казну безсчетную
И начали пить зелена вина.
Видитъ князь Владиміръ стольно-кіевскій,
Что пришла бѣда неминучая,
Сдѣлалъ другожды почестенъ пиръ
Для того для стараго казака Ильи Муромца.
Тутъ они думу думаютъ,
Кого послать Илью позвать,
Стараго козака Илью Муромца.
Тутъ-то они думу думали,
Послали-то Добрыню Никитича:
Они были братьица крестовые,
У нихъ крестами побрѣталось,
Кладена была заповѣдь великая,
Подписи были подписаны,—

Слушать большому брату меньшаго,
А меньшему брату большаго.

Приходить Добрыня Никитичъ:

„Ай же братецъ крестовый названный,

„Старый казакъ Илья Муромецъ!

„У насъ кладена заповѣдь великая,

„У насъ подписи были подписаны,—

„Слухатъ большому брату меньшаго,

„А меньшему брату большаго,

„А дружка за дружку обѣмъ стоять“.

Тутъ Ильюша воспроизговорить:

„Ай же, братецъ крестовый названный,

„Молодой Добрынюшка Никитиничъ!

„Кабы не ты, никого бы не послушалъ,

„Не пошелъ бы на почестенъ пиръ.

„А нельзя законъ переступить“.

Тутъ они сокручили (одѣлись),

Тутъ они снаряжались,

Пришли тутъ ко князю ко Владиміру

Во тую во гридню во столовую.

Тутъ даютъ Ильѣ мѣсто не меньшее,

Даютъ Ильѣ мѣсто большее,

Сажаютъ молодца въ большо-уголъ,

Да несли они чару зелена вина,

Другую рядили къ нему меду пьянаго.

Говоритъ Илья таково слово:

„Ай же ты, Владиміръ стольно-кіевскій!

„Зналъ кого послать меня позвать!

„Кабы не братецъ крестовый названный,

„Никого я не послухалъ бы.

„А было намѣреніе наряжено:

„Натянуть тугій лукъ разрывчатый,

„А класть стрѣлочка каленая,

„Стрѣлять во гридню во столовую,

„Убить тебя князя Владиміра,

„Со стольною княгиней съ Опраксией.

„А нонѣ тебя Богъ проститъ

„За эту ю за вину за великую!“

2) Алеша Поповичъ.

Изъ славнаго Ростова, красна города,

Какъ два ясные соколы вылетывали,

Выѣзжали два могучіе богатыря,

Что по имени Алёшинька Поповичъ младъ,

А со молодымъ Екимомъ Ивановичемъ.

Они ѣздить богатыри плечо о плечо,

Стремяно въ стремяно богатырское.

Они ѣздили, гуляли по чисту полю.

Ничего они въ чистомъ полѣ не наѣзживали,

Не видали птицы перелетныя,

Не видали они звѣря прыскачаго;

Только въ чистомъ полѣ наѣхали:

Лежатъ три дороги широкія,

Промежду тѣхъ дорогъ лежитъ горячъ камень,

А на камени подпись подписана.

Возговоритъ Алеша Поповичъ младъ:

„А и ты, братецъ Екимъ Ивановичъ,

„Въ грамотѣ поученой человѣкъ!

„Посмотри на каменю подписи,

„Что на каменю подписано?“

И скочилъ Екимъ со добра коня,

Посмотрѣлъ на каменю подписи,

Росписаны дороги широкія:

Первая дорога въ Муромъ лежитъ,

Другая дорога въ Черниговъ градъ,

Третья ко граду ко Кіеву,

Ко ласкову князю Владиміру.

Говорилъ тутъ Екимъ Ивановичъ:

„А и братецъ Алеша Поповичъ младъ!

„Которой дорогой изволишь ѣхать?“
Говорить ему Алёша Поповичъ младъ:
„Лучше намъ ѣхать ко городу ко Кіеву,
„Ко ласкову князю Владиміру“.
Втапору поворотили добрыхъ коней
И поѣхали они ко городу ко Кіеву;
Не доѣхавши они до Сафать-рѣки,
Становились на лугахъ на зеленыхъ:
Надо Алёшѣ покормить добрыхъ коней;
Разставили тутъ два бѣла шатра,
Что изволилъ Алёша опочивъ держать.
А и мало время позамѣшавши,
Молодой Екимъ со добры кони
Стреножимши въ зеленъ лугъ пустилъ;
Самъ ложился въ свой шатеръ опочивъ держать.
Прошла та ночь осенняя,
Ото сна пробуждается,
Встаетъ рано ранешенько,
Утренней зарей умывается,
Бѣлою ширинкою утирается,
На востокъ онъ Алеша Богу молится.
Молодой Екимъ сынъ Ивановичъ
Скоро сходилъ по добрыхъ коней,
А сводилъ ихъ поить на Сафать-рѣку:
И приказалъ ему Алеша
Скоро сѣдлатъ добрыхъ коней;
Осѣдлавши онъ Екимъ добрыхъ коней,
Наряжаются они ѣхать ко городу ко Кіеву.
Пришелъ тутъ къ нимъ калика перехожій:
Лапотки на немъ семи шелковъ ¹⁾,

¹⁾ „Лапти во 1) плетутся или *ковыряются* въ однорядъ, или простой плетешкой; во 2) иногда подошва или носокъ *подковыриваются*, т. е. проплетаются въ другой разъ, и такія, съ подковыркой, дороже; на передкѣ или *личинѣ* подковырка бываетъ узорная“. Примѣч. Общ. Любит. Русск. Слов. къ Пѣсн. Кирѣевск., вып. 2, стр. 71.

Подковырены чистымъ сѣребромъ,
Личико унизано краснымъ золотомъ,
Шуба соболиная долгополая,
Шляпа сорочинская земли греческой,
Въ тридцать пудъ шеленуга подорожная,
Въ пятьдесятъ пудъ палица свинцу чебурацкаго.
Говорилъ таково слово:

„Гой вы еси, удалы добры молодцы!
„Видѣлъ я Тугарина Змѣевича:
„Въ вышину ли онъ Тугаринъ трехъ сажень,
„Промежъ плечей косая сажень,
„Промежу глазъ калена стрѣла;
„Конь подъ нимъ какъ лютой звѣрь,
„Изъ хайлица пламень пышетъ,
„Изъ ушей дымъ столбомъ стоитъ“.—
Привязался Алеша Поповичъ младъ:
„А и ты, братецъ, калика перехожая!
„Дай мнѣ платье каличее, и т. д.
Даетъ свое платье калика Алешѣ Поповичу,
Не отказываячи; а на себя надѣвалъ
То платье богатырское.

Скоро Алеша каликою наряжается,
И взялъ въ запасъ чингалище булатное,
Поехалъ за Сафать-рѣку.
Завидѣлъ тутъ Тугаринъ Змѣевичъ младъ,
Заревѣлъ зычнымъ голосомъ:
Подрогнула дубровушка зеленая,
Алеша Поповичъ едва живъ идетъ:
Говорилъ тутъ Тугаринъ Змѣевичъ младъ:
„Гой еси, калика перехожая!
„А гдѣ слыхалъ и гдѣ видалъ
„Про млада Алёшу Поповича?
„А и я бы Алёшу копьёмъ закололъ,
„Копьёмъ закололъ и огнемъ спалилъ“
Говоритъ тутъ Алеша каликою:

„А и ты гой еси, Тугаринъ Змѣвичъ младъ!
„Поѣзжай поближе ко мнѣ,
„Не слышу я, что ты говоришь“.
И подѣзжалъ къ нему Тугаринъ Змѣвичъ младъ.
Сверстался Алѣша Поповичъ младъ?
Противъ Тугарина Змѣвича,
Хлестнулъ его шелепую по буйной головѣ,
Расшибъ ему буйну голову,
И упалъ Тугаринъ на сыру землю;
Вскочилъ ему Алѣша на черну грудь.
Втапору взмолился Тугаринъ Змѣвичъ младъ:
„Гой еси ты, калика перехожая!
„Не ты ли Алѣша Поповичъ младъ?
„Только (если) ты Алѣша Поповичъ младъ,
„Семъ побратаемся съ тобой!“—
Втапору Алѣша врагу не вѣровалъ,
Отрѣзалъ ему голову прочь.
Платье съ него снималъ цвѣтное
На сто тысячей—и все платье на себя надѣвалъ;
Садился на его добра коня,
И поѣхалъ къ своимъ бѣлымъ шатрамъ.
Втапору увидѣлъ Екимъ Ивановичъ
И калика перехожая,
Испужалися его, сѣли на добрыхъ коней,
Побѣжали ко городу Ростову:
И постигаетъ ихъ Алѣша Поповичъ младъ,
Обернется Екимъ Ивановичъ,
Онъ выдергивалъ палицу боевую въ тридцать пудъ,
Бросилъ назадъ себе,
Показалось ему, что Тугаринъ Змѣвичъ младъ,
И угодилъ въ груди бѣлыя Алѣши Поповича,
Сшибъ изъ сѣделечка черкесскаго,
И упалъ онъ на сыру землю.
Втапору Екимъ Ивановичъ
Скочилъ со добра коня, сѣлъ на груди ему,

Хочетъ пороть груди бѣлыя,
И увидѣлъ на немъ золотъ чуденъ крестъ,
Самъ заплакалъ, говорилъ каликъ перехожему:
„По грѣхамъ надо мною Екимомъ учинилося,
„Что убилъ своего брата родимаго!
И стали его оба трести и качать,
И потомъ подали ему питья заморскаго:
Отъ того онъ здравъ сталъ.
Стали они говорить и между собою платьемъ мѣнять:
Калика свое платье надѣвалъ каличе,
А Алѣша свое богатырское,
А Тугарина Змѣевичъ платье цвѣтное
Клади въ чемоданъ къ себѣ;
Сѣли они на добрыхъ коней
И поѣхали всѣ ко городу ко Кіеву,
Ко ласкову князю Владиміру.
А и будутъ они въ городѣ Кіевѣ
На княженецкомъ дворѣ,
Скочили со добрыхъ коней,
Привязали къ дубовымъ столбамъ,
Пошли во свѣтлы гридни;
Молятся Спасову образу,
И бьютъ челомъ, поклоняются
Князю Владиміру и княгинѣ Апраксѣвнѣ ¹⁾.
И на всѣ четыре стороны.
Говорилъ имъ ласковой Владиміръ князь:
„Гой вы еси, добры молодцы!
„Скажитесь, какъ васъ по имени зовутъ:
„А по имени вамъ можно мѣсто дать,
„По изотчеству можно пожаловати“.
Говорить тутъ Алеша Поповичъ младъ:
„Меня, осударь, зовутъ Алешею Поповичемъ,
„Изъ города Ростова, стараго попа соборнаго“.

¹⁾ Передѣлано изъ Афросиньи.

Втапору Владиміръ князь обрадовался,
Говорилъ таковы слова:

„Гой еси, Алеша Поповичъ младъ!

„По отчеству садися въ бѣльшее мѣсто, въ передній
уголокъ,

„Въ другое мѣсто богатырское,

„Въ дубову скамью противъ меня,

„Въ третье мѣсто, куда самъ захошъ“.

Не садился Алѣша въ мѣсто бѣльшее,

И не садился въ дубову скамью,

Сѣлъ онъ со своими товарищи на полатной брусъ.

Мало время позамѣшавши,

Несутъ Тугарина Змѣевича,

На той доскѣ красна золота,

Двѣнадцать могучихъ богатырей,

Сажали на мѣсто бѣльшее,

И подлѣ него сидѣла княгиня Апраксѣвна.

Тутъ повары были догадливы,

Понесли ѣства сахарныя и питья медвяныя,

А питья все заморскія;

Стали тутъ пить-ѣсть, прохлаждатися;

А Тугаринъ Змѣевичъ не честно хлѣба ѣсть,

По цѣлой ковригѣ за щеку мечетъ,

Тѣ ковриги монастырскія;

И нечестно Тугаринъ питья пьетъ,

По цѣлой чашѣ охлестываетъ,

Котора чаша въ полтретья ведра;

И говорилъ втапору Алеша Поповичъ младъ:

„Гой еси ты, ласковой сударь Владиміръ князь!

„Чтò у тебя за болванъ пришелъ,

„Чтò за дуракъ неотесанной?

„У моего сударя батюшки,

„Оедора, попа Ростовскаго,

„Была коровища старая,

„Насилу по двору таскалася:

„Забилася на поварню къ поварамъ,
„Выпила чанъ браги прѣсныя,
„Отъ того она лопнула,—
„Взялъ за хвостъ, подъ гору махнулъ:
„Отъ меня Тугарину тоже будетъ“.
Тугаринъ потемнѣлъ какъ осення ночь.
Выдернулъ чингалище ¹⁾ булатное,
Бросилъ въ Алешу Поповича;
Алеша на то-то вертокъ былъ,
Не могъ Тугаринъ попасть въ него;
Подхватилъ чингалище Якимъ Ивановичъ,
Говорилъ Алешѣ Поповичу:
„Самъ ли ты бросаешь въ него, или мнѣ велишь?“—
„Нѣтъ, я самъ не бросаю, и тебѣ не велю!
„Заутра съ нимъ перевѣдаюсь;
„Бьюсь я съ нимъ о великъ закладъ,
„Не о стѣ рубляхъ, не о тысячѣ,
„А бьюся о своей буйной головѣ“.
Втапору князи и бояра
Скочили на рѣзвы ноги
И всѣ за Тугарина поруки держатъ:
Князи кладутъ по сту рублевъ,
Бояра по пятидесять, крестьяне по пяти рублевъ:
Тутъ-же случилися гости купеческіе,—
Три корабля свои подписываютъ
Подъ Тугарина Змѣевича,
Всяки товары заморскіе,
Которы стоятъ на быстромъ Днѣпрѣ:
А за Алешу подписывалъ Владыка Черниговскій.
Втапору Тугаринъ и вонъ ушелъ,—
Садился на своего добра коня,
Поднялся на бумажныхъ крыльяхъ подъ небесью ле-
татъ...

¹⁾ Чингалище, чинжалище—кинжалъ, большой ножъ въ ножвахъ.

Втапоры Алеша съ товарищи вонъ пошелъ.
Садилися на добры кони,
Поѣхали ко Сафать-рѣкѣ;
Пбставили бѣлы шатры,
Стали опочивъ держать,
Коней отпустили въ зелены луга.
Тутъ Алеша всю ночь не спалъ,
Молился Богу со слезами:
„Создай, Боже, тучу грозную,
„А и тучи-то съ градомъ дождя!“
Алешины молитвы доходили ко Христу:
Даетъ Господь Богъ тучу съ градомъ дождя,
Замочило Тугарина крылья бумажныя,
Падаетъ Тугаринъ какъ собака на сыру землю.
Приходилъ Екимъ Ивановичъ,
Сказалъ Алешѣ Поповичу,
Что видѣлъ Тугарина на сырой землѣ.
И скоро Алеша наряжается,
Садился на добра коня,
Взялъ одну сабельку острую
И поѣхалъ къ Тугарину Змѣвичу.
И увидѣлъ Тугаринъ Змѣвичъ Алешу Поповича,
Заревѣлъ зычнымъ голосомъ:
„Гой еси, Алеша Поповичъ, младъ!
„Хошь ли я тебя огнемъ спалю,
„Хошь ли, Алеша, конемъ стопчу,
„Али тебя, Алешу, копьемъ заколю?
Говорилъ ему Алеша Поповичъ младъ:
„Гой ты еси, Тугаринъ Змѣвичъ младъ!
„Бился ты со мною о великъ закладъ,
„Биться-драться единъ-на-единъ,
„А за тобою нынѣ силы смѣты нѣтъ
„На меня, Алешу Поповича“.
Оглянется Тугаринъ назадъ себя,—
Втапоры Алеша подскочилъ, ему голову срубилъ“.

И пала глава на сыру землю какъ пивной котелъ.
Алеша скочилъ со добра коня,
Отвязалъ чембуръ отъ добра коня,
И прокололъ уши у головы Тугарина Змѣвича,
И привязалъ къ добру коню,
И привезъ въ Кіевъ на княженецкій дворъ,
Бросилъ среди двора княженецкаго.
И увидѣлъ Алешу Владиміръ князь,
Пошелъ во свѣтлы гридни,
Сажалъ за убранны столы,
Тутъ для Алеши и столъ пошелъ.
Сколько время покушавши,
Говорить Владиміръ князь,
„Гой еси, Алеша Поповичъ младъ,
„Чась ¹⁾ ты мнѣ свѣтъ далъ!
„Пожалуй ты живи въ Кіевѣ,
„Служи мнѣ князю Владиміру,
„До любви тебя пожалую.“
Втапору Алеша Поповичъ младъ князя не ослушался,
Сталъ служить вѣрою и правдою.
То старина, то и дѣянье.

3) Добрыня Никитичъ.

Добрынюшкѣ матушка говорила:
„Чтò молодъ началъ ѣздить во чисто поле,
„На тую гору Сорочинскую,
„Топтать-то молодыхъ змѣенышей,
„Выручать-то полоновъ русскіихъ.
„Не куплись, Добрыня, во Пучай-рѣкѣ,
„Пучай-рѣка есть свирѣпая:
„Средня струйка какъ огонь сѣчетъ“.
Добрынюшка матушки не слушался,

¹⁾ Т. е. за одинъ часъ, цѣною одного часа.

Идетъ на конюшенку стоялую,
Беретъ онъ своего добра коня;
Сѣдлалъ бурка во сѣдѣлышко черкасское,
Потнички клалъ на потнички,
А на потнички кладетъ войлочные,
А на войлочные кладетъ черкасское сѣдѣлышко.
Всѣхъ подтягивалъ двѣнадцать тугихъ подпруговъ,
А тринадцатую клалъ ради крѣпости,
Чтобъ добрый конь сподъ сѣдла не выскочилъ,
Добра молодца съ добра коня не вырутилъ (не выбросилъ).
Подпруги были шелковыя,
Пряжки у сѣдла красна золота,
Шпеньки ¹⁾ у подпруговъ все булатныя:
Тутъ шелкъ не рвется и булатъ не трется,
Красно золото не ржавѣтъ,
Молодецъ на конѣ сидитъ—не старѣтъ.
Какъ былъ онъ во чистомъ полѣ,
На тыхъ горахъ на высокіхъ,
Потопталъ молодыхъ змѣенышевъ,
Повыручилъ полоновъ рускіхъ.
Богатырско его сердце нажадѣлося (почувствовало
жажду),

Нажадѣлося и распотѣлося.
Онъ приправилъ своего добра коня,
Добра коня ко Пучай-рѣкѣ,
Слѣзаетъ онъ скоро съ добра коня,
Снималъ съ себя платье цвѣтное,
Забрелъ за струечку за первую,
И забрелъ за струечку за среднюю,
И самъ говорилъ таково слово:
„Мнѣ Добрынюшкѣ матушка говаривала,
„Мнѣ Никитичу матушка наказывала,—
„Не куплись, Добрыня, во Пучай-рѣкѣ,

¹⁾ Шпеньки—отъ шпенекъ: пряжечныя шпильки.

„Что Пучай-рѣка есть свирѣпая,
„Середня струйка какъ огонь сѣчетъ:
„А Пучай-рѣка есть кротка-смирна,
„Она будто лужа дождевая“.
Не успѣлъ Добрыня въ часъ слово молвити,
Какъ въ тую пору, въ то время,
Вѣтру нѣтъ, тучу наднесло,
Тучи нѣтъ, только дождь дождить,
Дождя-то нѣтъ, свищетъ молнія,
Молніи нѣтъ, искры сыплются,
Летитъ Змѣище-Горынчище,
О двѣнадцати змѣя хоботахъ.
Хочетъ змѣя его съ конемъ сожечь,
Сама говоритъ таково слово:
„Тепереча Добрыня въ моихъ рукахъ:
„Захочу—Добрыню теперь потоплю,
„Захочу—Добрыню въ хобота возьму.
„Въ хобота возьму и въ нору снесу,
„Захочу—Добрыню съѣмъ-сожру“.
Добрынюшка плавать гораздъ онъ былъ,
Нырнетъ на бережекъ на тамошній,
Нырнетъ на бережекъ на здѣшній;
Нѣту у Добрынюшки добра коня,
И нѣтъ его платьевъ цвѣтныхъ,
И нѣтъ меча бурзameцкаго.
А выбѣжалъ добрый молодецъ,
А молодой Добрынюшка Никитичъ-младъ,
Нагребъ онъ шляпу песку желтаго;
Налетѣлъ на него Змѣй Горинчище,
Хочетъ Добрыню огнемъ спалить.
Огнемъ спалить, хоботомъ ушибить,
Какъ припадетъ Змѣя къ быстрой рѣкѣ.
Онъ хватилъ колпакъ земли греческой,
Шибнетъ во змѣю во проклятую,
Ошибъ змѣѣ двѣнадцать всѣхъ хоботовъ;

Упала змѣя во ковыль-траву.
На крестѣ былъ у Добрынюшки булатенъ ножъ,
Добрынюшка на ножку былъ повертокъ,
Скочилъ на змѣины груди бѣлыя,
А змѣя Добрынѣ ему взмолился:
„Ахъ ты эй, Добрынюшка Никитиничъ!
„Мы положимъ заповѣдь великую:
„Чтобы не летать мнѣ на святую Русь,
„Не носить людей больше русскіихъ,
„Не копить мнѣ полоновъ русскіихъ;
„А тебѣ не ѣздить во далече во чисто поле,
„Не топтать ти молодыхъ змѣенышевъ,
„Не выручать полоновъ русскіихъ“.
Положили они заповѣдь великую.
Какъ спустилъ Змѣю съ подъ колѣнъ своихъ,
Тая змѣя она проклятая
Поднялась она вверхъ подъ облаку;
Случилось ей летѣть черезъ Кіевъ-градъ,
Увидала она Князеву племянницу,
Молоду Забаву Путятичну
Идучись по улицы широкія,—
Припадала Змѣя ко сырой земли,
Схватила она князеву племянницу,
Унесла въ нору во глубокую.
Тутъ солнышко Владиміръ стольно-кіевскій,
По три дня онъ билищъ ¹⁾—волшебницъ скликивалъ,
Не могъ билищъ онъ докликаться,
Кто бы могъ съѣздить во далече во чисто поле,
Достать князеву племянницу.
Говоритъ Алешенька Левонтьевичъ:
„Что, солнышко Владиміръ стольно-кіевскій!
„Накинъ-ко эту службу великую
„На того Добрыню на Никитича:

¹⁾ Чародѣйка.

„У того Добрыни у Никитича
„Со Змѣей вѣдь заповѣдь положена;
„Онъ съѣздитъ во далече во чисто поле,
„Онъ доставитъ намъ Забаву Путятичну
„Безъ бою, безъ драки-кровапролитія“.
Накинулъ онъ службу великую
На того Добрыню на Никитича.

Онъ пошелъ домой Добрыня, закручинился,
Встрѣчаетъ его государыня родна матушка:

„Что же ты, Добрынюшка Никитиничъ,
„Идешь съ пиру, самъ кручинишься?
„Знать мѣсто тамъ было не по чину,
„Чарой на пиру тебя приобнесли,
„Аль дуракъ на пиру насмѣялся де?“
Говорилъ Добрынюшка Никитиничъ:
„Мѣсто было мнѣ-ка по чину,
„Чарой на пиру меня не обнесли,
„И дуракъ надо мной не насмѣялся-де;
„А накинулъ службу де великую
„Тотъ солнышко Владиміръ стольно-кіевскій—
„Что съѣздитъ во далече, во чисто поле,
„Сходитъ на ту гору Сорочинскую,
„Сходитъ во нору во глубокую,
„Достать-то князеву племянницу,
„Молоду Забаву дочь Путятичну“.

Говорила родна его матушка:

„Ложись-ка спать рано съ вечера:
„Утро будетъ оно мудрое,
„Мудренѣе утро будетъ вечера“.

Онъ ставалъ по утрушку ранѣшенько,
Умывался по утрушку бѣлешенько,
Снаряжался хорошохонько;
Обсѣдлалъ онъ дѣдушкова добра коня,
Садился скоро на добра коня;
Провожала его родна матушка,

На прощанье плетку подала:

„Ахъ ты эй, рожено мое дитятко!

„Возьми-ко плеточку шелковую.

„Когда будешь во далече во чистомъ полѣ,

„На тоя горы Сорочинскія,

„Потолчешь младыхъ змѣенышевъ,

„Тии младые змѣеныши

„Подточать они у коня щеточки—

„И бей бурка промежу уши,

„И бей бурка промежу ноги,

„Промежу ноги да межу заднія:

„Что станетъ твой бурушко поскакивать,

„Змѣенышевъ отъ ногъ отряхивать,

„Притопчетъ всѣхъ до одинаго“.

Какъ будетъ онъ въ далече во чистомъ полѣ,

На тья горы Сорочинскія,

Потопталъ онъ молодыхъ змѣенышевъ,

Повыручилъ полоновъ русскіихъ;

Тии же младые змѣеныши

Подточили у бурка они щеточки,

Что не можетъ онъ, бурушко, поскакивать

Змѣенышевъ отъ ногъ онъ отряхивать.

Онъ бралъ де плеточку шелковую,

Бьетъ бурко промежу уши,

И бьетъ бурко промежу ноги,

И промежу ноги, ноги заднія:

И сталъ его бурушко поскакивать,

Змѣенышевъ отъ ногъ онъ отряхивать,

Притопталъ онъ всѣхъ до одинаго.

Выходила Змѣя тутъ проклятая

Изъ тоя норы изъ глубокия,

Говорила Змѣя ему проклятая:

„Ахъ ты ей, Добрыня сынъ Никитиничъ!

„Ахъ зачѣмъ нарушилъ свою заповѣдь,

„Притопталъ всѣхъ малыхъ дѣтушекъ?“

Говорилъ Добрыня сынъ Никитичъ:

„Ай же ты, Змѣя проклятая!

„Черти ли тебя несли чрезъ Кіевъ градъ,

„Зачѣмъ взяла князеву племянницу

„Молоду Забаву дочь Путятичну?

„Отдай ее безъ драки-кровапролитія!“

Говоритъ ему Змѣя проклятая:

„Не отдамъ я князевой племянницы

„Безъ драки, безъ бою-кроволитія“.

Заводила она бой-драку великую.

Дрался со змѣей онъ трои сутки,

И не могъ Добрыня змѣю перебить;

Хочетъ Добрыня отъ змѣи отстать,

Съ небесъ ему гласъ гласить:

„Молодой Добрыня сынъ Никитичъ!

„Дрался ты съ Змѣей трои сутки,

„Подерись съ Змѣей еще три часу:

„Ты побьешь змѣю проклятую“.

Дрался онъ съ Змѣей еще три часу,

Онъ убилъ змѣю-то проклятую.

Тая Змѣя кровью пошла.

Стоялъ у Змѣи онъ трои сутки,

Не могъ онъ крови той переждать;

Хочетъ Добрыня отъ змѣи отстать,

А съ небесъ Добрынѣ гласъ гласить:

„Ай же ты, Добрыня сынъ Никитичъ!

„Стоялъ ты у Змѣи трои сутки,

„Постой еще у Змѣи три часу;

„Возьми ты копье бурзаецкое,

„Ты бей копьемъ о сыру землю,

„Самъ къ коню приговаривай:

„Разступись-ка, матушка сыра земля!

„На четыре разступись на четверти,

„Пожри-ка всю кровь змѣиную“.

Стоялъ онъ у Змѣи еще три часу,

Бралъ онъ копье бурзамецкое,
Билъ копьемъ о сыру землю,
Самъ къ копью приговаривалъ:
„Разступись-ка, матушка сыра земля,
„На четыре разступись на четверти,
„Пожри ко всю кровь змѣиную“.
Разступилась матушка сыра земля,
На четыре разступилась на четверти,
Пожрала всю кровь змѣиную.
Тутъ Добрыня сынъ Никитиничъ
Опустился онъ во нору во глубокую,
Самъ говорилъ таково слово
Молодой Забавы дочь Путятичной:
„А и же ты, Забава дочь Путятична!
„За тебя я этакъ странствую.
„Поѣдемъ ко граду ко Кіеву,
„Ко ласкову ко князю ко Владиміру“.
У тоя у Змѣи у проклятыя
Наношено силы сорокъ тысячей,
Сорокъ царей, сорокъ царевичей,
Сорокъ королей, сорокъ королевичей,
А простой то силы и смѣты нѣтъ.
Говорилъ Добрыня сынъ Никитиничъ:
„Вы всѣ пари, всѣ царевичи,
„Всѣ короли, всѣ королевичи!
„А вамъ всѣмъ воля вольная,
„Куда вздумаете, туда пойдете“.
Повезъ онъ князеву племянницу
По той ли по пути по дороженькѣ;
Наѣхалъ онъ бродъ лошадинный,
По колѣну у ней во землю угрязнуто.
Онъ догналъ Алешеньку Левонтьевича,
Самъ говорить таковы слова:
„Ай же ты, Алешенька Левонтьевичъ!
„Возьми-ко Забаву дочь Путятичну,

„Отвези-ко ю во Кіевъ градъ,
„Ко ласкову князю ко Владиміру“.
Самъ поѣхалъ этимъ бродомъ лошадинымъ,
Догналъ поленицу, женщину великую,
Ударилъ своей палицей булатной
Тую поленицу въ буйну голову;
Поленица назадъ не оглянется,
Добрыня на конѣ пріужахнется.
Пріѣзжалъ Добрыня ко сыру дубу,
Толщиною дубъ былъ шести сажень,
Онъ ударилъ своей палицей во сырой дубъ,
Да расшибъ весь сырой дубъ по ластыньямъ,
Самъ говоритъ таково слово:
„Силы у Добрыни есть по старому,
„А смѣлость у Добрыни не по старому.“
Онъ назадъ Добрынюшка воротился,
Догналъ поленицу, женщину великую,
Ударилъ своей палицей булатной
Тую поленицу въ буйну голову:
Поленица назадъ не оглянется,
Добрыня на конѣ пріужахнется.
Назадъ Добрынюшка воротится,
Пріѣзжалъ Добрыня ко сыру дубу,
Толщиной дубъ сажень двѣнадцати,
Онъ ударилъ своей палицей во сырой дубъ,
Онъ расшибъ весь сырой дубъ по ластыньямъ.
Самъ говоритъ таково слово:
„Силы у Добрыни есть по старому,
А смѣлость у Добрыни не по старому“.
Онъ догналъ поленицу, женщину великую,
Ударилъ своей палицей булатной
Тую поленицу въ буйну голову:
Поленица назадъ пріоглянется,
Сама говоритъ таково слово:
„Я думала, комарики покусывають,

„Ажно русскій могучій богатырь пощелкиваетъ“ .
Какъхватила Добрыню за желты кудри,
Посадила его во глубоокъ карманъ,
Везла она Добрыню трои сутки;
Испровѣщется какъ ей добрый конь,
Ей добрый конь голосомъ человѣческимъ:
„А и ты эй, Настасья дочь Никулична!
„Не могу вести васъ съ богатыремъ:
„Хоть у богатыря противъ меня,
„А сила богатыря супротивъ тебя“ .
Говорила Настасья дочь Никулична:
„Я повыздыну богатыря изъ карманчика:
„Ежели богатырь онъ старый,
„Я богатырю голову срублю;
„А ежели богатырь онъ младый,
„Я богатыря въ полонъ возьму;
„А ежели богатырь мнѣ въ любовь придетъ,
„Я теперь за богатыря замужъ пойду“ .—
Повыздынетъ Добрыню изъ карманчика,
Добрыня ей тутъ въ любовь пришелъ.
Поѣхали ко граду, ко Кіеву
Ко ласковому князю Владиміру,
Приняли они по злату вѣнцу.
Тутъ по три дня было пированьице
Про молода Добрыню про Никитича,
Что досталъ онъ князеву племянницу.
Тутъ вѣкъ про Добрыню старину скажутъ
Синему морю на тишину,
Всѣмъ добрымъ людямъ на послушанье.

Въ стольномъ городѣ во Кіевѣ,
Что у ласкова сударь князя Владиміра,
Было пированье, почестной пиръ,
Было столованье, почестной столъ,
На многіе князи и бояра

И на русскіе могучіе богатыри.
А и будетъ день въ половину дня,
И будетъ столъ во полу-столъ,
Владиміръ князь распотѣшился,
По свѣтлой гриднѣ похаживаетъ,
Черны кудри расчесываетъ,
Таковы слова поговариваетъ:
„Есть ли въ Кіевѣ таковъ человѣкъ,
„Изъ сильныхъ могучихъ богатырей,
„А кто бы сослужилъ службу дальнюю,
„А и дальну службу заочную?
„Кто бы съѣздилъ въ орды немирныя
„И очистилъ дороги прямоѣзжія
„До моего тестя любимаго,
„До грозна короля Этмануйла Этмануйловича,
„Вырубилъ Чудь бѣлоглазую,
„Прекратилъ Сорочину долгополую,
„А и тѣхъ Черкесъ пятигорскіихъ,
„И тѣхъ Калмыковъ съ Татарами,
„Чукчи всѣ бы и Алюторы“ ¹⁾.
Втапоры большой за меньшаго хоронится,
А отъ меньшаго ему, князю, отвѣту нѣтъ.
Изъ того было стола княженецкаго,
Изъ той скамьи богатырскія,
Выступается удалъ добрый молодецъ,
Молодой Добрыня Никитичъ младъ:
„Гой еси, сударь ты мой дядюшка,
„Ласково солнце, Владиміръ князь!
„Нѣтъ у тебя въ Кіевѣ охотниковъ,—

¹⁾ Алюторы—имя одного сибирскаго народа (Соч. К. С. Аксакова, т. I, стр. 335).—Перекротить Сорочину (Сарацынь, Магометанъ) и т. д.— т. е. *укоротить, укротить, уничтожить*. (Соч. К. С. Аксакова. т. I, стр. 346).

„Быть передъ княземъ невольникомъ¹⁾;

„Я сослужу службу дальнюю, и т. д.

Втапоры Владиміръ князь

Приказалъ наливать чару зелена вина въ полтора ведра,

И турій рогъ меду сладкаго въ полтретья ведра,

Подавали Добрынѣ Никитичу.

Принимаетъ онъ, Добрыня, единой рукой,

Выпиваетъ молодецъ единымъ духомъ,

И турій рогъ меду сладкаго.

Говорить Добрыня сынъ Никитиничъ

Своей сударынѣ родной матушкѣ:

„Ахъ ты ей, сударыня родна матушка!

„Ты на что меня, Добрынюшку несчастнаго, спорѣдила?

„Спорѣдила бы, государыня родна матушка,

„Ты бы бѣленькимъ горючимъ меня камешкомъ,

„Завернула въ тонкой, льняной во рукавичекъ,

„Спустила бы меня во сине море:

„Я бы вѣкъ, Добрыня, въ морѣ лежалъ,

„Я не ѣздилъ бы, Добрыня, по чисту полю,

„Я не убивалъ бы, Добрыня, неповинныхъ душъ,

„Не пролилъ бы крови я напрасныя,

„Не слезилъ, Добрыня, отцовъ, матерей,

„Не вдовилъ, Добрыня, молодыхъ женъ,

„Не пускалъ сиротатъ малыхъ дѣтушекъ“.

Отвѣтъ держитъ государыня его матушка:

„Я бы рада тебя, дитятко, спорѣдити

„Таланомъ-участью въ Илью Муромца,

„Силой въ Святогора богатыря,

„Смѣлостью въ смѣлаго въ Алешку во Поповича,

„Красотой бы я въ Осипа прекраснаго,

„Я походкою бы тебя щепливою (мелкою)

¹⁾ Т. е. если нѣтъ у тебя охотниковъ, такъ по неволѣ приходится мнѣ. (Пѣсни Кир., вып. 2, стр. 19).

„Во того Чурилу во Пленковича,
„Я бы вѣжествомъ въ Добрынюшку Никитича:
„Сколько ты статьи ¹⁾ есть, а другихъ Богъ не далъ,
„Другихъ Богъ не далъ, не пожаловалъ.
Скоро-на-скоро Добрыня онъ коня сѣдлалъ.
Поѣзжалъ Добрыня во чисто-поле.
Провожала Добрыню родна матушка,
Простилася, воротилася,
Домой пошла, сама заплакала,
Учала по палатѣ похаживать,
Начала голосомъ поваживать,
Жалобнехонько она, съ причетью.
У тыя было у стремени у правыя
Провожала Добрыню любима семья,
Молода Настасья дочь Никулична;
Сама говорила таково слово:
„Когда Добрынюшка домой будетъ,
„Когда дожидать Добрыню изъ чиста-поля?“
Отвѣчалъ Добрыня сынъ Никитичъ:
„Когда у меня ты стала спрашивать,
„Тогда я стану тебѣ сказывать:
„Сожидай Добрынюшку по три года;
„Если въ три года не буду, жди друго три;
„А какъ сполнится времени шесть годовъ,
„Да не буду я домой изъ чиста поля,
„Поминай меня, Добрынюшку, убитаго,
„А тебѣ-ка-ва, Настасья, воля вольная:
„Хоть вдовой живи, хоть замужъ поди,
„Хоть за князя поди, хоть за боярина,
„А хоть за русскаго могучаго богатыря,
„А только не ходи за моего брата, за названаго,
„За смѣлаго за Алешу за Поповича“.

¹⁾ Тыя статьи, т. е. этого качества — вѣжливости: сколько ея въ тебѣ есть, тѣмъ и будь доволенъ. (П. Рыбн. ч. 1, стр. 130).

Стали дожидать его по три года.
Какъ день за днемъ будто дождь дождить,
Недѣля за недѣлей какъ трава растеть,
А годъ за годомъ, какъ рѣка бѣжитъ.
Прошло тому времени да три года,
Не бываль Добрыня изъ чиста поля,
Стала сожидать его по другое три.
Опять день за днемъ, будто дождь дождить,
Недѣля за недѣлей, какъ трава растеть,
А годъ за годомъ, какъ рѣка бѣжитъ.
Прошло тому времени шесть ужъ лѣтъ,
Не бываль Добрыня изъ чиста поля.
Во тую пору, въ то время
Пріѣзжалъ Алеша изъ чиста поля,
Привозилъ онъ вѣсточку нерадостну,
Что нѣтъ жива Добрыни Никитича.
Тогда государыня родна его матушка
Жалешенько по немъ плакала,
Слезила она очи ясныя,
Скорбила она лицо бѣлое
По своемъ роженѣ дитяткѣ,
По молодомъ Добрынѣ Никитичѣ.
Сталь солнышко Владиміръ тутъ похаживать,
Настасья Никуличной посватывать,
Посватывать, подговаривать:
„Какъ тебѣ жить молодой вдовой,
„Молодой вѣкъ свой корѣтати?
„Поди замужъ хоть за князя, хоть за боярина,
„Хоть за русскаго могучаго богатыря,
„А хоть за смѣлаго Алешу Поповича“.
Отвѣчала Настасья, дочь Никулична:
„Я исполнила заповѣдь мужнюю,—
„Я ждала Добрыню цѣло шесть годовъ,
„Не бываль Добрыня изъ чиста поля;
„Я исполню заповѣдь свою женскую:

„Я прожду Добрынюшку друго шесть годовъ:
„Такъ сполнится времени двѣнадцать лѣтъ,
„Да успѣю я и въ ту пору замужъ пойти“.
Опять день за днемъ, будто дождь дождить,
А недѣля за недѣлей какъ трава растеть,
А годъ за годомъ какъ рѣка бѣжить.
Прошло тому времени друго шесть годовъ,
Сполнилось вѣрно двѣнадцать лѣтъ:
Не бываль Добрынюшка изъ чиста поля,
Сталь солнышко Владиміръ тутъ похаживать,
Настасья Никуличной посватывать.
Посватывать, подговаривать:
„Какъ тебѣ жить молодой вдовой,
„Молодой свой вѣкъ коротати?
„Поди замужъ хоть за князя, хоть за боярина,
„А хоть за русскаго могучаго богатыря,
„А хоть за смѣлаго Алешу Поповича“.
Не пошла замужъ ни за князя, ни за боярина,
Ни за русскаго могучаго богатыря,
А пошла замужъ за смѣлаго Алешу Поповича.
Пиръ идетъ у нихъ по третій день;
Сегодня имъ итти ко Божьей церкви,
Принимать съ Алешей по злату вѣнцу.
А Добрыня лучился у Царя-Града,
А у Добрыни конь потыкается.
„Ахъ ты волчья сыть, ты медвѣжья шерсть
„Зачѣмъ сегодня потыкаешься?“
Испровѣщится ему добрый конь,
Ему голосомъ человѣческимъ:
„Ты ей, хозяинъ мой любимый!
„Надъ собой невзгодушки не вѣдаешь:
„Твоя молода Настасья дочь Никулична замужъ пошла,
„За смѣлаго Алешу за Поповича;
„Пиръ идетъ у нихъ по третій день;
„Сегодня имъ итти ко Божьей церкви,

„Принимать съ Алешей по злату вѣнцу“.
Разгорячился Добрынюшка Никитичъ,
Онъ беретъ да плеточку шелковую,
Онъ бьетъ Бурка промежу ноги,
Промежу ноги промежу заднія,
Что сталъ его бурушка поскакивать
Съ горы на гору, съ холма на холмы,
И рѣки, озера перескакивать,
Широкія раздолья между ногъ пушать.

Какъ не ясный соколъ въ перелетъ летить:
Добрый молодецъ перегонъ гонить.
Не воротмы ѣхалъ, черезъ стѣну городовую,
Мимо тую башню наугольную,
Ко тому-ли ко подворью къ вдовиному.
На дворъ заѣхалъ безобсылочно,
Въ палаты идетъ бездокладочно,
Не спрашивалъ у воротъ приворотниковъ,
У дверей не спрашивалъ придверниковъ,
Всѣхъ онъ взяшей прочь отталкивалъ:
Смѣло проходилъ въ палаты во вдовиныя,
Крестъ кладетъ по писаному,
Поклонъ кладетъ по ученому,
Пречестной вдовѣ да онъ въ особину:
„Ты здравствуешь, честна вдова Мамелфа Тимоѣевна!“
Вслѣдъ идутъ предверники, приворотники,
Сами говорятъ таково слово:
„Пречестна вдова Мамелфа Тимоѣевна!
„Какъ этотъ удалый добрый молодецъ
„Наѣхалъ изъ чиста поля скорымъ гонцомъ,
„Насъ не спрашивалъ у воротъ приворотниковъ,
„У дверей не спрашивалъ придверниковъ,
„Всѣхъ насъ взяшей прочь отталкивалъ“.
Испроговитъ имъ честна вдова:
„Ахъ ты эй, удалый добрый молодецъ!
„Ты зачѣмъ заѣхалъ на сиротскій дворъ,

„Въ палаты идешъ бездокладочно?
„Какъ бы было живо мое чадо милое,
„Молодой Добрыня сынъ Никитичъ,
„Отрубилъ бы онъ тебѣ буйну голову
За твои поступки неумильные ¹⁾)

Говоритъ Добрыня сынъ Никитичъ:

„Не напрасно-ли вы согрѣшаете?
„А я вчера съ Добрыней поразѣхался,
„Добрыня поѣхалъ къ Царюграду,
„А я поѣхалъ ко Кіеву;
„Наказывалъ мнѣ братецъ тотъ родимый
„Спросить про его милу семью,
„Про молоду Настасью Никуличну:
„Гдѣ же есть она, Настасья Никулична?“
— „Добрынина родима семья замужъ пошла,
„Пиръ идетъ у нихъ ко третій день,
„Сегодня имъ итти ко Божьей церкви;
„А въ тую-ль было пору, въ тыя шесть лѣтъ.
„Пріѣзжалъ Алеша изъ чиста поля,
„Привозилъ онъ вѣсточку нерадостну,
„Что нѣтъ жива Добрыни Никитича:
„Убить лежитъ во чистомъ полѣ,
„Буйна голова испроломана,
„Могучія плечи испрострѣлены,
„Головой лежитъ чрезъ ракитовъ кустъ.
„Я жалешенько объ немъ плакала“.
Говоритъ Добрыня сынъ Никитичъ:
„Наказывалъ братецъ мнѣ названный:
„Если лучится быть тебѣ на пиру во Кіевѣ,
„Ты возьми мое платье скоморошеское
„И гусельки возьми мои яворчаты ²⁾),

¹⁾ Умилный, т. е. *умѣльный*—отъ *умѣніе*. Тутъ *неумѣльный* значитъ не показывающій *умѣнія* себя вести. (Сравни соч. К. С. Аксакова, т. I. стр. 345).

²⁾ Т. е. изъ дерева явора, яворчатя (перестановка звуковъ).

„Въ новой горенкѣ всѣ на столикѣ“.
Принесла она платьѣ скоморошеское
И гусельки ему яровчаты.
Накрутился ¹⁾ молодецъ скоморошиной,
Пошелъ какъ на хорошъ почестной пиръ.
Идетъ онъ во княжескій дворъ безобсылочно,
А въ палаты идетъ бездокладочно;
Не спрашивалъ у воротъ приворотниковъ,
У дверей не спрашивалъ придверниковъ,
Всѣхъ онъ взащей прочь отталкивалъ;
Смѣло проходилъ въ палаты княженецкія,
Крестъ кладетъ по писаному,
Поклонъ кладетъ по ученому
Солнышку Владиміру въ особину,
Самъ говоритъ таково слово:
„Здравствуй, солнышко Владиміръ стольно-кіевскій,
„Со своей княгиней со Апраксіей!“
Вслѣдъ идутъ всѣ, жалобу творятъ:
„Солнышко Владиміръ стольно-кіевскій!
„Какъ этотъ удалой добрый молодецъ
„Наѣхалъ изъ поля скорымъ гонцомъ,
„И тепереча идетъ скоморошиной:
„Онъ не спрашивалъ у воротъ приворотниковъ,
„У дверей не спрашивалъ придверниковъ,
„Всѣхъ насъ взащей прочь толкалъ,
„Скоро приходилъ въ палаты княженецкія“.
— „Ахъ ты эй, удалая скоморошина!
„Ты зачѣмъ идешь на княженецкій дворъ,
„На княженецкій дворъ безобсылочно,
„Во палаты идешь бездокладочно,
„Не спрашивалъ у воротъ приворотниковъ,
„У дверей не спрашивалъ придверниковъ.
„Скоро проходилъ въ палаты княженецкія?

¹⁾ Парядился.

Скоморошина къ рѣчамъ не примется,
Скоморошина въ рѣчи не вчуется:
„Скажи, гдѣ есть наше мѣсто скоморошеское?“
Съ сердцемъ говоритъ Владимиръ стольно-кѣвскій,
„Что ваше мѣсто скоморошеское
„На той на печкѣ на муравленой,
„На муравленой печкѣ—на запечкѣ“.
Онъ скочилъ скоро на мѣсто на показано,
На тую на печку на муравлену;
Натягивалъ тетивочки шелковыя
На тья струночки золоченыя,
Учалъ по струночкамъ похаживать,
Учалъ онъ голосомъ поваживать:
Играетъ-то въ Цареградѣ,
А на выигрышъ беретъ все въ Кіевѣ ¹⁾,
Онъ отъ стараго всѣхъ до малаго.
Тутъ всѣ на пиру призамолкнули,
Сами говорятъ таково слово:
„Что не быть это удалой скоморошины,
„А кому ни надо быть русскому,
„Быть удалому доброму молодцу!“
Говоритъ Владимиръ стольно-кѣвскій:
„Ахъ ты эй, удалый скоморошина!
„Опускайся изъ печки, изъ запечки,
„Садись-ка съ нами за дубовъ столъ хлѣба кушати,
„Станемъ бѣлыя лебедушки мы рушати,
„За твою игру за веселую
„Дамъ тебѣ три мѣста любимыхъ:
„Перво мѣсто—сядь подлѣ меня,
„Друго мѣсто—супротивъ меня,
„А третье мѣсто—куда самъ захошь,
„Куда самъ захошь, еще пожалуешь“.
Не сѣла скоморошина подлѣ князя,

¹⁾ Играетъ цареградскимъ напѣвомъ, а намекаетъ на событія кѣвскія.

Не сѣла скоморошина противъ князя,
А садилась скоморошина въ скамеечку
Супротивъ княжны порученія ¹⁾).

Говорить удаля скоморошина:

„Что солнышко Владимиръ стольно-кѣвскій!

„Благослови мнѣ налить чару зелена вина,

„Поднести эту чару, кому я знаю,

„Кому я знаю, еще пожалуй“.

Какъ онъ налилъ чару зелена вина,
Онъ опустить въ чару свой золоченъ перстень,
Подноситъ княжны ²⁾ порученія (молодой, повобрачной),
Самъ говорить таково слово:

„Молода Настасья, дочь Никулична!

„Прими сію чару единой рукой,

„Да выпей-ко чару единымъ духомъ:

„Буде пьешь до дна, такъ выдаешь добра,

„А не пьешь до дна, не выдаешь добра“.

Она приняла чару единой рукой,

Да и вышила чару единымъ духомъ,

Да и посмотритъ въ чарѣ свой злаченъ перстень,

Которымъ съ Добрыней обручалася;

Сама говорить таково слово:

„Солнышко Владимиръ стольно-кѣвскій!

„Не тотъ мой мужъ, который подлѣ меня,

„А тотъ мой мужъ, который супротивъ меня,

„Сидитъ мой мужъ на скамеечкѣ,

„Подноситъ мнѣ чару зелена вина“.

Сама выскочить изъ-за стола изъ-за дубоваго,

Упала Добрынѣ въ рѣзвы ноги:

„Прости, прости, Добрынюшка Никитичъ,

„Въ той винѣ прости меня, въ глупости,

¹⁾ Т. е. невѣсты.

²⁾ Княжнѣ, т. е. повобрачной. „Женихъ и невѣста или повобрачные были на первомъ планѣ и потому назывались княземъ и княгинею“.

„Что не по твоему наказу-де я сдѣлала,
„Я за смѣлаго Алешеньку замужъ пошла“.
Говорилъ Добрыня сынъ Никитичъ:
„Что не дивую я разуму-то женскому,
„Что волосъ дологъ, да умъ коротокъ:
„Ихъ куда ведутъ, онѣ туда идутъ,
„Ихъ куда везутъ, онѣ туда ѣдутъ,—
„А дивую я солнышку Владимиру
„Съ молодой княгиней со Апраксией:
„Солнышко Владимиръ тотъ тутъ сватомъ былъ,
„А княгиня Апраксія свахою,
„Они у живого мужа жену просватали!“
Тутъ солнышку Владимиру къ стыду пришло,
А говорилъ Алешенька Григорьевичъ:
„Прости, прости, братецъ мой названный,
„Что я посидѣлъ подлѣ твоей любимой семьи (жены),
„Подлѣ молодой Настасьи Никуличной“.—
— „Въ той винѣ, братецъ, тебя Богъ простить, и т. д.
„А во другой винѣ тебѣ, братецъ, не прощу:
„Какъ пріѣзжалъ ты изъ чиста поля въ первыхъ шесть
лѣтъ,
„Привозилъ ты вѣсточку нерадостну,
„Что нѣтъ жива Добрыни Никитича,
„Убить лежитъ въ чистомъ полѣ,
„Буйна голова испроломана,
„Могучи плечи испрострѣлены,
„Головой лежитъ чрезъ ракитовъ кустъ.
„Такъ когда государыня родна матушка
„Жалешенько по мнѣ плакала,
„Слезила свои очи ясныя,
„Скорбила свое лицо бѣлое:
„Съ этой вины тебѣ не прощу!“
Ухватилъ Алешку за желты кудри,
Выдернетъ Алешку чрезъ дубовый столъ,
Броситъ Алешку о кирпиченъ полъ

И хочет переправить второй-отъ разъ;
Такъ скочилъ старый казакъ Илья Муромецъ,
Захватилъ за плечики, за могутнія, за молодецкія:
„Ай же ты, Добрынюшка Никитиничъ!
„Не убей ты смертію напрасною
„Меньшого братца Алешу Поповича!“
Тутъ Добрынюшка Никитиничъ
Бралъ Настасью за бѣлы руки,
Цѣловаль въ уста сахарнія
И повелъ ю во высьокъ теремъ.
Глядитъ честна вдова Мамелфа Тимооеевна:
Красное солнышко порѣспекло
И свѣтель мѣсяцъ порѣсвѣтилъ.

4. Сухманъ Одихмантьевичъ.

Ниръ у князя Владимира. Богатыри всѣ порасхвастались.
Не хвастаетъ одинъ Сухманъ Одихмантьевичъ.
Солнышко Владимиръ стольно-кѣвскій,
По гриднѣ столовой похаживаетъ,
Желтыми кудрями потряхиваетъ,
Самъ говоритъ таковы слова:
„Ай же ты, Сухмантій Одихмантьевичъ!
„Что же ты ничѣмъ не хвастаешь,
„Не ѣшь, не пьешь и не кушаешь,
„Бѣлыя лебеди не рушаешь?
„Али чара ти шла не рядобная,
„Или мѣсто было не по отчинѣ,
„Али пьяница надсмѣялся ти?“
Воспроговорить Сухманъ Одихмантьевичъ:
„Чара-то мнѣ-ко-шла рядобная, и т. д.
„Похвастать, не похвастать добру молодцу:
„Приведу тебѣ лебедь бѣлую,
„Бѣлу лебедь живьемъ въ рукахъ,
„Не ранену лебедку, не кровавлену“.

Їдетъ Сухманъ искать бѣлой лебеди,—не находятъ ни-
гдѣ бѣлой лебеди. „Какъ мнѣ ѣхать теперь къ князю Вла-
диМиру?—Поѣду къ матушкѣ Нѣпрѣ (Днѣпру) рѣкѣ,—

Матушка Нѣпра рѣка текетъ не по старому,

Не по старому текетъ, не по прежнему,

А вода съ пескомъ помутилася.

Сталъ Сухмантьюшка выпрашивати:

„Что же ты, матушка Нѣпра рѣка,

„Что же ты текешь не по старому, и т. д.

Испроговорить матушка Нѣпра рѣка:

„Какъ же мнѣ течи было по старому,

„Какъ за мной, за матушкой Нѣпрой рѣкой,

„Стоитъ сила татарская невѣрная,

„Сорокъ тысячей Татаровей поганныхъ?

„Мостятъ они мосты калиновы;

„Днемъ мостятъ, а ночью я повырою:

„Изъ силъ матушка Нѣпра рѣка повыбилась“.

„Раздумался Сухмантій Одихмантьевичъ:

„Не честь-хвала мнѣ молодецкая

Не отвѣдать силы татарскія,

„Татарскія силы невѣрныя“.

Направилъ своего добра коня

Черезъ тую матушку Нѣпру рѣку:

Его добрый конь перескочилъ.

Приѣзжаетъ Сухмантій ко сыру дубу,

Ко сыру дубу крякновистому,

Выдергивалъ дубъ со кореньями,

За вершинку бралъ, а съ комля (корня) сокъ бѣжалъ.

И поѣхалъ Сухмантьюшка съ дубиначкой,

Напустилъ онъ своего добра коня,

На тую ли на силу на татарскую,

И началъ онъ дубиначкой помахивати,

Началъ Татаръ поколачивати;

Махнетъ Сухмантьюшка—улица,

Отмахнетъ назадъ—промежуточекъ,
И впередъ просунетъ—переулочекъ:
Убилъ онъ всѣхъ Татаръ поганныхъ.
Бѣжали три Татарины поганныхъ,
Бѣжали по матушкѣ Нѣпрѣ рѣкѣ,—
Садились подъ кусточки подъ ракитовы,
Направили стрѣлочки каленныя.
Приѣхалъ Сухмантій Одихмантьевичъ
Ко той, ко матушкѣ Нѣпрѣ рѣкѣ,
Пустили три Татарины поганныхъ
Тыя стрѣлочки каленныя
Во его бока во бѣлые:
Тутъ Сухмантій Одихмантьевичъ
Стрѣлочки каленныя выдергивалъ,
Сорвалъ въ раны кровавыя листочки маковы.
А трехъ Татаровей поганныхъ
Убилъ своимъ ножищемъ-кинжалищемъ.

Возвращается Сухманъ къ князю Владимиру, говоритъ, что не отыскалъ бѣлой лебеди, но зато истребилъ всю силу татарскую. Владимиръ и вѣрить не хочетъ, но посылаетъ Добрыню провѣдать, точно ли истреблена сила татарская. Между тѣмъ, за то, что Сухмантій не сдержалъ слова привезть лебедь бѣлую, Владимиръ велитъ посадить его въ глубокий погребъ. Сажаютъ Сухмана. Но вотъ возвращается Добрыня Никитичъ, говоритъ, что сила татарская дѣйствительно вся перебита, и подаетъ Владимиру дубиночку сухмантьеву,—дубиночка вся оббилась и расщепалась; свѣсили дубиночку,—въ ней девяносто пудъ.

Говорилъ Владимиръ стольно-кѣвскій:

„Ай же, слуги мои вѣрные!

„Скоро идите въ глубокъ погребъ,

„Взимайте Сухмантя Одихмантьевича,

„Приводите ко мнѣ на ясны очи:

„Буду его молодца жаловать-миловать
„За его услугу за великую,
„Городами его съ пригородками,
„Али селами со приселками,
Аль безсчетной золотой казной дѣ любви“.
Приходятъ его слуги вѣрные
Къ тому ко погребу глубокому,
Сами говорятъ таковы слова:
„Ай же ты, Сухмантій Одихмантьевичъ!
„Выходитка съ погребѣ глубокаго.
„Хочетъ тебя Солнышко жаловать
„За твою услугу великую.“
Выходилъ Сухмантій съ погребѣ глубокаго,
Выходилъ на далече чисто поле
И говорилъ, молодецъ, таковы слова:
„Не умѣлъ меня Солнышко миловать,
„Не умѣлъ меня Солнышко жаловать:
„А теперь не видать меня во ясны очи!“
Выдергивалъ листочки маковые
Со тыхъ ранъ со кровавыхъ;
Самъ Сухмантій приговаривалъ:
„Потеки Сухманъ-рѣка
„Отъ тоя отъ крови отъ горючія,
„Отъ горючія крови, отъ напрасныя.“

5) Чурила Пленковичъ.

Только что распотѣшился на пиру своемъ князь Владимиръ, какъ являются къ нему триста молодцевъ—всѣ изранены: охотились они въ лѣсахъ княжескихъ, да ничего не поймали, не застрѣлили; все повыловила и перестрѣяла чья-то дружина богатая, разодѣтая, да еще поранила ихъ, добрыхъ молодцевъ. За этими тремястами молодцевъ приходятъ еще пятьсотъ другихъ, тоже израненныхъ: жалуются они, что избившіе ихъ повыловили всю рыбу княжескую. Не успѣ-

ваетъ эта толпа со двора сойти, какъ уже валять за нею другія двѣ — сокольники княжескіе и кречетники, тоже всѣ перераненные: жалуются, что всѣхъ соколовъ и всѣхъ кречетовъ княжескихъ переловила та дружина бѣдовая, а зовется она дружиной Чуриловою:

Тутъ Владимиръ князь за то слово спохвѣтится:

„Кто это Чурила есть таковъ?“

Вступился тутъ старій Бермята Васильевичъ:

„Я-де, осударь, про Чурилу давно вѣдаю,

„Чурила живетъ не въ Кіевѣ,

„А живетъ онъ пониже малаго Кіевца.

„Дворъ у него на семи верстахъ,

„Около двора желѣзный тынъ.

„На всякой тынинкѣ по маковкѣ,

„А и есть по жемчужинкѣ;

„Среди двора свѣтлицы стоятъ,

„Гридни бѣлодубовыя,

„Покрыты сѣдымъ бобромъ,

„Потолокъ черныхъ соболей,

„Матица-то волженая,

„Поль среди одного серебра,

„Крюки да пробой по булату злачены.

„Первыя у него ворота вальящатыя,

„Другія ворота хрустальныя,

„Третія ворота оловянныя“.

Владимиръ съ княгинею, съ князьями, боярами и со всѣми могучими богатырями ѣдутъ къ Чурилѣ Пленковичу. Встрѣчаетъ ихъ старій Пленко, вводитъ во свѣтлыя гридни. Повара догадливы—носятъ всякія яства сахарныя и питья медвяныя.

Князь со княгинею веселъ сидитъ,

Посмотрѣвъ въ окошечко косящетеое,

И увидалъ въ полѣ толпу людей,

Говорилъ таково слово:

„По грѣхамъ надо мною, княземъ, учинилося,

„Князя меня въ домѣ не случилось,

„Ѣдетъ ко мнѣ король изъ Орды,

„Или какой грозенъ посоль“.

Старый Пленко суроженинъ

Лишь только усмѣхается, самъ потчиваетъ:

„Изволь ты, государь Владиміръ князь со княгиней

„И со всѣми своими бояры, кушати,

„Что не ѣдетъ не король изъ Орды,

„И не грозенъ посоль,

„Ѣдетъ-де дружина хоробрая сына моего,

„Молода Чурилы Пленковича;

„А какъ онъ, осударь, будетъ предъ тобою же,

„Будетъ пиръ во полу-пирѣ,

„Будетъ столъ во полу-столѣ.“

Пьютъ они, ѣдятъ, потѣшаются,

Всѣ уже они безъ памяти сидятъ;

На дворѣ день вечерается,

Красное солнышко закатается,—

Толпа въ полѣ собирается,

Есть молодецвъ ихъ за пятьсотъ,

Есть и до тысячи.

Ѣдетъ Чурила ко двору своему,

Передъ нимъ несутъ подсолнечникъ,

Чтобъ не запекло солнце бѣла его лица.

Чурила, узнавъ про гостей, несетъ Владимиру сорокъ сороковъ черныхъ соболей, столько же нечерскихъ лисицъ и другіе подарки. Князь радуется и говоритъ Чурилѣ, что не слѣдъ такому богатырю въ деревнѣ жить, а надо жить въ Кіевѣ и служить ему, князю Владимиру. Чурила, не задумавшись, вмѣстѣ съ княземъ отправляется въ Кіевъ.

6) Дюкъ Степановичъ.

Изъ-за моря синяго, изъ славнаго Волынца, красна Галичя, изъ Индѣюшки богатой прїѣзжаетъ въ Кіевъ добрый молодець Дюкъ Степановичъ; прїѣзжаетъ поклониться церквамъ кїевскимъ, посмотрѣть на князя Владимира и на русскихъ могучихъ богатырей. Прїѣзжаетъ онъ богато одѣтый и зоветъ себя княжескимъ сыномъ. „Чтò онъ за княжескій сынъ, говоритъ Чурила: просто обобралъ какого-нибудь купца, да и щеголяетъ“.

Въ Кіевѣ въ ту пору послѣ дождя грязь стояла; запачкалъ себѣ Дюкъ сапожки, забрызгалъ шубку, да все на нихъ и поглядываетъ. „Вѣкъ онъ, должно быть, сапожекъ и шубки не нашивалъ; говоритъ Чурила: оттого все на нихъ и поглядываетъ. Досадно становится Дюку. „Слышалъ я, говоритъ онъ, отъ родителя, что вашъ Кіевъ-градъ больно красивъ; а все у васъ въ Кіевѣ не по нашему, церкви у васъ всѣ деревянныя, мостовыя черной землею засыпаны, а у насъ такъ вотъ какъ:

„Отъ Божьей церкви до палатъ бѣлокаменныхъ
Постланы мостики калиновы,
Разостланы сукна кармазинныя,
Не мараются сапожки сафьянные во грязи черныя“.
Какъ ввели его въ палаты бѣлокаменны,
Какъ пошло столованье, почестенъ пиръ,
Сидитъ молодой бояринъ, не пьянъ, не веселъ;
Онъ калачикъ ѣлъ, другой подъ столъ металъ,
А чару пилъ, другу за окошко лилъ.
Какъ увидѣлъ солнышко Владимиръ стольно-кїевскій:
„Что же ты, молодой бояринъ Дюкъ Степановичъ,
„Калачикъ ѣшь, другой подъ столъ мечешь,
„А чару пьешь, другу за окошко льешь?“
„Ай же ты Владимиръ стольно кїевскій!
„Не могу ѣсть калачиковъ крупивчатыхъ,

„Пить напитокъ сладкихъ:
„Калачики пахнутъ на хвою сосновую,
„А напитки затхнулися, пить неприятные.
„У моей государыни матушки
„Есть печки муравлены, помялчики шелковые,
„Мочутъ помялчики въ росу медовую,
„Пометаютъ печки муравлены,
„Пекутъ калачики круивчаты:
„Калачикъ съѣшь, другого съѣсть душа горить,
Другой съѣшь, третій съ ума нейдетъ.
А меда сладкіе, водочки стоялыя,
Повѣшены въ бочки сороковки,
„Въ погреба глубокіе на цѣпи на серебряны;
„Туда подведены вѣтры буйные:
„Какъ повѣютъ вѣтры буйные,
„Пойдутъ воздуха по погребамъ,
„Такъ загогочутъ бочки, будто лебеди,
„Будто лебеди на тихихъ на заводахъ;—
„Такъ вѣкъ не затхнутъ напитки сладкіе,
„Чару пьешь, другу пить душа горить,
„Другу пьешь, третья съ ума нейдетъ.
„Эта хвальба не похвальба:
„У моей государыни у матушки
„Цвѣтно платице не держится.
„Потому оно не держится,
„Что швецы не выводятся;
„Та толпа швецовъ со двора сошла,
„А другая толпа на дворъ пришла.
„Добры кони ѣздятъ—не ѣздятся:
„Стоитъ безъ счету добрыхъ коней....

Чурила обижается похвалбой Дюка и предлагаетъ ему биться объ закладъ—что бы имъ въ продолженіе трехъ лѣтъ ѣздить верхомъ по Кіеву—каждый день въ новомъ платьѣ.
„Хорошо тебѣ, говоритъ Дюкъ, у тебя кладовыя наполнены платьями, а у меня вѣдь все по дорожному.“

Однакожь, бьются они объ закладъ. Дюкъ пишетъ письмо къ своей матушкѣ, привязываетъ сумку съ письмомъ къ коню своему; несется ретивый конь къ его матушкѣ и скоро на скоро возвращается отъ нея въ Кіевъ со множествомъ одежды отборной.

Стали они ѣздить день за день,
День за день и еще годъ за годъ,
Проѣздили поры времени по три года,
Послѣдній день поѣхали къ заутрени Христоськія.
Молодой Чурилушка Пленковичъ
Надѣлъ-то одежину драгоцѣнную:
Строчечка одна строчена чистымъ сѣребромъ,
Другая строчена краснымъ золотомъ;
Въ пуговики воплетено по доброму по молодцу,
Въ петельки воплетено по красной по дѣвушкѣ:
Какъ застегнутся, такъ обѣймутся,
А разстегнутся, и поцѣлуются.
Поглянулъ Владимиръ на праву руку
На молода Чурилушку на Пленковича;
Говорилъ-то Владимиръ таковы слова:
„Молодой Дюкъ Степановичъ, княженецкій сынъ,
„Прозакладалъ все свое имѣніе богатство!“
А молодой Дюкъ Степановичъ, княженецкій сынъ,
Онъ одѣлъ одежицу драгоцѣнную, и т. д.
Въ пуговики воплетено по доброму по молодцу, и т. д.
На головушкѣ у Дюка сдѣлана шляпонька,
Спереду такъ введено красно солнышко,
И сзади введенъ свѣтѣль мѣсяцъ,
А на верховицѣ шляпы будто жаръ горитъ.
Говорили тогда Володимиру:
„Посмотри-тко теперь на лѣву руку:
„Молодой Чурилушко Опленковичъ
„Прозакладалъ свою буйную головушку“.

Тогда Чурила, видя, что Дюку удалось до конца перещегоолять его роскошью одежды, предлагаетъ ему состязанье другого рода: кто, разѣхавшись, перескочитъ съ конемъ черезъ Нѣпру рѣку? Задумался Дюкъ, и совѣтуется съ конемъ своимъ. Конь общаетъ Дюку перенести его черезъ Нѣпру рѣку: конь Чурилы ему младшій братъ, а онъ пересилитъ и двухъ старшихъ, принадлежащихъ Ильѣ Муромцу и Добрынѣ Никитичу.

Бьются обѣ закладъ, разѣзжаются на коняхъ своихъ—дюковъ конь переноситъ его черезъ Днѣпръ, а Чурила съ конемъ падаетъ въ самую середину рѣки; тогда Дюкъ дѣлаетъ поворотъ, снова скачетъ черезъ Днѣпръ и вытаскиваетъ Чурилу за волосы.

Тутъ Владимиръ, князь стольно-кѣвскій,
Сталъ посылать общѣнниковъ
Во тую Индѣюшку богатую
Его Дюково имѣнье описывать и общѣнживать...
Говорила имъ Дюкова матушка:
„Вы удаленькіе дородные добры молодцы!
„Не знаю вамъ имени, ни изотчины,
„Вы зачѣмъ сюда пріѣхали?
„Знать, сиротскаго имѣнника описывать?“
Повела ихъ она во погреба глубокіе,
Посадила ко сбури лошадиной описывать и общѣнживать.
Описывали они, общѣнживали
Эту сбрую лошадиную ровно три года,
Не могли общѣнить этой сбруи лошадиныя.
Повела ихъ она на погреба глубокіе
Описывать, общѣнживать имѣніе-богачество.
Тутъ бочки висятъ чиста серебра,
А другія висятъ красна золота,
А третьи висятъ скатна жемчуга.
Эти мужики общѣнщики
Не могутъ они смѣты дать,

Описать того имѣнія богатства.

Тутъ писали они во стольно-Кіевъ градъ

Ко стольному князю ко Владимиру:

„Ты славный Владимиръ стольно-кіевскій!

„Продай-ко свой стольно-Кіевъ градъ

„На эти на бумаги (на гербовыя)

„Да на чернила-перья продай еще Черниговъ градъ,

„Тогда можешь Дюково имѣнье описывать.

7) Соловей Будимировичъ.

Изъ-за моря, моря синяго,

Изъ глухоморя зеленаго,

Отъ славнаго города Леденца,

Ото того-де царя вѣдь заморскаго,

Выбѣгали, выгребали тридцать кораблей,

Тридцать кораблей—единъ корабль

Славнаго гостя, богатаго,

Молода Соловья сына Будимировича.

Хорошо корабли изукрашены:

Одинъ корабль лучше всѣхъ;

У того было у сокола у корабля

Вмѣсто очей было вставлено

По дорогу каменю, по яхонту;

Вмѣсто бровей было прибivano

По черному соболю якутскому;

Вмѣсто уса было воткнуто:

Два остра конья мурзameцкія.

И два горностаѣя повѣшаны,

И два горностаѣя, два зимніе;

У того было у сокола у корабля

Вмѣсто гривы прибivano:

Двѣ лисицы бурнастыя;

Вмѣсто хвоста повѣшено

На томъ было соколъ кораблѣ:

Два медвѣдя бѣлые, заморскіе;
Носъ, корма по туриному,
Бока взведены по звѣриному.
Бѣгутъ ко городу Кіеву,
Къ ласкову князю Владимиру.
На томъ соколѣ кораблѣ
Сдѣланъ муравлень чердакъ,
Въ чердакъ была бесѣда—дорогъ рыбій зубъ,
Подернута бесѣда рытымъ бархатомъ;
На бесѣдѣ-то сидѣлъ купецъ молодець,
Молодой Соловей сынъ Будимировичъ.

Приплываютъ къ Кіеву, несутъ дорогіе подарки князю Владимиру. Князь предлагаетъ имъ занять дворы княжескіе, но Соловей проситъ дать ему только загонъ земли въ саду у племянницы княжеской, чтобы тамъ самому себѣ выстроить теремъ. Даетъ ему землю Владимиръ. Соловей зоветъ съ корабля своихъ работниковъ, и за ночь поспѣваютъ въ саду у Запавы три терема.

Рано зазвонили къ заутрени—
Ото сна Запава пробуждалася,
Посмотрѣла сама въ окошечко косячатое,
Въ вишеньѣ, въ орѣшеньѣ,
Во свой, вѣдь, хорошій, зеленый садъ.
Чудо Запавѣ показалось:
Въ ея хорошемъ, зеленомъ саду,
Что стоятъ три терема златоверховаты.
Говорила Запава Путятишна:
„Гой еси, нянюшки и мамушки!
„Подите-тко, посмотрите-тко,
„Что мнѣ за чудо показалось
„Въ вишеньѣ, въ орѣшеньѣ“.
Отвѣчаютъ нянюшки, мамушки
И сѣнныя красныя дѣвушки:

„Матушка Запава Путятишна!

„Изволь-ко сама посмотришь:

„Счастье твое на дворъ къ тебѣ пришло“.

Скоро-де Запава наряжается,

Надѣвала шубу соболиную,

Цѣна-то шубѣ три тысячи,

А пуговицы въ семь тысячъ,

Пошла она въ вишенья, въ орѣшныя,

Во свой, во хорошъ, во зеленой садъ.

У перваго терема послушала:

Тутъ въ теремѣ шепчуть, молчатъ—

Лежитъ Соловьева золота казна.

Во второмъ теремѣ послушала:

Тутъ въ теремѣ потихоньку говорятъ,

Помаленьку говорятъ, все молитву творятъ.

Молится Соловьева матушка

Со вдовы честны, многоразумны.

У третьяго терема послушала:

Тутъ въ теремѣ музыка гремитъ.

Входила Запава въ сѣни косящатыя,

Отворяла двери на пята,—

Больно Запава испугалась,

Рѣзвы ноги подломились,

Чудо въ теремѣ показалось:

На небѣ солнце, въ теремѣ солнце;

На небѣ мѣсяцъ, въ теремѣ мѣсяцъ;

На небѣ звѣзды, въ теремѣ звѣзды;

На небѣ заря, въ теремѣ заря—

И вся красота поднебесная.

Подломились ея ноженьки рѣзвыя.

Тутъ подходитъ къ ней Соловей, сватается за нее, они мѣняются перстнями, и все кончается свадебнымъ пиромъ у князя Владимира.

Б) ЦИКЛЬ НОВГОРОДСКІЙ.

1) Садко богатый гость ¹⁾.

Во славномъ во Новѣградѣ,
Какъ былъ Садко купецъ, богатый гость.
А прежде у Садка имущества не было:
Одни были гусельки яровчаты ²⁾;
По пирамъ ходилъ игралъ Садко.
Садка день не зовутъ на почестень пиръ,
Другой не зовутъ на почестень пиръ,
И третій не зовутъ на почестень пиръ.
Потомъ Садко соскучился:
Какъ пошелъ Садко къ Ильмень озеру,
Садился на бѣль-горючъ камень,
И началъ играть въ гусельки яровчаты.
Какъ тутъ то въ озерѣ вода всколыбалася,
Тутъ-то Садко перепался,
Пошолъ прочь отъ озера во свой во Новгородъ.
Садка день не зовутъ на почестень пиръ,
Какъ пошелъ Садко къ Ильмень озеру,
Садился на бѣль-горючъ камень
И началъ играть въ гусельки яровчаты.
Какъ тутъ-то въ озерѣ вода всколыбалася,
Показался царь морской,
Вышелъ съ Ильменя со озера,
Самъ говорилъ таковы слова:
„Ай же ты, Садко Новгородскій!
„Не знаю, чѣмъ буде тебя пожаловать
„За твои за утѣхи за великія,
„За твою то игру нѣжную:
„Аль безсчетной золотой казной?
„А не то ступай въ Новгородъ

¹⁾ Гость—купецъ.

²⁾ Изъ дерева явора (перестановка звуковъ).

И ударь о великъ закладъ,
„Заложи свою буйну голову,
„И выряжай съ прочихъ купцовъ
„Лавки товара краснаго,
„И споръ—что въ Ильмень-озерѣ
Есть рыба-золоты перья.
„Какъ ударишь о великъ закладъ,
„И поди-свяжи шелковой неводъ,
„И прїѣзжай ловить въ Ильмень-озеро:
„Дамъ три рыбы-золоты перья.
„Тогда ты, Садко, счастливъ будешь“.
Пошелъ Садко отъ Ильменя отъ озера,
Какъ приходилъ Садко во свой во Новгородъ,
Позвали Садко на почестень пиръ.
Какъ тутъ Садко Новгородскій
Сталъ играть въ гусельки яровчаты;
Какъ тутъ стали Садко попаивать,
Стали Садку поднашивать,
Какъ тутъ-то Садко сталъ похвастывать,
„Ай же вы, купцы Новгородскіе!
„Какъ знаю чудо чудное въ Ильмень-озерѣ,
„А есть рыба-золоты перья въ Ильмень-озерѣ“.
Какъ тутъ-то купцы Новгородскіе
Говорятъ ему таковы слова:
„Не знаешь ты чуда чуднаго,
„Не можетъ быть въ Ильмень-озерѣ рыбы-золоты перья“.
„Ай же вы, купцы Новгородскіе!
„О чемъ-же бьете со мной о великъ закладъ?
„Ударимъ-ка о великъ закладъ?
„Я заложу свою буйну голову,
„А вы залагайте лавки товара краснаго“.
Три куща повыкинулись,
Заложили по три лавки товара краснаго.
Какъ тутъ-то связали неводъ шелковый
И поѣхали ловить въ Ильмень-озеро,

Закинули тоньку въ Ильмень-озеро,
Добыли рыбку-золоты перья;
Закинули другую тоньку въ Ильмень-озеро,
Добыли другую рыбку-золоты перья;
Третью закинули тоньку въ Ильмень-озеро,
Добыли третью рыбку-золоты перья.
Тутъ купцы Новгородскіе
Отдали по три лавки товару краснаго.
Сталъ Садко поторговывать,
Сталъ получать барыши великіе.
Во своихъ палатахъ бѣлокаменныхъ
Устроилъ Садко по небесному!
На небѣ солнце — и въ палатахъ солнце;
На небѣ мѣсяцъ — и въ палатахъ мѣсяцъ;
На небѣ звѣзды — и въ палатахъ звѣзды.

Потомъ Садко купецъ, богатый гость,
Зазвалъ къ себѣ на почестенъ пиръ
Тыхъ мужиковъ Новгородскихъ.
Всѣ на пиру наѣдались,
Всѣ на пиру напивались,
Похвальбами всѣ похвалялися.
Иный хвастаетъ безсчетомъ золотой казной,
Другой хвастаетъ силой-удачей молодецкою,
Который хвастаетъ добрымъ конемъ,
Который хвастаетъ славнымъ отечествомъ,
Славнымъ отечествомъ, молодымъ молодецествомъ;
Умный хвастаетъ старымъ батюшкомъ,
Безумный хвастаетъ молодой женой.
Говорятъ настоятели новгородскіе:
„Всѣ мы на пиру наѣдались,
„Всѣ на почестномъ напивались,
„Похвальбами всѣ похвалялися.
„Что же у насъ Садко ничѣмъ не похвастаетъ,

Что у насъ Садко ничѣмъ не похваляется?“

Говорить Садко купецъ, богатый гость:

„А чѣмъ мнѣ, Садку, хвастаться,

„Чѣмъ мнѣ, Садку, похвалятися?

„У меня-ль золота казна не тощится,

„Цвѣтно платьице не носится,

„Дружина хоробра не измѣняется.

„А похвастать не похвастать безсчетной золотой казной:

„На свою безсчетну золоту казну

„Повыкуплю товары новгородскіе,

„Худые товары и добрые“.

Не успѣлъ онъ слова вымолвить,

Какъ настоятели новгородскіе

Ударили о великъ закладъ,

О безсчетной золотой казны.

О денежкахъ тридцати тысячахъ:

Какъ повыкупить Садку товары новгородскіе,

Худые товары и добрые,

Чтобъ въ Новѣградѣ товаровъ въ продажѣ болѣе не было.

Ставалъ Садко на другой день ранымъ рано,

Будилъ свою дружину хоробрую,

Безъ счета давалъ золотой казны,

И распушалъ дружину по улицамъ торговымъ,

А самъ-то прямо шелъ во гостинный рядъ,

Какъ повыкупили товары новгородскіе,

Худые товары и добрые,

На свою безсчетну золоту казну.

На другой день ставалъ Садко ранымъ-рано, и т. д.

Вдвойнѣ товаровъ привавезено

На тую на славу на великую Новгородскую.

Опять выкупалъ товары Новгородскіе.

На третій день ставалъ Садко ранымъ-рано, и т. д.

Втройнѣ товаровъ привавезено,

Подоспѣли товары московскіе

На ту на великую на славу новгородскую.

Какъ тутъ Садко пораздумался:

„Не выкупить товара со всего бѣла свѣта:

„Еще повыкуплю товары московскіе,—

„Подоспѣютъ товары заморскіе.

„Не я, видно, купецъ богатъ новгородскій,—

„Побогаче меня славный Новгородъ“.

Отдавалъ онъ настоятелямъ новгородскимъ

Денежекъ онъ тридцать тысячечей.

На свою безсчетну золоту казну

Построилъ Садко тридцать кораблей,

Тридцать кораблей, тридцать черленыхъ⁴⁾;

На ты на корабли на черленые

Свалили товары новгородскіе;

Поѣхалъ Садко по Волхову,

Со Волхова во Ладожско,

А со Ладожска во Неву рѣку,

А со Невы рѣки во сине море.

Какъ поѣхалъ онъ по синю морю,

Воротилъ онъ въ Золоту орду,

Продавалъ товары новгородскіе,

Получалъ барыши великіе,

Насыпалъ бочки-сороковки красна золота, чиста серебра,

Поѣзжалъ назадъ во Новгородъ,

Поѣзжалъ онъ ко синю морю.

На синемъ морѣ сходилась погода сильная,

Застоялись черлены корабли на синемъ морѣ:

А волной-то бьетъ, паруса рветъ,

Ломаютъ кораблики черленные,

А корабли нейдутъ съ мѣста на синемъ морѣ.

Говоритъ Садко купецъ, богатый гость,

Ко своей дружины ко хоробрѣя:

„А и же ты, дружиннушка хоробрая!

⁴⁾ Красныхъ, въ смыслѣ прекрасныхъ.

„Какъ мы вѣкъ по морю ѣздили,
„А морскому царю дани не плачивали:
„Видно царь морской отъ насъ дани требуетъ,
„Требуетъ дани во синѣ море.
„А и же, братцы, дружинушка хоробря!
„Взимайте бочку-сороковку чиста серебра,
„Спускайте бочку во синѣ море“.
Дружина его хоробря
Взимала бочку чиста серебра,
Спускала бочку во синѣ море:
А волной то бьетъ, паруса рветъ,
Ломаетъ кораблики черленные,
А кораблики нейдутъ съ мѣста на синемъ морѣ.
Тутъ его дружина хоробря
Брали бочку-сороковку красна золота,
Спускали бочку во синѣ море:
А волной-то бьетъ, паруса рветъ,
Ломаетъ кораблики черленные,
А кораблики все нейдутъ съ мѣста на синемъ морѣ.
Говоритъ Садко купецъ, богатый гость:
„Видно царь морской требуетъ
„Живой головы во синѣ море.
„Дѣлайте, братцы, жеребья волжаны ¹⁾,
„Я самъ сдѣлаю на красномъ на золотѣ.
„Всякъ свои имена подписывайте,
„Спускайте жеребья на синѣ море:
„Чей жеребей ко дну пойдетъ,
„Таковому итти въ синѣ море“.
Дѣлали жеребья волжаны,
А самъ Садко дѣлалъ на красномъ на золотѣ,
Всякъ свое имя подписывалъ,
Спускали жеребья во синѣ море:
Какъ у всей дружины хоробря

¹⁾ Изъ прутьевъ ивы.

Жеребья гоголемъ по воды пловать,
А у Садка купца ключемъ на дно.
Говорить Садко купецъ, богатый гость:
„А и же, братцы, дружина хоробрая!
„Этя жеребья неправильны:
„Дѣлайте жеребья на красномъ на золотѣ,
„А я я сдѣлаю жеребій волжанный“.
Дѣлали жеребья на красномъ на золотѣ,
А самъ Садко дѣлалъ жеребей волжанный,
Всякъ свое имя подписываль,
Спускали жеребья на сине море:
Какъ у всей дружины хороброя
Жеребья гоголемъ по воды пловать,
А у Садка купца ключемъ на дно...
Говорить Садко купецъ, богатый гость:
„А и же, братцы, дружина хоробрая!
„Видно, царь морской требуетъ
„Самого Садка богатаго въ сине море.
„Несите мою чернилицу вальяхнужную ¹⁾,
„Перо лебединое, листъ бумаги гербовый“.
Несли ему чернилицу вальяхнужную,
Перо лебединое, листъ бумаги гербовый.
Онъ сталъ имѣннице отписывать:
Кое имѣнье отписывалъ Божимъ церквамъ,
Иное имѣнье нищей братіи,
Иное имѣнье молодой жены.
Остальное имѣнье дружины хороброя.
Говорилъ Садко купецъ, богатый гость:
„А и же, братцы, дружина хоробрая!
„Давайте мнѣ гусельки яровчаты
„Поиграть ли мнѣ въ остатнее:
„Больше мнѣ въ гусельки не игрывати.
„Али взять мнѣ гусли съ собой во сине море?“

¹⁾ Прочную, рѣзную.

Взимаетъ онъ гусельки яровчаты,

Самъ говоритъ таковы слова:

„Свалите дощечку дубовую на воду:

„Хоть я свалюсь на доску дубовую,

„Не толь мнѣ страшно принять смерть на синемъ морѣ“.

Свалили дощечку дубовую на воду,

Потомъ поѣзжали корабли по синю морю,

Полетѣли какъ черные вороны.

Остался Садко на синемъ морѣ.

Со тоя со страсти со великія

Заснулъ на дощечкѣ на дубовой.

Проснулся Садко во синемъ морѣ,

Во синемъ морѣ на самомъ днѣ.

Сквозь воду увидѣлъ пекучись красное солнышко,

Вечернюю зѳрю, зѳрю утреннюю.

Увидѣлъ Садко во синемъ морѣ:

Стоитъ палата бѣлокаменная,

Заходилъ Садко въ палату бѣлокаменну:

Сидитъ въ палатѣ царь морской,

Голова у царя какъ куча сѣнная.

Говоритъ царь таковы слова:

„Ай же ты, Садко купецъ, богатый гость!

„Вѣкъ ты, Садко, по морю ѣзживаль,

„Мнѣ, царю, дани не плачиваль,

„А нонъ весь пришелъ ко мнѣ во подарочкахъ.

„Скажутъ, мастеръ играть въ гуселки яровчаты:

„Поиграй же мнѣ въ гуселки яровчаты“.

Какъ началъ играть Садко въ гуселки яровчаты,

Лакъ началъ плясать царь морской во синемъ морѣ,

Какъ расплясался царь морской.

Игралъ Садко сутки, игралъ и другіе,

Да игралъ еще Садко и третій.

А все пляшетъ царь морской во синемъ морѣ.

Во синемъ морѣ вода всколыбалася,

Со желтымъ пескомъ вода смутилася,

Стало разбивать много кораблей на синёмъ морѣ,
Стало много гинуть имѣнницевъ,
Стало много тонуть людей праведныхъ:
Какъ сталъ народъ молиться Миколы Можайскому,—
Какъ тронуло Садка во плечо во правое:
„Ай же ты, Садко Новгородскій!
„Полно играть въ гусельшки яровчаты!“
Обернулся—глядитъ Садко Новгородскій:
Ажно стоитъ старикъ сѣдатый,
Говорилъ Садко Новгородскій:
„У меня воля не своя во синёмъ морѣ,
„Приказано играть въ гуселки яровчаты“.
Говоритъ старикъ таковы слова:
„А ты струночки повырывай,
„А ты шпенечки повыломай.
„Скажи: „У меня струночекъ не случилось,
„А шпенечковъ не пригодилося,
„Нѣ во что больше играть:
„Приломалися гуселки яровчаты.
„Скажетъ тебѣ Царь морской:
„Не хочешь ли жениться во синемъ морѣ
„На душечкѣ на красныя дѣвушкѣ?
„Говори ему таковы слова:
„У меня воля не своя во синемъ морѣ.
„Опять скажетъ Царь морской:
„Ну, Садко, вставай по утру ранешенько,
„Выбирай себѣ дѣвицу красавицу.
„Какъ станешь выбирать дѣвицу красавицу,
„Такъ перво триста дѣвиць пропусти,
„И друго триста дѣвиць пропусти,
„И третье триста дѣвиць пропусти:
„Позади идетъ дѣвица красавица,
„Красавица дѣвушка Чернавушка—
„Бери тую Чернаву за себя замужъ...
„Будешь, Садко, во Новѣградѣ,

„А на свою безсчётну золоту казну

„Построй церковь соборную Миколы Можайскому“.

Садко струночки въ гуселькахъ повыдернулъ,

Шпенечки въ яровчатыхъ повыломалъ.

Говорить ему Царь морской:

„А и же ты, Садко новгородский!“

„Что же не играешь въ гусельки яровчаты?“

„У меня струночки во гуселькахъ повыдернулъ,

„А шпенечки во яровчатыхъ повыломались,

„А струночекъ запасныхъ не случилось,

„А шпенечковъ не пригодилось“.

Говорить Царь таковы слова:

„Не хочешь ли жениться во синемъ морѣ

„На душечкѣ на красныя дѣвушкѣ?“

Говорить ему Садко новгородский:

„У меня воля не своя во синемъ морѣ“.

Опять говорить Царь морской:

„Ну, Садко, вставай поутру ранешенько,

„Выбирай себѣ дѣвицу красавицу“.

Вставалъ Садко по утру ранешенько,

Поглядить—идеть триста дѣвушекъ красныхъ:

Онъ перво триста дѣвицъ пропустилъ,

И друго триста дѣвицъ пропустилъ,

И третье триста дѣвицъ пропустилъ;

Позади шла дѣвица красавица,

Красавица дѣвица Чернавушка:

Бралъ тую Чернаву за себя замужъ...

Какъ проснулся Садко въ Новѣградѣ,

О рѣку Чернаву на крутомъ кряжу,

Какъ поглядить—ажно бѣжать

Свои черленые кораблики по Волхову.

Поминаетъ жена Садка со дружиной во синемъ морѣ:

„Не бывать Садку со синя моря“!

А дружина поминаетъ одного Садка:

„Остался Садко во синемъ морѣ“!

А Садко сидить на крутомъ кряжу,
Встрѣчаетъ свою дружинишку со Волхова.
Тутъ его и дружина сдивовалася:
„Остался Садко во синемъ морѣ,
„Очутился впереди насъ во Новѣградѣ,
„Встрѣчаетъ дружину со Волхова“!
Встрѣтилъ Садко дружину хоробрую
И повель въ палаты бѣлокаменны.
Тутъ его жена зрадовалася,
Брала Садко за бѣлы руки,
Цѣловала во уста во сахарины.
Началь Садко выгружать со черленыхъ со кораблей
Имѣннице — безсметну золоту казню.
Какъ выгрузилъ со черленыхъ кораблей, —
Состроилъ церковь соборную Миколы Можайскому.
Не сталъ больше ѣздить Садко за сине море,
Сталъ поживать Садко во Новѣградѣ.

2) Васи́лій Бу́слаевичъ.

Во славномъ великомъ Новѣградѣ
А и жилъ Буслай до девяности лѣтъ;
Съ Новымъ-городомъ жилъ не перечилсѣ,
Со мужики новгородскими
Поперекъ словечка не говариваль.
Живучи Буслай состарѣлся,
Состарѣлся и переставилсѣ.
Послѣ его вѣку долгаго
Оставалосѣ его житѣе-бытѣе
И все имѣнїе дворянское;
Осталасѣ матера вдова,
Матера Амелѣа Тимоѣевна,
И оставалосѣ чадо милое
Молодой сынъ Васи́лій Бу́слаевичъ.
Будетъ Васенька семи годовъ,

Отдавала матушка родимая,
Матера вдова Амелфа Тимоѳеевна,
Учить его во грамотѣ,
А грамота ему въ наукъ пошла;
Присадила перомъ его писать,
Письмо Василью въ наукъ пошло;
Отдавала пѣтью учить церковному,
Пѣтье Василью въ наукъ пошло.
А и нѣтъ у насъ такова пѣвца
Во славномъ Новѣгородѣ
Супротивъ Василья Буслаева.
Повадился, вѣдь Васька Буслаевичъ
Со пьяницы, со безумницы,
Съ веселыми, удалыми, добрыми молодцы,
До пьяна ужъ сталъ напиватися;
А и ходя въ городѣ, уродуетъ:
Котораго возьметъ онъ за руку,
Изъ плеча тому руку выдернетъ;
Котораго хватитъ поперекъ хребта,
Тотъ кричитъ, реветъ, окарачь ползетъ.
Пошла-то жалоба великая;
А и мужики Новгородскіе,
Посадскіе, богатые,
Приносили они жалобу великую
Матерой вдовѣ Амелѣ Тимоѳеевнѣ
На того Василья Буслаева;
А и мать-то стала его журить, бранить,
Журить, бранить, его на умъ учить,—
Журьба Васькѣ не взлюбила.
Пошелъ онъ, Васька, во высокъ теремъ;
Садился Васька не ременчатый стулъ,
Писалъ ярлычки скорописчаты,
Отъ мудрости слово поставлено:
„Кто хочетъ пить и ѣсть изъ готового,
„Валися къ Васькѣ на широкой дворъ;

„Тотъ пей и ѣшь готовое
„И носи платье разноцвѣтное“.
Разсыпалъ тѣ ярлыки со слугой своимъ
На тѣ улицы широкія
И на тѣ частые переулочки.
Въ тоже время поставилъ Васька чанъ среди двора,
Наливалъ чанъ полонъ зелена вина,
Опускалъ онъ чару въ полтора ведра.
Во славномъ было во Новѣградѣ
Грамотны люди шли,
Прочитали тѣ ярлыки скорописчаты,
Пошли ко Васькѣ на широкой дворъ
Къ тому чану, зелену вину.
Въ началѣ былъ Костя Новоторженинъ,
Пришелъ онъ, Костя, на широкой дворъ,
Василій тутъ его опробовалъ,
Сталъ его бути червленымъ вязомъ,—
Въ половинѣ было налито
Тяжела свинцу чебурацкаго,
Вѣсомъ тотъ вязъ былъ во двѣнадцать пудъ,
А бьетъ онъ Костю по буйной головѣ,
Стоитъ тутъ Костя, не шевельнется,
И на буйной головѣ кудри не тряхнутся.
Говорилъ Василій, сынъ Буслаевичъ:
„Гой еси ты, Костя Новоторженинъ!
„А и будь ты мнѣ названой братъ,
„И паче мнѣ брата родимаго“.
А и мало время позамѣшавши,
Пришли два брата боярченка,
Лука и Моисей, дѣти боярскія,
Пришли ко Васькѣ на широкій дворъ.
Молодой Василій, сынъ Буслаевичъ,
Тѣмъ молодцамъ сталъ радощенъ и веселешенекъ.
Пришли тутъ мужики Залѣшена,
И не смѣлъ Василій показаться къ нимъ.

Еще тутъ пришло семь братьевъ Сбродовичи,—
Собиралися, сходилися
Тридцать молодцевъ безъ единого,
Онъ самъ Василій тридцатый сталъ;—
Какой зайдетъ, убьютъ его,
Убьютъ его, за ворота бросать.
Послышалъ Васенька Буслаевичъ
У мужиковъ Новгородскихъ
Канунъ варень, пива ячныхъ,
Пошелъ Василій со дружиною,
Пошелъ во братчину въ Никольщину;—
„Не мало мы тебѣ ссыпъ платимъ,
„За всякаго брата по пяти рублевъ“.—
А за себя Василій даетъ пятьдесятъ рублевъ,
А и тотъ-то староста церковный
Принималъ ихъ во братчину въ Никольщину:
А и зачали они тутъ канунъ зарень пить,
А и тѣ-то пива ячныхъ.
Молодой Василій, сынъ Буслаевичъ,
Бросился на царевъ кабакъ,
Со своею дружиною хороброю;
Напилися они тутъ зелена вина,
И пришли во братчину въ Никольщину.
А и будетъ день ко вечеру,
Отъ малаго до стараго
Начали ужъ ребята бороться,
А въ иномъ кругу въ кулаки битися;
Отъ тое борьбы отъ ребячія,
Отъ того бою отъ кулачнаго
Началась драка великая.
Молодой Василій сталъ драку разнимать,
А иной дуракъ зашелъ съ носка,
Его по уху оплелъ;
А и тутъ Василій закричалъ громкимъ голосомъ:
„Гой еси ты, Костя Новоторженинъ,

„И Лука, Моисей, дѣти боярскіа!

„Уже Ваську меня бьютъ“.

Поскакали удалы добры молодцы,

Скоро они улицу очистили,

Прибили уже много до смерти,

Вдвое, втрое прековеркали,

Руки, ноги переломали,—

Кричатъ, режутъ мужики посадскіе.

Говорить тутъ Василій Буслаевичъ:

„Гой еси вы, мужики новгородскіе!

„Бьюсь съ вами о великъ закладъ,

„Напущаюсь я на весь Новгородъ

„Битись, драться

„Со всею дружиною хороброю;

„Тако вы меня съ дружиною побьете Новымъ-городомъ,

„Буду вамъ платить дани, выходы по смерть свою,

„На всякой годъ по три тысячи;

„А буде же я васъ побью,

„И вы мнѣ покоритесь,

„То вамъ платить мнѣ такову же дань“,

И въ томъ то договорѣ руки они подписали.

Начинается бой — Василій съ дружиною такъ и истребляетъ Новгородцевъ. Они жалуются опять Васильевой матушкѣ; Мамелфа Тимоѣевна сажаетъ его въ глубокой погребъ. Тогда Васильеву дружину начинаютъ одолѣвать Новгородцы. Видя это, дѣвушка Чернавуха выпускаетъ Василія изъ погреба; схвативъ телѣжную ось, онъ бросается на помощь къ своимъ, — мужики новгородскіе опять такъ и валятся. Снова просятъ они Васильеву матушку, чтобъ увяла свое чадо милое.

Она посылаетъ ихъ къ Васильеву крестовому батюшкѣ— старику Пилигримищу, живущему въ монастырѣ Сергіевскомъ.

Старчище Пилигримище сокручается,

Сокручается онъ, снаряжается

Къ своему ко крестнику любимому:
Одѣваетъ старчище кафтанъ въ сорокъ пудъ,
Колпакъ на голову полагаетъ въ двадцать пудъ,
Клюку въ руки беретъ въ десять пудъ,
И пошелъ ко мостику ко волховскому
Со тыми князьями новгородскими.
Приходитъ на мостикъ на волховскій,
Прямо ему во ясны очи,
И говоритъ ему таковы слова:
„Ай же ты, мое чадо крестное!
„Укроти свое сердце богатырское,
„Оставь мужичковъ хоть на сѣмена!“—
Богатырское сердце разъярилося:
„Ай же ты, крестный мой батюшка!
„Не далъ я ти яичко о христовомъ дни!
„Дамъ тебѣ яичко о петровомъ дни!“
Щелкнулъ какъ крестнаго батюшку
Тою осью желѣзною,—
Отъ одинаго удара Васильева
Крестному батюшкѣ славу поють.
Тогда государыня его матушка
Одѣвала платица черныя,
Одѣвала шубу соболиную,
Полагала шеломъ на буйну голову.
И пошла Амелфа Тимоѣевна
Унимать своего чада любимаго.
То выгодно собой старушка догадалася,—
Не зашла она спереди его,
А зашла она позади его,
И пала на плечи на могучія:
„Ай же ты, чадо мое милое,
„Укроти свое сердце богатырское,
„Не сердись на государыню на матушку,
„Уброси свое смертное побоище,
„Оставь мужичковъ хоть на сѣмена“.

Тутъ Васильюшка Буслаевичъ
Опускаетъ свои руки къ сырой землѣ,
Выпадаетъ ось желѣзная изъ бѣлыхъ рукъ
На тую на мать на сыру землю:
„Ай ты, свѣтъ государыня матушка,
„Умѣла унять мою силу великую,
„Зайти догадалась позади меня.
„А ежели бѣ ты зашла впереди меня,
„То не спустилъ бы тебѣ, государынѣ матушкѣ,
„Убилъ бы за мѣсто мужика новгородскаго“.
И тогда Васильюшка Буслаевичъ
Оставилъ тое смертное побоище,
Оставилъ мужиковъ малу часть,
А набилъ тѣхъ мужиковъ, что пройти нельзя.
Приходитъ Василій Буслаевичъ
Ко своей государынѣ матушкѣ:
Какъ вьюнъ около ея увивается,
Просить благословеніе великое:
„Идти мнѣ Василью во Ерусалимъ градъ
„Со всею дружиною хороброю,
„Мнѣ ко Господу помолитися,
„Святой святынѣ приложитися,
„Во Ерданѣ рѣкѣ искупатися.“
— „Гой еси ты, мое чадо милое,
„Молодой Василій Буслаевичъ!
„То коли ты пойдешь на добрыя дѣла,
„Тебѣ дамъ благословеніе великое;
„То коли ты, дитя, на разбой пойдешь,
„И не дамъ благословенія великаго.
„А и не носи Василья сыра земля!“
Камень отъ огня разгорается,
А и булатъ отъ жару растопляется,—
Материно сердце распускается;
И даетъ она много свинцу-пороху,
И даетъ Василью запасы хлѣбныя,

И даетъ оружье долгомѣрное:

„Побереги ты, Василій, буйну голову свою.“

Скоро молодцы собираются...

Бѣгутъ они ужъ не судки другія,

А бѣгутъ уже недѣлю другую,

Встрѣчу имъ гости корабельщики:

„Здравствуй, Василій Буслаевичъ!

„Куда молодецъ поизволилъ погулять?“

Отвѣчалъ Василій Буслаевичъ:

„А мое-то вѣдь гулянье неохотное:

„Со молоду бито много, граблено,

„Подъ старость надо душу спасти.

„А скажите вы, молодцы, мнѣ прямого пути

„Ко святому граду Ерусалиму.“

Отвѣчаютъ ему гости корабельщики:

„А и гой еси, Василій Буслаевичъ!

„Прямимъ путемъ въ Ерусалимъ градъ

„Бѣжать семь недѣль,

„А окольной дорогой полтора года“.

На прямомъ пути, по словамъ корабельщиковъ, „стоитъ застава крѣпкая, стоятъ атаманы казачіе... грабятъ бусы, галеры“.—А не вѣрую я, Васенька, ни въ сонъ, ни въ чашъ, а и вѣрую въ свой червленой вязъ,—сказалъ Василій и велѣлъ бѣжать прямимъ путемъ. На горѣ Сорочинской нашель пустую голову и пулъ ее съ дороги прочь. „Провѣщитесь пуста голова человѣческая... гдѣ лежитъ пуста голова... лежать будетъ головѣ Васильевой.—И пулъ Василій, прочь пошелъ“. Побѣжали по морю Каспійскому на заставу корабельную. На пристани стояли „казаки разбойники“. Скочилъ Василій на берегъ, червленымъ вязомъ поднирается; разбойники перепугались и побѣжали съ пристани; атаманы просили его „за единый столь хлѣба кушати“, но Василій разспросилъ только о прямомъ пути въ Ерусалимъ, взялъ подарки и провожатаго и отправился дальше.

Будутъ они во Ердань рѣкѣ, —
Бросали якоря крѣпкіе,
Сходни бросали на круть бережокъ;
Походилъ тутъ Василій Буслаевичъ,
Со своею дружиною хороброю,
Въ Ерусалимъ градъ;
Пришелъ во церкву соборную;
Служилъ обѣдни за здравіе матушки
И за себя, Василья Буслаевича;
И обѣдню съ панихидою служилъ
По родимымъ своемъ батюшкѣ
И по всему роду своему;
И на другой день служилъ обѣдни съ молебнами
Про удалыхъ, добрыхъ молодцевъ, —
Что съ молоду бито много, граблено,
И ко святой святынѣ приложился онъ,
И въ Ерданѣ рѣкѣ искупался.
И расплатился Василій съ попами дьяконами;
И которые старцы при церкви живутъ,
Даетъ золотой казны не считаючи.
И походить Василій ко дружинѣ
Изъ Ерусалима на свой червленъ корабль:
Втапоры его дружина хоробрая
Купалася во Ердань-рѣкѣ.
Приходила къ нимъ баба залѣсная,
Говорила таково слово:
„Почто вы купаетесь во Ерданѣ рѣкѣ?
„А не кому купатися, опричь Василья Буслаевича.
Во Ерданѣ рѣкѣ крестился самъ Господь Иисусъ Хри-
стосъ;
Потерять его вамъ будетъ большаго
Атамана Василья Буслаевича.—
И они говорятъ таково слово:
„Напѣ Василій тому не вѣруеть ни въ сонъ, ни въ чашъ”.
И мало время поизойдучи,

Пришелъ Василій ко дружинѣ своей,
Приказалъ выводить корабль
Изъ устья Ердань рѣки;
Подняли тонки паруса полотняны...

А и ѣдутъ съ недѣлю спораду,
А и ѣдутъ уже другую;
И завидѣлъ Василій гору высокую Сорочинскую,
Захотѣлось Василью на горѣ побывать,—
Приставали къ той Сорочинской горѣ,
Сходни бросали на ту гору.
Пошелъ Василій со дружиною
И будетъ онъ въ полѣ-горы,
И на пути лежитъ пуста голова, человѣчья кость,
Пнулъ Василій тое голову съ дороги прочь;
Провѣщится пуста голова:
„Гой еси ты, Василій Буслаевичъ!
„Къ чему меня голову попинываешь,
„И къ чему побрасываешь?
„Я молодецъ не хуже тебя былъ,
„Да умѣю валятися на той горѣ Сорочинскія;
„Гдѣ лежитъ пуста голова,
„Лежать будетъ и Васильевой головѣ“.
Плюнулъ Василій, прочь пошелъ.
Взошелъ на гору высокую,
На ту гору Сорочинскую,
Гдѣ стоитъ высокой камень,
Въ вышину три сажени печатный,
И черезъ его только топоромъ подать,
Въ долину три аршина съ четвертью;
И въ (на) томъ-то подпись подписана:
А кто-де у камня станетъ тѣшиться,
А и тѣшиться, забавлятися,
Вдоль скакать по камню,
Сломить будетъ буйну голову.

Василій тому не вѣруеть;
Сталь со дружиною тѣшиться и забавлятися,
Поперекъ каменю поскакивати;
Захотѣлось Василью вдоль скакать,
Разбѣжался, скочилъ вдоль по каменю,
И не доскочилъ только четверти,
И тутъ убился подъ каменемъ.
Гдѣ лежитъ пуста голова,
Тамъ Василья схоронили.
Побѣжала дружина съ той Сорочинской горы
На свой червленъ корабль,
Подымали тонки парусы полотняные,
Побѣжали ко Новугороду;
И будутъ у Новагорода,
Бросали съ носу якорь и съ кормы другой,
Чтобы крѣпко стоялъ и не шатался онъ.
Пошли къ матерой вдовѣ къ Амелѣ Тимоѣевнѣ,
Пришли и поклонилися,
Всѣ письмо въ руки подали.
Прочитала письмо матера вдова, сама заплакала,
Говорила таковы слова:
„Гой вы еси, удалы добры молодцы!
„У меня нынѣ вамъ дѣлать нечего;
„Подите въ подвалы глубокіе,
„Берите золотой казны не считаючи“.
Повела ихъ дѣвушка Черनावушка
Къ тѣмъ подваламъ глубокимъ,
Брали они казны по малу числу;
Пришли они къ матерой вдовѣ,
Взговорили таковы слова:
„Спасибо, матушка Амелѣ Тимоѣевна,
„Что поила, кормила, обувала и одѣвала добрыхъ мо-
лодцевъ“.

Втапору матера вдова Амелѣ Тимоѣевна
Приказала наливать по чарѣ зелена вина,

Подносить дѣвушка Черनावушка
Тѣмъ удалымъ добрымъ молодцамъ;
А и выпили они, сами поклонилися,
И пошли добры молодцы,
Кому куда захотѣлося.

ОТЧЕГО ПЕРЕВЕЛИСЬ БОГАТЫРИ НА СВЯТОЙ РУСИ?

Выѣзжали на Сафать-рѣку ¹⁾.
На закатъ красна солнышка
Семь удалыхъ русскихъ витязей,
Семь могучихъ братьевъ названныхъ:
Выѣзжалъ Хотенъ Блудовичъ,
Да Василий Казимировичъ,
Да Василій Буслаевичъ,
Выѣзжалъ Иванъ Гостиный сынъ,
Выѣзжалъ Алѣша Поповичъ младъ,
Выѣзжалъ Добрыня молодѣцъ,
Выѣзжалъ и матерой казакъ,
Матерой казакъ Илья Муромецъ.

Передъ ними раскинулось поле чистое,
А на томъ на полѣ старый дубъ стоитъ,
Старый дубъ стоитъ кораковястый.
У того ли дуба три дороги сходятся:
Ужъ какъ первая дорога ко Новѹ-городу,
А вторая то дорога къ стольному Кіеву,
А что третія дорога ко синю морю,
Ко синю морю далекому.
Та дорога прямоѣзжая,
Прямоѣзжая дорога, прямопутная,
Залегла та дорога ровно тридцать лѣтъ,
Ровно тридцать лѣтъ и три года.

¹⁾ Проф. Даникевичъ сближаетъ Сафать рѣку съ Салфой, или Калкой.

Становились витязи на распутии,
Разбивали бѣль-полотнянѣ шатеръ,
Отпускали коней погулять по чисту полю:
Ходятъ кони по шелковой травѣ-муравѣ,
Зеленую траву пощипываютъ,
Золотой уѣздечкой побрякиваютъ;
А въ шатрѣ полотняномъ витязи
Опочивъ держатъ.

Было такъ на восходѣ красна солнышка,
Вставалъ Добрыня-молодецъ раньше всѣхъ,
Умывался студеной водой,
Утирался тонкимъ полотномъ, —
Помолился чудну образу:
Видитъ Добрыня за Сафатъ-рѣкой
Бѣль полотнянѣ шатеръ;
Въ томъ ли шатрѣ залегъ татарченкокъ,
Злой татарченкокъ, бусурманченкокъ ¹⁾,
Не пропускаетъ онъ ни коннаго, ни пѣшаго,
Ни ѣзжалаго добра мѣлодца.
Сѣдлалъ Добрыня своего борзата коня,
Клалъ на него онъ пѣтнички,
А на пѣтнички кѣврички,
Клалъ сѣдельце черкасское,
Бралъ копейце мурзаметское,
Бралъ чингалище булатное
И садился на добра коня;
Подъ Добрыней конь осержается,
Отъ сырой земли отдѣляется,
Выходы мечетъ по мѣрной верстѣ,
Высоки мечетъ по сѣиной коншѣ.
Подъѣзжаетъ Добрыня ко бѣлу шатру
И кричитъ зычнымъ голосомъ:

¹⁾ По предположеніямъ многихъ ученыхъ — Мамай, а самая битва богатырей воспроизводитъ извѣстный бой на р. Калкѣ (Сафатъ).

„Выходи-ко, татарченкокъ,
„Злой татарченкокъ, бусурманченкокъ!
„Станемъ мы съ тобой честный бой держать“.
Втапору выходить татаринъ изъ бѣла шатра
И садится на добра коня.
Не два вѣтра въ полѣ слетались:
Слетались-сходилися два удалые витязя.
Ломилися конья ихъ острыя,
Разметались мечи ихъ булатные;
Сходили витязи съ добрыхъ коней
И хватались въ рукопашный бой;
Правая ножка Добрыни ускользнула,
Правая ручка Добрыни удрогнула,
И валился онъ на сыру землю:
Скакалъ ему татаринъ на бѣлы груди,
Поролъ ему бѣлы груди,
Вынималъ сердце съ печенью.

Было такъ на восходѣ красна солнышка,
Вставалъ Алеша Поповичъ раньше всѣхъ,
Выходилъ онъ на Сафать-рѣку,
Умывался студеной водой,
Утирался тонкимъ полотномъ,
Помолился чудну образу;
Видитъ онъ коня Добрынина:
Стоить борзый конь осѣдланный и взнузданный,
Стоить борзый конь, только невеселъ,
Потупилъ очи во сыру землю,
Знать тоскуетъ онъ по хозяинѣ,
Что по томъ ли Добрынѣ молодцѣ.
Садился Алеша на добра коня,
Осержался подъ нимъ добрый конь,
Отдѣлился отъ сырой земли,
Металъ выходы по мѣрной верстѣ,
Металъ выскоки по сѣнной копнѣ.
Что не бѣлъ во поляхъ забѣлѣлася,

Забѣлѣлася ставка богатырская;
Что не синь во поляхъ засинѣлася,
Засинѣлись мечи булатные;
Что не крась во поляхъ закраснѣлася,
Закраснѣлася кровь съ печеню.
Подъѣзжаетъ Алеша ко бѣлу шатру—
У того ли шатра спитъ Добрыня молодець:
Очи ясныя закатилися,
Руки сильныя опустилися,
На бѣлыхъ грудяхъ запеклася кровь.
И кричитъ Алеша зычнымъ голосомъ:
„Вылѣзай-ко ты, татаринъ злой,
„На честный бой, на побраночку“.
Отвѣчаетъ ему татарченкокъ:
„Охъ ты гой еси, Алеша Поповичъ младъ!
„Ваши роды не уклончивы,
„Не уклончивы ваши роды, не устойчивы!
„Что не стать тебѣ со мной бой держать!“
Возговорилъ на то Алеша Поповичъ младъ:
„Не хвались, на пиръ идучи,
„А хвались, съ пирю идучи!“
Втапору выходитъ татаринъ изъ бѣла шатра
И садится на добра коня.
Не два вѣтра въ полѣ слеталися,
Не двѣ тучи въ небѣ сходилися:
Сходилися-слеталися два удалые витязя;
Ломалися копыя ихъ острия,
Разлеталися мечи ихъ булатные;
И сходили они съ добрыхъ коней,
И хваталися въ рукопашный бой.
Одолѣлъ Алеша татарина:
Валилъ его на сыру землю,
Скакалъ ему на бѣлы груди,
Хотѣлъ ему пороть бѣлы груди,
Вынимать сердце съ печеню.

Отколь тутъ ни взялся чернѣй воронъ,
И вѣщаетъ онъ человѣческимъ голосомъ:
„Охъ ты гой еси, Алеша Поповичъ младъ!
„Ты послушай меня, чернаго ворона:
„Не пори ты татарину бѣлыхъ грудей;
„А слетаю я на синѣ море,
„Принесу тебѣ мертвой и живой воды;
„Вспрыснешь Добрыню мертвой водой—
„Сростется его тѣло бѣлое;
„Вспрыснешь Добрыню живой водой—
„Тутъ и очнется добрый молодецъ“.
Втапору Алеша ворона послушался.
И леталъ воронъ на синѣ море,
Приносилъ мертвой и живой воды;
Вспрыскивалъ Алеша Добрыню мертвой водой
Сросталось тѣло его бѣлое,
Затягивались раны кровавыя;
Вспрыскивалъ его живой водой—
Пробуждался молодецъ отъ смертнаго сна.
Отпускали они татарина.

Было такъ на восходѣ красна солнышка,
Вставалъ Илья Муромецъ раньше всѣхъ,
Выходилъ онъ на Сафать-рѣку,
Умывался студеной водой,
Утирался тонкимъ полотномъ,
Помолился чудну образу:
Видитъ онъ—черезъ Сафать рѣку
Переправляется сила басурманская:
И той силы доброму молодцу не обѣхати,
Сѣрому волку не обрыскати,
Черному ворону не облетати.
И кричитъ Илья зычнымъ голосомъ:
„Ой ужъ гдѣ вы, могучіе витязи,
„Удалые братья названье!“
Какъ сбѣгались на зовъ его витязи,

Какъ сажидися на добрыхъ коней,
Какъ бросалися на силу басурманскую,
Стали силу колоть-рубить,
Не столько витязи рубятъ,
Сколько добры кони топчутъ;
Бились три часа и три минуточки,
Изрубили силу поганую.

„Не намахалися наши могутныя плечи,
„Не уходилися наши добрые кони,
„Не притупились мечи наши булатные!“
И говоритъ Алепа Поповичъ младъ:

„Подавай намъ силу нездѣшную—
„Мы и съ тою силою, витязи, справимся!“
Какъ промолвилъ онъ слово неразумное,
Такъ и явились двое воителей,
И крикнули они громкимъ голосомъ:
„А давайте съ нами, витязи, бой держать—
„Не глядите, что насъ двое, а васъ семеро“.
Не узнали витязи воителей.

Разгорѣлся Алѣша Поповичъ на ихъ слова,
Поднялъ онъ коня борзаго,
Налетѣлъ на воителей

И разрубилъ ихъ пополамъ со всего плеча:
Стало четверо—и живы всѣ.

Налетѣлъ на нихъ Добрыня молодецъ,
Разрубилъ ихъ пополамъ со всего плеча:
Стало восьмеро—и живы всѣ.

Налетѣлъ на нихъ Ильа Муромецъ,
Разрубилъ ихъ пополамъ, со всего плеча:
Стало вдвое болѣе—и живы всѣ.

Бросились на силу всѣ витязи,
Стали они силу колоть-рубить...

А сила все растеть, да растеть,
Все на витязей съ боемъ идетъ...
Не столько витязи рубятъ,

Сколько добры кони ихъ топчуть:

А сила все растеть, да растеть,

Все на витязей съ боемъ идеть.

Бились витязи три дня, три часа, три минуточки,

Намахалися ихъ плечи могутныя,

Уходилися кони ихъ добрые,

Притупились мечи ихъ булатные...

А сила все растеть, да растеть,

Все на витязей съ боемъ идеть...

Испугались могучіе витязи:

Побѣжали въ каменныя горы, въ темныя пещеры...

Какъ подбѣжить витязь къ горѣ, такъ и окаменѣть:

Какъ подбѣжить другой, такъ и окаменѣть;

Какъ подбѣжить третій, такъ и окаменѣть.

Съ тѣхъ поръ и перевелись витязи на святой Руси!

ДУХОВНЫЕ СТИХИ.

1) Стихъ о Голубиной книгѣ.

Восходила туча сильна грозная,
Выпадала книга Голубиная,
И не малая, не великая,
Долины книга сороку сажень,
Поперечены двадцати сажень.
По той книгѣ по божественной
Сходилися, соѣзжались
Сорокъ царей со царевичамъ
Сорокъ князей со князевичамъ,
Сорокъ поповъ, сорокъ дьяконовъ,
Много народу, людей мелкіихъ,
Христіанъ православныхъ.
Никто ко книгѣ не приступится,
Никто ко Божьей не пришатнется.
Приходилъ ко книгѣ премудрый царь,
Премудрый царь Давыдъ Евсеевичъ.
До Божьей до книги онъ доступаеся:
Передъ нимъ книга разгибается,
Все божественное писаніе ему объявляется.
Еще приходилъ ко книгѣ Володиміръ князь,
Володиміръ князь Володиміровичъ.
Возговорилъ Володиміръ князь,
Володиміръ князь Володиміровичъ.
„Ой ты гой еси, нашъ премудрый царь,
„Премудрый царь Давыдъ Евсеевичъ!
„Прочти, сударь, книгу Божію,
„Объяви, сударь, дѣла Божіи,
„Про наше житіе про свято-русское,
„Про наше житіе свѣту вольнаго:
„Отъ чего у насъ начался бѣлый вольный свѣтъ?
„Отъ чего у насъ солнце красное?

„Отъ чего у насъ младъ-свѣтель мѣсяць?

„Отъ чего у насъ звѣзды частыя?

„Отъ чего у насъ ночи темныя?

„Отъ чего у насъ зори утренни?

„Отъ чего у насъ вѣтры буйныя?

„Отъ чего у насъ дробень дождекъ?

„Отъ чего у насъ умъ-разумъ?

„Отъ чего наши помыслы?

„Отъ чего у насъ міръ-народъ?

„Отъ чего у насъ кости крѣпкія?

„Отъ чего тѣлеса наши?

„Отъ чего кровь-руда наша?“

Возговѣрить премудрый царь,

Премудрый царь Давыдъ Евсеевичъ:

— Ой ты гой еси, Володиміръ князь,

— Володиміръ князь Володиміровичъ!

— Не могу я прочесть книгу Божію.

— Ужъ мнѣ честь книгу—не прочесть Божью,

— Эта книга не малая,

— Эта книга великая;

— На рукахъ держать—не сдержать будетъ;

— На налой положить Божій—не уложится.

— Я по старой по своей по памяти

— Расскажу вамъ, какъ по грамотѣ.

— У насъ бѣлый вольный свѣтъ зачался отъ суда Божія;

— Солнце красное отъ лица Божьяго,

— Самого Христа Царя небеснаго;

— Младъ-свѣтель мѣсяць отъ груди его;

— Звѣзды частыя отъ ризъ Божіихъ;

— Ночи темныя отъ думъ Господнихъ;

— Зори утренни отъ очей Господнихъ;

— Вѣтры буйныя отъ Свята Духа;

— Насъ умъ-разумъ самого Христа,

— Самого Христа, Царя небеснаго;

- Наши помыслы отъ облацъ небесныхъ;
- У насъ міръ-народъ отъ Адамія;
- Кости крѣпкія отъ камени;
- Тѣлеса наши отъ сырой земли,
- Кровь-руда наша отъ черна моря.—

Возговоритъ Володиміръ князь,

Володиміръ князь Володиміровичъ:

„Премудрый царь Давыдъ Евсеевичъ!

„Скажи ты намъ, проповѣдай:

„Который царь надъ царями царь?

„Который городъ городамъ отецъ?

„Какая церковь всѣмъ церквамъ мати?

„Кая рѣка всѣмъ рѣкамъ мати?

„Кая гора всѣмъ горамъ мати?

„Кое древо всѣмъ древамъ мати?

„Кая трава всѣмъ травамъ мати?

„Которое море всѣмъ морямъ мати?

„Кая рыба всѣмъ рыбамъ мати?

„Кая птица всѣмъ птицамъ мати?

„Который звѣрь всѣмъ звѣрямъ отецъ?“

Возговоритъ премудрый царь,

Премудрый царь Давыдъ Евсеевичъ:

— У насъ бѣлый царь надъ царями царь?

— Почему жъ бѣлый царь надъ царями царь?

— И онъ держитъ вѣру крещеную,

— Вѣру крещеную, богомольную;

— Стоитъ за вѣру христіанскую,

— За домъ Пресвятыя Богородицы.

— Всѣ одры ему преклонилися,

— Всѣ языцы ему покорилися:

— Потому Бѣлый царь надъ царями царь.

— Іерусалимъ городъ городамъ отецъ?

— Почему тотъ городъ городамъ отецъ?

— Потому Іерусалимъ городамъ отецъ:

- Во тѣмъ во градѣ во Іерусалимѣ
- Тутъ у насъ пупъ землѣ.
- Соборъ-церковь церквамъ мати.
- Почему же Соборъ-церковь церквамъ мати?
- Стоитъ Соборъ-церква посреди града Іерусалима;
- Во той во церкви во соборной
- Стоитъ престолъ божественный;
- На томъ на престолѣ на божественномъ
- Стоитъ гробница бѣла каменная;
- Во той гробницѣ бѣлой каменной
- Почиваютъ ризы самого Христа,
- Самого Христа, Царя небеснаго:
- Потому Соборъ-церква церквамъ мати.
- Иорданъ рѣка всѣмъ рѣкамъ мати.
- Почему Иорданъ всѣмъ рѣкамъ мати?
- Окрестился въ ней самъ Іисусъ Христосъ,
- Со силою со небесною,
- Со ангелами со хранителями,
- Со Іоанномъ, свѣтомъ, со Крестителемъ:
- Потому Иорданъ всѣмъ рѣкамъ мати.
- Өаворъ гора всѣмъ горамъ мати.
- Почему Өаворъ гора горамъ мати?
- Преобразился на ней самъ Іисусъ Христосъ,
- Іисусъ Христосъ, Царь небесный, свѣтъ,
- Съ Петромъ, со Іоанномъ, со Іаковомъ,
- Съ двудесятью Апостолами;
- Показалъ славу ученикамъ своимъ:
- Потому Өаворъ гора горамъ мати.
- Кипарисъ древо всѣмъ древамъ мати.
- Почему то древо всѣмъ древамъ мати?
- На томъ древѣ на Кипарисѣ
- Объявился намъ животворящій крестъ,
- На тѣмъ на крестѣ животворящемъ
- Распятъ былъ самъ Іисусъ Христосъ,
- Іисусъ Христосъ, Царь небесный, свѣтъ:

- Потому Кипарисъ всѣмъ деревьямъ мати.
- Плакунъ трава всѣмъ травамъ мати.
- Почему плакунъ всѣмъ травамъ мати?
- Когда жидовья Христа рѣспяли,
- Святую кровь Его прѣлили,
- Мать Пречистая Богородица
- По Иисусу Христу сильно плакала,
- По своему сыну по возлюбленномъ;
- Ронила слезы пречистыи
- На матушку на сырую землю;
- Отъ тѣхъ отъ слезъ отъ пречистыхъ
- Зарождалася Плакунъ трава:
- Потому Плакунъ трава травамъ мати.
- Океанъ море всѣмъ морямъ мати?
- Посреди моря Океанскаго
- Выходила церковь соборная,
- Соборная, богомольная,
- Святого Климента папа Римскаго:
- На церкви главы мраморныя,
- На главахъ кресты золотые.
- Изъ той изъ церкви изъ соборной,
- Изъ соборной, изъ богомольной,
- Выходила Царица небесная;
- Изъ океана-моря она омывалася,
- На соборъ-церковь она Богу молилася:
- Отъ того океанъ всѣмъ морямъ мати.
- Китъ-рыба всѣмъ рыбамъ мати?
- Почему же Китъ-рыба всѣмъ рыбамъ мати?
- На трехъ рыбахъ земля основана.
- Какъ китъ рыба потронется,
- Вся земля всколебается:
- Потому Китъ рыба всѣмъ рыбамъ мати.
- Основана земля Святымъ Духомъ,
- А содержится Словомъ Божиимъ.

- Стратимъ ¹⁾ птица всѣмъ птицамъ мати.
— Почему она всѣмъ птицамъ мати?
— Живетъ Стратимъ птица на Океанѣ морѣ,
— И дѣтей производитъ на Океанѣ морѣ.
— По Божьему все повелѣнію,
— Стратимъ птица вострепенется,
— Океанъ море восколыхнется;
— Топить она корабли гостинные
— Съ товарами драгоцѣнными:
— Потому Стратимъ птица всѣмъ птицамъ мати.
— У насъ Индрикъ ²⁾ звѣрь всѣмъ звѣрямъ отецъ.
— Почему Индрикъ звѣрь всѣмъ звѣрямъ отецъ?
— Ходить онъ по подземелью,
— Пропускаетъ рѣки, кладязи студѣныя.
— Живетъ онъ во святой горѣ,
— Пьетъ и ѣстъ во святой горѣ.
— Куды хочетъ, идетъ по подземелью,
— Какъ солнышко по поднѣбесью:
— Потому же у насъ Индрикъ звѣрь всѣмъ звѣрямъ
отецъ, —

Возговоришь Володиміръ князь,
Володиміръ князь Володиміровичъ:
„Ой ты гой еси, премудрый царь,
„Премудрый царь, Давидъ Евсеевичъ!
„Мнѣ ночѣсь сударь мало спалось,
„Мнѣ во снѣ много видѣлось:
„Кабы съ той страны со восточной,
„А съ другой страны полудѣнной,

¹⁾ Въ другихъ спискахъ: Страфиль, Стрипель и т. д. — искаженное греческое: στρουθός — страусъ, свѣдѣнія о которомъ, очевидно, заимствованы изъ азбуковниковъ и фізіологовъ XVI—XVII вв.

²⁾ Подъ этимъ названіемъ заключается смѣшеніе двухъ животныхъ: *индрика* (ихневмонъ, извѣстный врагъ крокодила) и *единорога*. Авторъ стиха разумѣетъ послѣдняго, а называетъ его именемъ перваго. Единорогъ въ Христіанской символикѣ означаетъ также Христа.

„Кабы два звѣря собиралися,
„Кабы два лютые собѣгалися,
„Промежду собой дрáлись-билися,
„Одинъ одного звѣрь одолѣть хочетъ“.
Выговорилъ премудрый царь,
Премудрый царь Давыдъ Евсевичъ:
— Это не два звѣря собиралися,
— Не два лютые собѣгалися:
— Это Кривда съ Правдой соходилася ¹⁾,
— Промежду собой бились-дрáлись;
— Кривда Правду одолѣть хочетъ;
— Правда Кривду переспорила.
— Правда пошла на небеса,
— Къ самому Христу, Царю небесному;
— А Кривда пошла у насъ вся по всей землѣ,
— По всей землѣ по свѣтъ-Русской,
— По всему народу Христіанскому.
— Отъ Кривды земля восколебалася,
— Отъ того народъ весь возмущается;
— Отъ Кривды сталъ народъ неправильный,
— Неправильный сталъ, злопамятный:
— Они другъ друга обмануть хотятъ,
— Другъ друга поѣсть хотятъ.
— Кто будетъ правдой жить,
— Тотъ причаянный ко Господу,
— Та душа и наслѣдуетъ
— Себѣ царство небесное.—
Старымъ людямъ на послушанье,
А молодымъ людямъ для памяти.
Славу поемъ Давыду Евсевичу,
Во вѣки его слава не минуется.

¹⁾ Эпизодъ о борьбѣ Правды съ Кривдою (неправдой) въ основѣ своей заключаетъ Библейское изображеніе борьбы Иисуса Христа съ дьяволомъ, частью заимствованное изъ Евангелія, главнымъ-же образомъ изъ Апокалипсиса.

Примѣчаніе. Стихъ о „Голубиной книгѣ“—„перлъ русской библейско-миѳологической былины“, какъ его назвалъ акад. Игичъ,—представляетъ древне-русскую космогонію, объясняющую начало міра, происхожденіе и первенство разныхъ предметовъ въ мірѣ, съ точки зрѣнія Христіанской. Все въ мірѣ производится отъ Христа, Царя Небеснаго; дѣйствіе происходитъ въ Іерусалимѣ, дѣйствующія лица: пророкъ Давидъ и русскій князь Владиміръ. Стихъ составился подъ вліяніемъ апокрифическихъ (отреченныхъ) сочиненій, главнымъ образомъ, „Бесѣды трехъ святителей“ и народныхъ сказаній. Книга, о которой идетъ рѣчь въ Стихѣ, очевидно, св. писаніе; въ самомъ названіи ея „голубиная“ можно видѣть намекъ на то, что она происходитъ отъ Св. Духа, символомъ котораго въ Христіанской церкви служитъ голубь. Впрочемъ, и до-христіанское значеніе голубя имѣло космогоническій характеръ, такъ какъ въ миѳологіи ему приписывается производительная сила.

Всѣхъ дошедшихъ до насъ списковъ Стиха насчитываютъ 22, представляющихъ разнообразныя варианты почти одного и того же содержанія. Всѣ списки подраздѣляются на три редакціи, по времени происхожденія: первая самая простая, вторая нѣсколько сложнѣе и, наконецъ, третья наиболѣе сложная. Здѣсь помѣщается одинъ изъ вариантовъ второй редакціи—лучшій—изъ сборника Кирѣевскаго.

2) Стихъ о Егоріи Храбромъ.

Со градъ было во Іерусалимѣ
 При царѣ было при Ѳеодорѣ,
 Жила царица благовѣрная,
 Святая Софья премудрая ¹⁾,
 Породила она себѣ три дочери,
 Три дочери да три любимыя,
 Четвертаго сына Егорія,
 Егорія-свѣта храбраго,
 По колѣна ноги въ чистомъ сѣребрѣ,
 По локоть руки въ красномъ золотѣ,
 Голова Егорія вся жемчужная,

¹⁾ Народная фантазія смѣшала въ этомъ стихѣ лица и мѣста дѣйствія. Матерью св. Георгія народная фантазія называетъ здѣсь извѣстную мученицу Софію и трехъ ея дочерей: Вѣру, Надежду и Любовь.

По всемъ Егоріи часты звѣзды ¹⁾.
Съ начала было свѣта вольнаго,
Не бывало на Іерусалимъ-градъ
Никакой бѣды, ни погибели;
Наслалъ Господь насланіе
На Іерусалимъ-градъ:
Напустилъ Господь царища Демьянища ²⁾;
Безбожнаго пса басурманища.
Побѣдилъ злодѣй Іерусалимъ городъ;
Сѣчетъ и рубитъ и огнемъ палитъ;
Царя Ѳедора въ полонъ беретъ,
Въ полонъ беретъ въ столбъ закладываетъ.
Полонилъ злодѣй три отроцы,
Три отроцы и три дочери,
А четвертаго чуднаго отрока,
Святаго Егорія Храбраго;
Увозилъ Егорья во свою землю,
Во свою землю во невѣрную.
Онъ и сталъ пытатъ, крѣпко спрашивать:
„А скажи, Егорій, каковá роду,
„Каковá роду, каковá чину?
„Царскаго роду, аль боярскаго,
„Аль того чину княжевѣнскаго?
„Ты какой вѣрѣ вѣруешь?—
„Ты какому Богу молишься?
„Ты повѣруй вѣру ты ко мнѣ, царю,
„Ко мнѣ, царю, къ моимъ идоламъ!“
Святой Егорій-свѣтъ глаголетъ:
„Ты злодѣй, царище-басурманище!

¹⁾ Здѣсь пародъ смѣшалъ Георгія съ какимъ-нибудь древнимъ богатыремъ, можетъ быть, съ самимъ Дажь-богомъ, мѣсто котораго онъ замѣнилъ въ его представленіи, и описываетъ его тѣми-же словами, какими обыкновенно описываются богатыри.

²⁾ Св. Георгій родился при Діоклетіанѣ, который названъ здѣсь Демьянищемъ, а мѣсто рожденія перенесено въ Іерусалимъ.

„Я не вѣрую вѣры твоей невѣрныя,
„Ни твоимъ богамъ ко идоламъ,
„Ни тебѣ, царицу-басурманищу!
„Вѣрую въ вѣру крещеную,
„Во крещеную, богомольную
„Самому Христу, Царю Небесному!
„Во мать Пресвятую Богородицу,
„Еще въ Троицу Нераздѣлимую“!
Вынималъ злодѣй саблю острую,
Хотѣлъ рубить ихъ главы
По ихъ плеча могучія:
„Ой вы гой еси, три отроцы,
„Три отроцы царя Ѳедора!
„Вы покиньте вѣру христіанскую,
„Повѣруйте мою латынскую,
„Латынскую, басурманскую!
„Молитесь богамъ моимъ кумирскіимъ,
„Поклоняйтесь моимъ идоламъ“!
Три отроцы и три родны сестры
Сабли острой убоялися,
Царицу Демьянищу преклонилися:
Покидали вѣру христіанскую,
Начали вѣровать латынскую,
Латынскую, басурманскую.
Царице Демьянище,
Безбожный царь-басурманище,
Возгòворилъ ко святому
Егорію Хороброму:
„Ой ты гой еси, чудный отроце,
„Святой Егорій Хоробрый!
„Покинь вѣру истинную, христіанскую,
„Повѣруй вѣру латынскую!
„Молись моимъ богамъ кумирскіимъ,
„Покланяйся моимъ идоламъ“!
Святый Егорій проглаголуеть:

„Злодѣй царище Демьянище,
„Безбожный песь бусурманище!
„Я умру за вѣру христіанскую,
„Не покину вѣру христіанскую!
„Не буду вѣровать латынскую,
„Латынскую, басурманскую,
„Не буду молиться богамъ твоимъ кумирскимъ,
Не поклонюсь твоимъ идоламъ“!
На то царище распаляется,
Повелѣль Егорія-свѣта мучити,
Онъ и муками разнообразными.
Повелѣль Егорія во пилы пилить:
По Божьему повелѣнію,
По Егоріеву моленію,
Не берутъ пилы жидовскія;
У пиль зубья позагнулися,
Мучители всѣ утомилися,
Ничего Егорію не вредилося,
Егорьево тѣло содѣлялося;
Возставаль Егорій на рѣзвѣ поги:
Поетъ стихи херувимскіе,
Превозноситъ гласы все архангельскіе.
Возглаголюетъ царище Демьянище
Ко святому Егорью Хороброму:
„Ой ты гой еси, чудный отроце,
„Святой Егорій Хоробрый!
„Ты покинь вѣру истинную, Христіанскую,
„Повѣруй въ вѣру латынскую!“
А святой Егорій проглаголуетъ:
„Я умру за вѣру Христіанскую,
„Не покину вѣру Христіанскую,
„Не буду вѣровать во латынскую,
„Латынскую, басурманскую?“
На то царище опаляется,
Въ своемъ сердцѣ разозляется.

Повелѣлъ Егорья въ топоры рубить;
Не довлѣтъ Егорья въ топоры рубить:
По Божью повелѣнію,
По Егорьеву моленію,
Не берутъ Егорья топоры нѣмецкіе;
По обухъ лезья приломилися,
А мучители всѣ приутомилися,—
Ничего Егорью не вредилося;
Егорьево тѣло сощѣлялося;
Да возстаетъ Егорій на рѣзвы нози:
Онъ поетъ стихи херувимскіе,
Превозноситъ гласы архангельскіе.
Возгдворитъ царище Демьянище
Ко Егорію Хороброму:
„Ой ты гой еси, отче Егорій Хоробрый!
„Повѣруй вѣру латынскую!“
А святыи Егорій проглаголуеъ:
„Я умру за вѣру христіанскую;
„Не покину вѣру христіанскую;
„Не буду вѣровать латынскую!“
Царище Демьянище на него опалается;
Повелѣлъ Егорья въ сапоги ковать,
Въ сапоги ковать гвозди желѣзные;
Не добръ Егорья мастера куютъ:
У мастеровъ руки опушались,
Ясныя очи помрачались,—
Ничего Егорью не вредилося:
Егорьево тѣло сощѣлялося.
А злодѣи царище Демьянище
Повелѣлъ Егорья во котель сажать,
Повелѣлъ Егорья во смолѣ варить.
Смола кипитъ яко громъ гремитъ,
А по сверхъ смолы Егорій плаваетъ;
Онъ поетъ стихи херувимскіе,
Превозноситъ гласы все архангельскіе.

Возгòворить царище Демьянище:

„Покинь вѣру истинную, христiанскую,

„Повѣруй мою вѣру латынскую,

„Латынскую, басурманскую!“

Святый Егорiй проглаголетъ:

„Я не буду вѣровать вѣру басурманскую.

„Я умру за вѣру христiанскую!“

На то царище Демьянище опалается;

Повелѣлъ своимъ мучителямъ:

„Ой вы гой еси, слуги вѣрные!

„Вырывайте скоро глубокъ погребъ!“

Тогда же его слуги вѣрные

Вырывали глубокъ погребъ:

Глубины погребъ сорока сажень,

Ширины погребъ десяти сажень;

Посадилъ Егорья во глубокъ погребъ,

Закрывалъ досками желѣзными,

Задвигалъ щитами дубовыми,

Забивалъ гвоздями полужеными,

Засыпалъ песками рудожелтыми,

Засыпалъ онъ и притаптывалъ,

И притаптывалъ, и приговаривалъ:

„Не бывать Егорью на святой Руси!

„Не видать Егорью свѣта бѣлаго,

„Не обозрѣть Егорью солнца краснаго,

„Не видать Егорью отца и матери,

„Не слышать Егорью звона колокольнаго,

„Не слышать Егорью пѣнія церковнаго!“

И сидѣлъ Егорiй тридцать лѣтъ.

А какъ тридцать лѣтъ исполнилось,

Святому Егорью во снѣ видѣлось:

Да явилось солнце красное,

Еще явилася Мать пресвятая Богородица,

Святому Егорью-свѣтъ глаголетъ:

„Ой ты гой еси, святой Егорiй, свѣтъ Храбрый!

„Ты за это ли претерпѣніе,
„Ты наслѣдуешь царство небесное!“
По Божьему повелѣнію,
По Егорія Храбраго моленію,
Отъ свята града Ерусалима
Поднималися вѣтры буйные:
Разносило пески рудожелтые,
Поломало гвозди полуженые,
Разносило щиты дубовые,
Разметало доски желѣзныя.
Выходилъ Егорій на святую Русь;
Завидѣлъ Егорій свѣту бѣлаго,
Услышалъ звону колокольного,
Обогрѣло его солнце красное.
И пошелъ Егорій по святой Руси,
По святой Руси, по сырой землѣ,
Къ тому граду Ерусалиму,
Гдѣ его родима матушка
На святой молитвѣ Богу молится.—
Приходилъ Егорій въ Ерусалимъ городъ,
Ерусалимъ городъ пусть пустехонекъ:
Вырубили его и выжегли!
Нѣтъ ни стараго, нѣтъ ни малаго!
Стоитъ одна церковь соборная,
Церковь соборная, богомольная:
А во церкви во соборней,
Во соборней, богомольней,
Стоитъ его матушка родимая,
Святая Софія премудрая,
На молитвахъ стоитъ на Иисусовыхъ:
Она Богу молить объ своемъ сыну,
Объ своемъ сыну, объ Егорію.
Помолимши Богу, оглянулася;
Она узрѣла и усмотрѣла
Свое чаду, свое милаго,

Святà Егорія, свѣта Храбраго;

Святу Егорью свѣтъ глаголуеть:

„Ой ты еси, мое чадо милое,

„Святой Егорій,—свѣтъ Храбрый!

„Гдѣ ты былъ, гдѣ разгуливалъ?“

Святый Егорій-свѣтъ глаголуеть:

„Ой, сударыня, моя матушка,

„Святая, премудрая Софія!

„Былъ я у злодѣя царица Демьянища,

„Безбожнаго злодѣя-бусурманища;

„Претерпѣлъ я муки разныя,

„Муки разныя, разноличныя.

„Государыня, моя матушка,

„Святая Софія премудрая!

„Воздай мнѣ свое благословеніе:

„Поѣду я по всей землѣ свѣтло-русской

„Утвердить вѣру христіанскую!“

Свѣту Егорію мать глаголуеть:

„Ты поди, чадо милое!

„Ты поди далече во чисты поля:

„Ты возьми коня богатырскаго

„Со двѣнадцать цѣпей желѣзныхъ,

„И со збурую богатырскою,

„Со вострымъ копьемъ со булатнымъ,

„И со книгою со Евангеліемъ ¹⁾.“

Тутъ же Егорій поѣзжаючи,

Святую вѣру утверждаючи,

Басурманскую вѣру побѣждаючи,

Наѣзжалъ на лѣса на дремучіе:

Лѣса со лѣсами совивалися,

Вѣтви по землѣ разстипалися:

¹⁾ Здѣсь начинается 2-я часть стиха, въ которой описывается дѣятельность Георгія, какъ учредителя порядка, устроителя и просвѣтителя русской земли путемъ распространенія въ ней Христіанской вѣры.

Ни пройтить Егорью, ни проѣхати.

Святой Егорій глаголетъ:

„Вы, лѣса, лѣса дремучіе!

„Встаньте и распатнитесь,

„Распатнитесь, раскачнитесь:

„Порублю изъ васъ церкви соборныя,

„Соборныя да богомольныя!

„Въ васъ будетъ служба Господняя!

„Зароститесь вы, лѣса,

„По всей землѣ свѣтло-русской,

„По крутымъ горамъ по высокімъ!“

По Божьему все повелѣнію,

По Егорьеву все моленію,

Разрослись лѣса по всей землѣ,

По всей землѣ свѣтло-русской,

По крутымъ горамъ по высокімъ;

Растутъ лѣса, гдѣ имъ Господь повелѣлъ.—

Еще Егорій побѣждаючи,

Святую вѣру утверждаючи,

Басурманскую вѣру побѣждаючи,

Набѣждалъ Егорій на рѣки быстрыя,

На быстрыя, на текучія:

Нельзя Егорью проѣхати,

Нельзя святому подумати.

„Ой вы гой еси, рѣки быстрыя,

„Рѣки быстрыя, текучія!

„Протеките вы, рѣки, по всей землѣ,

„По всей землѣ свято-русскіей!

„По крутымъ горамъ по высокімъ,

„По темнымъ лѣсамъ, по дремучимъ;

„Теките вы, рѣчки, гдѣ вамъ Господь повелѣлъ!“

По Божьему велѣнію,

По Егорьеву моленію,

Протекли рѣки, гдѣ имъ Господь повелѣлъ.

Святой Егорій побѣждаючи,

Святую вѣру утверждаючи,
Басурманскую вѣру побѣждаючи,
На ѣзжалъ на горы на толкучія:
Гора съ горой столкнулася;
Ни пройти Егорью, ни проѣхати.
Егорій святой проглаголывалъ:
„Вы, горы, горы толкучія!
„Станьте вы, горы, по старому,
„Поставлю на васъ церковь соборную;
„Въ васъ будетъ служба Господняя!“
Святой Егорій проѣзжаючи,
Святую вѣру утверждаючи,
Неѣзжалъ Егорій на стадо звѣриное,
На сѣрыхъ волковъ, на рысучіихъ,
И пастыть стада три пастыря,
Три пастыря да три дѣвицы,
Егорьевы родныя сестрицы:
На нихъ тѣла, яко еловая кора,
Власъ на нихъ, какъ ковыль-трава,
Ни пройти Егорью, ни проѣхати;
Егорій святой проглаголывалъ:
„Вы, волки, волки рысучіе!
„Разойдитесь, разбредитесь
„По два, по три, по единому,
„По глухимъ степямъ, по темнымъ лѣсамъ;
„А ходите вы повременно,
„Пейте вы, ѣшьте повелѣнное,
„Отъ святѣ Егорія благословенія!
По Божьему все повелѣнію,
По Егоріеву моленію,
Разбѣгались звѣри по всей землѣ,
По всей землѣ свѣтло-русской:
Они пьютъ, ѣдятъ повелѣнное,
Повелѣнное, благословенное
Отъ Егорія Храбраго.

Еще же Егорій поѣзжаючи,
Святую вѣру утверждаючи,
Басурманскую вѣру побѣждаючи,
Наѣзжалъ Егорій на стадо на змѣиное;
Ни пройтить Егорью, ни проѣхати.
Егорій святой проглаголывалъ:
„Ой вы той еси, змѣи огненныя!
„Разсыпьте, змѣи, по сырой землѣ
„Въ мелкія, дробныя черепицы!
„Пейте и ѣшьте изъ сырой земли“!
Святой Егорій поѣзжаючи,
Святую вѣру утверждаючи,
Пріѣзжалъ Егорій
Къ тому ко граду Кіеву.
На тѣхъ вратахъ на Херсонскіихъ
Сидитъ Черногарь-птица,
Держитъ въ когтяхъ осетра-рыбу:
Святому Егорью не проѣхати будетъ.
Святой Егорій глаголетъ:
„Охъ ты, Черногарь-птица!
„Возвейся подъ небеса,
„Полети на Океанъ-море:
„Ты и пей и ѣшь въ Океанъ-морѣ,
„И дѣтей производи на Океанъ-морѣ“!
По Божьему повелѣнію,
По Егорову моленію,
Подымалась Черногарь-птица подъ небеса,
Полетѣла на Океанъ-море,
Она пьетъ и ѣстъ въ Океанъ-морѣ,
И дѣтей выводитъ на Океанъ-морѣ.
Святой Егорій поѣзжаючи,
Святую вѣру утверждаючи,
Наѣзжалъ полаты бѣлы-каменны,
Да гдѣ же пребываетъ царице Демьянище,
Безбожный песъ-басурманище.

Увидѣлъ его царище Демьянище,
Безбожный песь-басурманище:
Выходитъ онъ изъ полаты бѣлокаменной,
Кричитъ онъ по звѣриному,
Визжитъ онъ по змѣиному:
Хотѣлъ побѣдить Егорья Храбраго.
Святой Егорій не утратился,
На добромъ конѣ пріуправился;
Вынимаетъ мечъ-саблю вострую,
Онъ ссѣкъ его злодѣйскую голову
По его могучія плечи;
Подымалъ палицу богатырскую,
Разрушилъ полаты бѣлокаменные,
Очистилъ землю Христіанскую
Утвердилъ вѣру Самому Христу,
Самому Христу, Царю Небесному,
Владычицѣ Богородицѣ,
Святой Троицѣ нераздѣлимыхъ.
Онъ беретъ своихъ три родныхъ сестры,
Приводитъ къ Іордань-рѣкѣ;
„Ой вы, мои три родныхъ сестры!
„Вы умойтесь-окреститесь,
„Ко Христову гробу приложитесь!
„Набрались вы духу нечистаго,
„Нечистаго, басурманскаго:
„На васъ кожа, какъ еловая кора,
„На васъ власы, какъ камышь-трава!
„Вы повѣруйте Самому Христу,
„Самому Христу, Царю Небесному,
„Владычицѣ Богородицѣ,
„Святой Троицѣ нераздѣлимыхъ!“
Умывались, окрещались:
Камышь-трава съ нихъ свалилася,
И еловая кора опустилася.
Приходилъ Егорій

Къ своей матушкѣ родимой:
„Государыня, моя матушка родимая,
„Премудрая Софья!
„Вотъ тебѣ три дочери,
„А мнѣ три родныхъ сестры“! —
Егоріева много похождения!
Велико его претерпѣніе!
Претерпѣлъ муки различныя
Все за наши души многогрѣшныя!
Поемъ славу святѣ Егорія!
Святѣ Егорія, свѣтъ, Хоробраго!
Во вѣки его слава не минуется!
И во вѣки вѣковъ! Аминь!

Историческія пѣсни.

1) Щелканъ Дудентьевичъ ⁴⁾

А и дѣялося въ Ордѣ,
Передѣялось въ Большой. —
На стулѣ золотѣ
На рытомъ бархатѣ,
На червчатой камкѣ
Сидить тутъ царь Азвякъ,
Азвякъ Тавруловичъ;
Суды разсуживаетъ
И ряды разряживаетъ,
Костылемъ размахиваетъ
По бритымъ тѣмъ усамъ,
По татарскимъ тѣмъ головамъ,
По синимъ плѣшамъ.
Шурьевъ царь дарилъ,
Азвякъ Тавруловичъ,
Городами стольными:
Василья на Плесу,
Гордѣя къ Вологдѣ,
Ахрамея къ Костромѣ;
Одного не пожаловаль
Любимаго шурина
Щелкана Дудентьевича.
За что не пожаловаль?
И за то онъ не пожаловаль,
Его дома не случилось:
Уѣзжалъ то младъ Щелканъ
Въ дальнюю землю Литовскую,
За моря синія,

⁴⁾ Щелканъ или Шевкаль, сынъ Дюдены, не шуринъ, а двоюродный братъ Узбека, названнаго въ былинѣ Азвякомъ Тавруловичемъ.

Бралъ онъ, младъ Щелканъ,
Дани, невыхоны,
Царски невыплаты;
Съ князей бралъ по сту рублевъ,
Съ бояръ по пятидесять,
Съ крестьянъ по пяти рублевъ,—
У котораго денегъ нѣтъ,
У того дитя возьметъ;
У котораго дитя нѣтъ,
У того жену возьметъ.
У котораго жены-то нѣтъ,
Того самого головой возьметъ.
Вывезъ младъ Щелканъ
Дани, выходы,
Царскіе невыплаты;
Вывелъ младъ Щелканъ
Коня въ сто рублевъ,
Сѣдло во тысячу,
Уздѣ цѣны ей нѣтъ.
Не тѣмъ узда дорога,
Что вся узда золота,
Она тѣмъ узда дорога—
Царское жалованье
Государево величество;
А нельзя, дескать,
Тоя узды ни продать, ни промѣнять,
И друга дарить.
Проговорить младъ Щелканъ
Младъ Дудентьевичъ:
„Гой еси, царь Азвякъ,
„Азвякъ Тавруловичъ!
„Пожаловалъ ты молодцовъ
Любимыхъ шуриновъ:
„Василья на Плесу,
„Гордѣя къ Вологдѣ,

„Ахрамея къ Костромѣ;
„Пожалуй ты, царь Азвякъ,
„Пожалуй ты меня
„Тверью старою,
„Тверью богатою,
„Двумя братцами родимыми,
„Дву удалыми Борисовичи“ ¹⁾.
Проговорить царь Азвякъ,
Азвякъ Тавруловичъ:
„Гой еси, шуринъ мой
„Щелканъ Дудентьевичъ!
„Заколи-тко ты сына своего,
„Сына любимаго,
„Крови ты чашу нацѣди,
„Выпей ты крови тоя,
„Крови горячія;
„И тогда я тебя пожалую
„Тверью старою,
„Тверью богатою,
„Двумя братцами родимыми,
„Двумя удалыми Борисовичи“.
Въ тапоры младъ Щелканъ
Сына своего закололъ,
Чашу крови нацѣдилъ,
Крови горячія,
Выпилъ чашу тоя крови горячія.
А втапоры царь Азвякъ
За то его пожаловалъ
Тверью старою,
Тверью богатою,

¹⁾ Князья Димитрій и Александръ Михайловичи Тверскіе, изъ которыхъ первый отмстилъ за своего отца, убивъ въ 1325 г. вл Орда Георгія Даниловича Московскаго, и тамъ-же былъ за то казненъ отъ хана Узбека, а другой, получивъ отъ Узбека Тверское княженіе, отомстилъ за своего брата убіеніемъ Щелкана.

Двумя братцами родимыми,
Дву удалыми Борисовичи.
И втѣпоры младъ Щелканъ
Онъ судьбою насѣлъ
Въ Тверь ту старую,
Въ Тверь ту богатую;
А не много онъ судьбою сидѣлъ...
Надо всѣми наругатися,
Надъ домами насмѣхатися.
Мужики то старые,
Мужики то богатые,
Мужики посадскіе,
Они жалобу приносили
Двумъ братцамъ родимымъ,
Двумъ удалымъ Борисовичамъ;
Отъ народа они съ поклономъ
Пошли, честными подарками —
И понесли они честные подарки —
Злата, серебра и скатнаго жемчугу.
Изошли его въ домъ у себя
Щелкана Дудентьевича;
Подарки принялъ отъ нихъ,
Чести не воздалъ имъ.
Внапоры младъ Щелканъ
Зачванился онъ, загордился,
И они съ нимъ раздорили —
Одинъ схватилъ за волосы,
А другой за ноги,
И тутъ его разорвали.
Тутъ смерть ему случилася,
Ни на комъ сыскалося ¹⁾).

¹⁾ Содержаніе былины соответствуетъ слѣдующимъ фактамъ, сообщаемымъ Карамзинымъ подъ 1327 г. „Въ концѣ лѣта явился въ Твери ханскій посолъ, Шевкалъ, сынъ Дуденевъ и двоюродный братъ Узбека, со многочисленными толпами грабителей. Бѣдный народъ, уже привыкнувъ

2) Грозный царь Иванъ Васильевичъ.

Когда-то возсіяло солнце красное,
На тоёмъ то небушкѣ на ясноемъ,
Тогда-то воцарился у насъ Грозный царь,
Грозный царь Иванъ Васильевичъ.
Заводилъ онъ свой хорошъ почестный пиръ:
Все то на перу да наѣдались,
Все-то на пиру почестномъ напивались
И все на пиру порасхвастались.
Иный хвастаетъ села со приселками,
А иный хвалитъ города съ пригородками,
Иный хвалится да золотой казной,
Умный хвалится родной матушкой,
Безумный хвастаетъ молодой женой.
Изъ-за того стола изъ-за дубова
Не золота звонка труба вытрубила,

терпѣть насилія татарскія, искалъ облегченія въ однѣхъ безполезныхъ жалобахъ; но содрогнулся отъ ужаса, слыша, что Шевкаль, ревностный читатель Алкорана, намѣренъ обратить Россіанъ въ Магометанскую вѣру, убить царя Александра съ братьями сѣсть на его престолѣ, и всѣ города наши раздать своимъ вельможамъ. Говорили, что онъ воспользуется праздникомъ Успенія, къ коему собралось въ Тверь множество усердныхъ христіанъ, и что Монголы умертвятъ ихъ всѣхъ до единого. Сей слухъ могъ быть неоснователенъ, ибо Шевкаль не имѣлъ достаточно войска для произведенія въ дѣйство намѣренія столь важнаго... Граждане усердные, пылкіе, единодушно требовали оружія: князь на разсвѣтѣ, 15-го августа, повелъ ихъ ко дворцу Михайлову, гдѣ жилъ братъ Узбековъ. Общее волненіе, шумъ и стукъ оружія пробудили Татаръ: они успѣли собраться къ своему пачальнику и выступили на площадь. Тверитяне устремились на нихъ съ воплемъ. Сѣча была ужасна. Отъ восхода солнечнаго до темнаго вечера рѣзались на улицахъ съ остервенѣніемъ необычайнымъ. Уступивъ превосходству силъ, Монголы заключились во дворецъ: Александръ обратилъ ихъ въ пенель и Шевкаль сгорѣлъ тамъ съ остаткомъ ханской дружины. Къ свѣту не было уже ни одного татарина живого. Граждане умертвили и купцовъ ординскихъ.“

Испроговорилъ грозный царь Иванъ Васильевичъ,
Испроговорилъ онъ таково слово:

„Есть и мнѣ, царю, теперь похвастати:

„Я повынесъ то царенье изъ Царя-града,

„Царскую порфиру на себя надѣлъ,

„Царскій костыль я себѣ въ руки взялъ,

„И поведу измѣну съ каменной Москвы“!

Съ по тыя было полаты бѣлокаменной

Тутъ не красное-то солнышко каталось,

А не скатный жемчугъ разсыпается,

Ходить маленькой Иванушко царевичъ-государь,

Сынъ говорилъ да таково слово:

— Ты ей, государь мой родной батюшка!

— Не вывести измѣны съ каменной Москвы:

— Сидить-то измѣна за однимъ столомъ,

— Ъсть-пѣть измѣна одни кушанья,

— Платья носить одноцвѣтныя,

— Да сапожки на ножкахъ одноличныя.—

Тутъ не мутное око помутилось,

Его царское сердце разгорѣлось

И сговорилъ Грозный царь Иванъ Васильевичъ:

„Ахъ ты, маленькой Иванушко царевичъ-государь!

„Ты подай мнѣ измѣнщика да на очи:

„Я измѣнщику голову срублю“.

Испроговорилъ Иванушко царевичъ-государь!

— Ужъ я глупымъ разумомъ промолвился,

— Какъ на братца мнѣ сказать, такъ мнѣ-ко братца
жаль,

— На себя мнѣ-ка сказать, такъ мнѣ-ка живу не бы-
вать;

— А буде сказать мнѣ на братца своего,

— На того на Оедора Ивановича.

— Ей ты, государь, родной батюшка!

— Когда жъ мы брали съ тобой царскій градъ,

— Когда ты-то ѣхалъ по краечку,

— А я то ѣхалъ да по другому,
— А братецъ мой ѣхалъ по середочкѣ.
— Мы съ тобою государь, да все ѣхали,
— Мы все казнили, да все вѣшали,
— А Ѳедоръ братецъ ѣхалъ по середочкѣ,
— Напередъ пословъ да онъ поразсылалъ,
— Чтобы удалые да поразбѣгались,
— А которые по кувиль-траву да развалялися,
— А которые при домахъ оставалися.
— Таперичу измѣна вся повысталала.—

Тутъ не мутное ого помутилося,

Его царское сердце разгорѣлося:

„Ай вы ей, палачи да немилостивы!

„Вы возмите-ка Ѳедора Ивановича

„За тья за рученьки за бѣлыя,

„За тые за перстни за злаченые,

„Сведите-ка Ѳедора въ чисто поле

„А на тое на болотце-то на житное,

„А на тую плашку на липову,

„Отрубите ему буйну голову

„За его поступки неумильные!“

Тутъ всѣ палачи поразбѣгались,

Которые разумны, растулялися,

Одинъ остался Малюта Скуратовъ сынъ.

А самъ говорилъ таково слово:

„Я много вѣдь казнилъ царей, царевичевъ,

„Я безъ счету королей, да королевичей;

„А тебя-ко-ва я Ѳедора да не спущу!“

Онъ беретъ его за ручки за бѣлыя,

За тые за перстни да за злаченые,

Повель Ѳедора да въ чисто поле

На тое болотечко на житное,

На тую плашечку на липову

Срубить Ѳедору да буйну голову

За его поступки неумильные.

Въ тую ль было пору да во то время
Услыхала Авдотья Романовна,
Его государыня да родна матушка,
Она чоботы обула да на босу ногу,
Кунью шубу то одѣла на одно плечо,
Побѣжала то на горку да на Вшивую ¹⁾.

А ко своему ко братцу ко родимому,
Ко тому Никиты-то Романовичу.
А срѣтать ю братецъ-отъ ей родимый,
А самъ говорить таково слово:

„Что же ты, сестрице, да не въ покрутѣ,

„А въ одной ты шубѣ черныхъ соболей?“

Говорить Авдотья да Романовна:

— Ты ей же, братецъ мой родимый!

— Знать ты надъ собой невзгодушки не вѣдаешь:

— Вѣдь иѣтъ жива твоего любимого племянничка;

— Тотъ воръ Малюта Скуратовъ сынъ

(Увелъ его да во чисто поле)

— На тое болотцо да на житное,

— На тую плашку на липову

— Срубить Ѳедору бойну голову.—

Онъ кидается, скоро бросается,

Беретъ узду въ руки тесмянную,

Бѣжалъ на конюшню на стоялую,

Одѣвалъ на мала бурушка да кавурушка,

Садился скоро на добра коня,

Не на сѣдлана, да не на уздана,

Городомъ ѣдетъ и да голосомъ кричить,

Голосомъ кричить, да самъ рукой машетъ:

„Ты ей, воръ, Малюта Скуратовъ сынъ!

„Ты не тотъ кусъ съѣшь, самъ задавишься,

„Не казни-тка млада царевича,

„Ай того-жъ-де Ѳедора Ивановича.“

¹⁾ Извѣстная мѣстность въ Москвѣ.

Малютка того и не пытаючи,
Береть Ѳедора да за желты кудри,
Клонить на плашку на липову,
Хочетъ срубить да буйну голову
А наѣхаль Никита да Романовичъ,
Смахнулъ своей саблей да востроей,
Отнесъ Малютки буйну голову
За его поступки неумильные.
А онъ взялъ де Ѳедора Ивановича,
Увозилъ на горку да на Вшивую.

Сегодня день былъ суботній,
Завтра день да воскресный де,
Ѣхать намъ ко ранной ко заутрени.
Какъ тотъ Грозный царь Иванъ Васильевичъ,
Что нѣтъ жива молодца царевича,
Сокрутился онъ во платьѣ во опальное,
Заложилъ лошадей да вороненныхъ,
Подъ ты (кареты) подъ черныя,
Поѣхаль ко ранной ко заутрени.
А тотъ Никита да Романовичъ
Заложилъ онъ лошадей да все рыжихъ,
Одѣлъ на себя платьѣ цвѣтное, самолучшее,
Поѣхаль ко ранной ко заутрени.
Крестъ кладетъ по писаному,
Поклонъ ведетъ по ученому
На всѣ три-четыре стороны,
А Ивану Васильевичу въ собину:
„Ты здравствуй, Грозный царь Иванъ Васильевичъ,
„Со своей со любимой семьей,
„Со молодой со Авдотьей со Романовной,
„Со своими со малыми со дѣтушками,
„Со тымъ со Иваномъ Ивановичемъ!“
И сговорилъ Грозный царь Иванъ Васильевичъ:
— Ай ты же, шуринъ мой любимый,
— Ты ей, Никита да Романовичъ!

- Знать ты надъ собой невзгодушки не вѣдаешь?
- Вѣдь нѣтъ жива твоего любимаго племянничка,
- Ай того де Ѳедора Ивановича.
- Вѣдь увелъ воръ Малюта Скуратовъ сынъ
- На тое болодцо да на житное,
- Да на тую на плашку да на липову
- Срубить Ѳедору буйну голову
- За его поступки неумильные.—

(Во второй и, наконецъ, въ третій разъ обратился съ такимъ же привѣтствіемъ Никита Романовичъ, поздравствовавъ вмѣстѣ съ Иваномъ Ивановичемъ и Ѳедора Ивановича).

- Тутъ не мутное око помутилось,
Его царское сердце разгорѣлося:
- Ахъ ты ей же, шуринъ мой любимыя,
 - Ахъ ты ей же, Никита Романовичъ!
 - Знать ты надо мной насмѣхаешься!
 - Отстою какъ я раннюю заутреню,
 - Прикажу тебѣ, Никита, голову срубить.—
- И самъ заплакалъ горькимъ дяктелемъ (птица).
- Какъ по ворахъ было по разбойникахъ,
 - По разбойникахъ, по ворахъ есть заступщики;
 - По моему рожономъ по дитятки,
 - По тоѣмъ Ѳедорѣ Ивановичѣ
 - По немъ не было никакого заступушки!—

Говоритъ Никита Романовичъ:

„Бываетъ ли грѣшному прощенье-то?“

Говорилъ грозный царь Иванъ Васильевичъ:

— Хоть бываетъ-то прощенье, теперь взять негдѣ.—

Говоритъ Никита Романовичъ:

„Не отрублена есть Ѳедору да буйна голова,

„А отрублена да буйна голова

„А тому Малюты да Скурлатову.“

Тутъ грозный царь Иванъ Васильевичъ,

Онъ кидается скорó, бросается

Не кидается за Оедора Ивановича,
Кидался за Никиту за Романовича.
Беретъ его за ручки за бѣлыя,
Цѣлуетъ во уста во сахарныя,
Самъ говорить таково слово:
— Мнѣ-ка чѣмъ тебя наскори пожаловать?

— Ты ей, шуринъ мой любимыя,
— Дать тебѣ села со приселками,
— Али дать тебѣ да золотой казны?

Говорить Никита Романовичъ:

„Есть у меня села со приселками,
„А и то мнѣ, молодцу, не похвальба.
„Есть у меня городъ съ пригородками,
„А и то мнѣ, молодцу, не похвальба.
„Есть у меня и золотой казны,
„И то мнѣ молодцу не похвальба,
„А ты дай-ка мнѣ Микитину да вотчину:
„Что хоть съ петли уйди, хоть коня угони,
„Хоть коня угони, хоть жену уведи,
„Столько ушелъ бы въ Микитину вотчину,—
„Того добро-то молодца да Богъ простить.“
Онъ пожаловалъ Микитиною его вотчиной:
Что хоть съ петли уйди, да хоть коня угони,
Хоть коня угони, да хоть жену уведи,
Столько ушелъ бы въ Микитину да вотчину,—
Того добро-то молодца да Богъ простить.
Тутъ вѣкъ про Микиту старину скажутъ,
Синему морю на тишину,
Вамъ, добрымъ людямъ, на послушанье.

3) Рожденіе Петра.

Какъ да свѣтель, радошень въ Москвѣ
Благовѣрный князь Алексѣй Михайловичъ,
Народилъ ему Богъ царевича Петра Алексѣевича,

Перваго императора по землѣ.

Всѣ то русскіе какъ плотники мастера

Во всю ноченьку не спали, колыбель-люльку дѣлали

Они младому царевичу:

А и нянюшки, матушки, сѣнныя красныя дѣвушки

Во всю ноченьку не спали, шириночку вышивали,

По бѣлому рытому бархату они всѣ распушались;

А и погреба царскіе они всѣ растворялися.

У царя благовѣрнаго еще пиръ и столъ на радости,

А князи собиралися, бояра съѣзжались и дворяне сходились,

А всѣ народъ Божій на пиру пьютъ, ѣдятъ, прохлаждаются,

Во весельи въ радости не видали, какъ дни прошли

Для младого царевича Петра Алексѣевича,

Перваго императора.

Объяснительныя статьи.

1. Процессъ созданія мифовъ.

Ө. И. Буслаева.

I.

Въ странѣ, бѣдной очертаніями природы, въ степной и лѣсистой, гдѣ взоръ свободно распространяется вдаль, къ склоняющимся на равнину краямъ горизонта, не останавливаясь ни на одномъ возвышеніи, сколько нибудь поражающемъ воображеніе, въ странѣ умѣренной, не отличающейся ни поразительною силою зноя, ни быстрыми переходами отъ жару къ холодамъ, изъ всѣхъ мифическихъ преданій о стихійныхъ божествахъ могли удержаться, и даже получить мѣстное развитіе, только преданія о рѣкахъ. Для великановъ же горъ не нашлось на Руси приличной обстановки; вѣтры, Стрибоговы внуки, проносясь по степямъ и лѣсистымъ обрывамъ, глухо терялись въ однообразномъ пространствѣ, потому что негдѣ имъ было остановиться, что бы сгруппироваться въ великанскіе образы; нѣтъ на Руси ни глубокихъ пещеръ, гдѣ бы они пріютились, ни высокихъ горъ, изъ-за которыхъ они вырывались бы наружу. Самое море въ нашихъ пѣсняхъ называется только синимъ, потому что племена, заселившія Русь, забыли уже его безпріютную, волнующуюся пустыню и внесли съ собою только пріятное воспоминаніе о зеркальной поверхности водъ, въ которой отражается синее безоблачное небо. Нашъ эпосъ хотя и знаетъ морскаго царя, но чувствуетъ его только по отношенію къ рѣкамъ, чтобы въ этомъ божествѣ дать имъ отца, потому даже низводитъ его до божества водъ вообще, называя его водяникомъ, и давая ему въ супруги какую-то царицу водяницу.

Мифологія финскихъ и сѣверныхъ нѣмецкихъ племенъ рисуетъ воображенію титаническіе типы стихійныхъ божествъ воздуха, мороза, горной природы и морскаго тумана. Вѣскія горы и приморскія скалы издали обманываютъ взоръ своими

прихотливыми формами и мерещатся испуганному воображенію страшными исполинами. Они насылаютъ на смертныхъ морозъ и снѣгъ, грозятъ своей массой подавить ихъ скромныя жилища и, возвышаясь надъ туманной поверхностью моря, несокрушимо отражаютъ отъ себя удары вѣтровъ и морской бури. Понятно, слѣдовательно, почему сѣверный эпосъ наполненъ сказаніями о борьбѣ Бога Тора съ великанами Турсами, стихійными существами горъ, мороза, инея и вѣтровъ. Самыя горы, по преданію сѣверной мѣологии, не что иное, какъ колоссальныя кости нѣкогда убитаго Имира, величайшаго изъ великановъ.

Очевидно, въ зависимости отъ условій природы и быта и отъ возрѣній, воспитанныхъ мѣологіей и эпосомъ, надобно объяснять, почему на Руси доселѣ во всей свѣжести живутъ въ народѣ преданія и сказанія о стихійныхъ существахъ, живущихъ въ рѣкахъ, то есть о русалкахъ, между тѣмъ какъ вилы, свѣтлые геніи воздуха, существа горныя, исполнѣ соответствующія сѣвернымъ валькиріямъ, господствуютъ въ эпосѣ сербскомъ.

Впрочемъ, несмотря на то, что въ эпосѣ русскомъ не могли господствовать представленія о великанахъ горъ, все же были и на Руси зачатки этихъ представленій, вынесенныя изъ общей индо-европейскимъ народамъ арійской родины, а у другихъ славянъ, при благопріятствовавшей обстановкѣ природы и быта даже развились они, принявъ мѣстный индивидуальный характеръ.

Впрочемъ, первая эпоха сильнѣе наложила свою печать на судьбу нашихъ богатырей. Какъ сѣверные великаны, они превращаются въ камни, горы и утесы, а превращеніе на эпическомъ языкѣ часто имѣетъ смыслъ и уподобленія, ассимиляціи, тожества. Слѣдовательно, это просто великаны горъ, мѣоническое олицетвореніе самыхъ горъ и утесовъ. Такое мѣоническое превращеніе соответствуетъ космогоническому преданію о самомъ рожденіи людей изъ каменьевъ, кото-

рые, по греческому мѣу, Девкаліонъ и супруга его, соотвѣтствующіе семитическому Ною и индо-европейскому Ману, бросали позади себя, и изъ каждаго камня рождался человекъ.

Титаническія, стихійныя существа въ исторіи народнаго эпоса заслоняютъ собою преданія о первобытныхъ хаотическихъ переворотахъ на землѣ, совершавшихся нѣкогда могуществомъ высшихъ, невѣдомыхъ силъ. По этимъ преданіямъ, горы, лѣса, воды въ хаотическомъ безпорядкѣ громоздились по землѣ и какъ существа одушевленные могли сдвигаться между собой и раздвигаться, по приказанію вѣщаго слова.

Этой эпической эпохѣ размѣщенія и установленія порядка и гармоніи между землею и водою соотвѣтствуетъ превращеніе стихійныхъ великановъ въ горы и рѣки. Эти миѣическія существа, одаренныя буйной силой, безъ всякой урядицы блуждали, сталкивались между собою въ титанической борьбѣ и не давали простору обыкновеннымъ смертнымъ. Но рано или поздно законы природы должны были положить конецъ этому хаосу и неурядицѣ.

Слагатели миѣовъ и космогоническихъ эпизодовъ были глубоко убѣждены въ этомъ благотворномъ переворотѣ, потому что они хотя и не довѣряли невѣдомымъ силамъ природы, хотя страшились и благоговѣли передъ могуществомъ стихій, но все же видѣли, что горы и лѣса стоятъ неподвижно на своихъ мѣстахъ, что рѣки, что бы онѣ ни говорили своими плещущими струями, все же, по установленному порядку, неизмѣнно текутъ въ своихъ крутыхъ берегахъ. Куда дѣвались эти страшные для человека исполины, которымъ такъ привольно было блуждать въ первобытномъ хаосѣ? Они превратились въ рѣки и горы, повѣствуетъ народный эпосъ и успокаиваетъ запуганное воображеніе, наглядно убѣждая, что отъ страшныхъ сверхъестественныхъ силъ ничего больше не осталось, какъ грубая масса, въ которой онѣ навсегда улеглись.

II.

Народный эпосъ, во всѣхъ разнообразныхъ его проявленіяхъ, начиная съ мѣа и чарующаго заклѣтія, этого отголоска религіозныхъ миѣическихъ обрядовъ, и до дѣтской игры, сопровождаемой стихами или причатаньями, и до колыбельной пѣсни—есть не только выраженіе народнаго быта, но даже сама народная жизнь, возведенная на первую степень сознанія и перелитая въ прекрасные звуки народнаго слова. Потому, только въ связи съ характеристикю первоначальнаго эпическаго быта самого народа возможно себѣ составить вѣрное и полное понятіе объ этомъ существенномъ, основномъ родѣ поэтической дѣятельности.

Совокупному, такъ сказать, собирательному творчеству народной фантазіи и этому ровному, неизмѣнному теченію эпоса соотвѣствуетъ строгая обрядность эпическаго быта, подчиненная вѣрованію и сопровождаемая неизмѣнными обычными проявленіями въ дѣйствіяхъ и въ самыхъ словахъ. Съ самого рожденія и до смерти вся жизнь человѣка подчиняется этому ровному эпическому теченію, руководимая вѣрованіями старины, оглашаемая звуками роднаго слова (эпоса) въ его разнообразныхъ проявленіяхъ.

Сознавая или, точнѣе сказать, только ощущая всю полноту вымысловъ народной фантазіи, каждое поколѣніе получаетъ въ наслѣдство и утверждаетъ только часть этого всеобъемлющаго цѣлага. Но зато въ каждомъ эпизодѣ, въ каждой эпической пѣснѣ чувствуются все элементы, изъ которыхъ сложился народный эпосъ: чувствуется ясно, что только на широкой основѣ полнаго возсозданія жизни въ эпической формѣ была возможна та зиждительная сила, помощію которой сложился эпизодъ, отдѣльная пѣсня или сказка.

На этомъ основывается высокое достоинство эпизодовъ народнаго эпоса. Каждый изъ нихъ даетъ слушателю полную возможность оріентироваться, опознаться въ тѣхъ подробностяхъ разсказа и въ тѣхъ возрѣніяхъ, которыя въ эпи-

зодѣ сообщаются, хотя бы подробности эти, какъ краткіе намеки, и состояли въ связи съ другими разсказами, съ другими пѣснями или сказками, т. е. съ другими эпизодами великаго народнаго эпоса. Никогда не видя предъ собою цѣлаго эпического зданія (которое и живетъ только въ эпизодахъ), всякій и поющій, и слушающій сообщается съ нимъ на каждомъ отдѣльномъ эпизодѣ,—подобно тому, какъ говорящій проникается всею полнотою и силою своего родственнаго языка, хотя бы сказалъ только нѣсколько фразъ; или, чтобы выполнѣ восчувствовать все оттѣнки грамматическаго состава, хотя бы самой короткой рѣчи, надобно усвоить себѣ весь внутренній строй языка.

Эпизодическое существованіе эпоса, выполнѣ согласное съ постоянно эпизодическимъ его употребленіемъ въ народѣ, опредѣляетъ всю историческую его судьбу, все его внѣшнее развитіе. Современемъ одни эпизоды пропадають, другіе возникаютъ вновь, иные подновляются, по требованію новыхъ обстоятельствъ и возрѣній и, такъ сказать, покрываются новыми наростами. Однако, не смотря на видоизмѣненіе составныхъ частей, цѣлое остается невредимо, пока въ народѣ не угасла жизнь эпического творчества. Точно какъ дерево остается свѣжо и исполнено жизни, пока здоровъ его корень, сколько бы ни мѣняло оно вѣтвей и листьевъ. Потому, замѣчу мимоходомъ, мнѣ кажется, отличается необыкновенно художественнымъ тактомъ, въ нѣкоторыхъ языкахъ, наименованіе эпизодовъ народнаго эпоса вѣтвями (branches).

Но если главныя основы эпоса остаются неизмѣнны, все же, по требованіямъ развивающихся поколѣній, или вслѣдствіе различныхъ историческихъ обстоятельствъ, иногда цѣлые обширные отдѣлы древнѣйшей народной поэзіи, вмѣстѣ съ древнѣйшими поколѣніями, вымирають, оставляя по себѣ только слабыя слѣды. Такъ эпосъ оеогоническій смѣняется героническимъ. Сначала тотъ и другой живутъ общей жизнью, но потомъ остается только героническій, а потомъ и этотъ послѣдній, все болѣе и болѣе прерывая нити, связывавшія

его съ народной миѳологіей, вступаетъ на поприще историческаго разсказа.

Тогда въ памяти народа остаются только отрывочные намеки на утраченное цѣлое, въ видѣ обычныхъ эпическихъ формъ, въ образованіи и измѣненіи формъ которыхъ первоначальное значеніе уже понятно, потому что онѣ уже стали не что иное, какъ старый и разрозненный матеріалъ, пошедшій на новыя постройки.

Отрываясь отъ миѳическихъ основъ древнѣйшей эпохи, народный эпосъ еще болѣе нарушаетъ тѣмъ цѣльность своей внѣшней формы; потому еще болѣе нуждается въ эпизодическомъ изложеніи, и такимъ образомъ представляется онъ собраніемъ отжившихъ или отживающихъ преданій и вѣчно свѣжихъ, живучихъ убѣжденій,—темныхъ образовъ забывающейся народной миѳологіи и яркихъ характеровъ любимыхъ народомъ идеаловъ. Миѳологическія и историческія основы народнаго быта, сосредоточенныя къ завѣтнымъ убѣжденіямъ и возрѣніямъ народа на жизнь и природу, даютъ какъ бы идеальное, незримое, но всеміи чувствуемое единство этому, повидимому, неорганическому сдѣленію частей въ одну массу.

2. Единство русскаго богатырскаго эпоса.

О. О. Миллера.

Юную пору, золотую пору расцвѣта вполне пробудившихся силъ составляетъ въ нашемъ эпосѣ пора кievская, — богатырская, т. е. героическая наша пора, до сихъ поръ не забытая ни въ Сибири, ни въ Олонецкомъ и Архангельскомъ краѣ, въ этомъ смыслѣ еще живая и до сихъ поръ, съ ея радушнымъ и ласковымъ княземъ, съ ея сторожевою заставою, съ первымъ отраженіемъ христіанскихъ лучей на ея благодарной общинной почвѣ. Пора эта была какъ будто бы навсегда остановлена могучимъ воображеніемъ народа, такъ что и всѣ позднѣйшія, самыя важныя, раздѣленные вѣками,

событія отнесены къ ней, приурочены къ той же богатырской заставѣ и освѣщены тѣмъ же самымъ свѣтомъ простодушнаго, частью двоевѣрнаго, но въ сущности теплаго и не только наружнаго пониманія христіанства. Такимъ образомъ, при всей своей многосложности, нашъ эпосъ оказывается въ своемъ родѣ объединеннымъ, такъ какъ въ немъ даже имѣется, конечно, своеобразнымъ путемъ достигнутое, единство внѣшнее—мѣста и времени, а вмѣстѣ съ тѣмъ и единство внутреннее—содержанія, мысли, главнымъ образомъ выразившейся въ слагавшемся въ теченіе вѣковъ, но все въ одномъ основномъ направленіи, идеальномъ образѣ Ильи Муромца.

Вывода этого богатыря своего изъ простого народа, эпосъ нашъ заставляетъ его постоянно помнить о слабыхъ, о голи, думать объ общихъ правахъ, объ общемъ народномъ дѣлѣ, ничего не ища для себя — ни здѣсь на землѣ у князя, ни тамъ въ небесахъ у Бога!

Все, отзывающееся въ нашемъ эпосѣ человѣчностью и свободой, оказалось вытекающимъ изъ общиннаго начала, а потому и связывающимся съ временами его простора, а такими оказываются времена, предшествовавшія не только московскому, но и суздальскому періоду. Объ издавнемъ, путемъ естественнаго, ничѣмъ незадержаннаго развитія, совершившемся у насъ переходѣ отъ родовыхъ отношеній къ общиннымъ свидѣтельствуется вся вообще словесность наша народная.

Славянамъ не досталось непосредственное сосѣдство съ дряхлѣющею, разлагающеюся имперіею Римскою; въ нихъ такимъ образомъ легкою добычи не были вызваны въ дѣло тѣ силы, которыя у германцевъ разыгрались воинственностію и положили завоевательное начало въ основу средневѣковой государственности. Несуществовавшимъ для славянъ переходомъ въ преобладающее воинственное, и притомъ наступательно-воинственное положеніе не могли быть пришиблены тѣ смягчающія основы осѣдлости земледѣльческой съ естественно

изъ нея вытекающею общинностью отношеній, которыя вездѣ начинались, но въ славянствѣ сложились прочнѣе, ненарушимѣе и человѣчнѣе. Изъ этихъ то основъ возникли и тѣ поэтическіе идеалы Микулы или Ильи Муромца, которыхъ земледѣльчески-передовое значеніе такъ знаменательно. Славяне русскіе изначала поставлены были въ условія—едва ли не самыя выгодныя. Отдѣленные другими славянами отъ соѣдства съ имперією или съ германцами, они, въ своемъ движеніи на востокъ отъ Дуная, углубляясь въ теперешнюю Россію, попадали въ широкій просторъ — земли всюду въ волю, а населеніе на ней не густое, мирное, просто отодвигавшееся въ сторону и уступавшее мѣсто славянамъ или давшее имъ садиться рядомъ—тамъ, гдѣ было ужъ и совсѣмъ просторно. Не имѣется у насъ ни преданій, ни историческихъ свѣдѣній о какой-нибудь хотя мало-мальской борьбѣ пришлыхъ славянъ съ туземными финнами. Тутъ рѣшительно не было завоеванія съ его ожесточающими, развратительными послѣдствіями. Не было его, собственно говоря, и позже, по приходѣ варяговъ. Добровольно призванные славянами, а не насильно обрушившіеся на нихъ, какъ обрушились германцы на римскій міръ, князья со своими дружинами если позже и пустили въ дѣло мечи свои—для собранія прочихъ племенъ (не участвовавшихъ въ призваніи) подъ власть свою, то съ иными племенами и тутъ порѣшили мирно; вообще же не прибѣгали къ обычнымъ послѣдствіямъ прямого, настоящаго завоеванія, къ раздѣлу земли между побѣдителями. Дѣленія на два слоя — завоевателей, съ безограниченіемъ правъ, и завоеванныхъ, вовсе лишенныхъ права, и долгой борьбы исторической, вслѣдствіе такого дѣленія — ничего подобнаго въ нашей исторіи не было.

Начало завоевательное коснулось нашей древней жизни только въ видѣ прививки. Вслѣдствіе этого, не была у насъ подавлена общинность, подготовившая почву для христіанства. Не надобно забывать и того, что оно пришло къ намъ гораздо позже, чѣмъ къ западно-европейскимъ народамъ,

т. е. пришло въ такую пору, когда общинность уже успѣла окрѣпнуть. Вотъ этимъ-то объясняется и сравнительно быстрая воспримчивость русскаго народа относительно христіанства, этимъ и никакъ не скудностью формъ нашего язычества, недостаточною развитостію у насъ міѳологій, или другими подобными же, въ томъ или другомъ направленіи, предубѣжденными заключеніями. Язычество наше, какъ совокупность повѣрій, преданій и обрядовыхъ дѣйствій, до сихъ поръ живетъ въ народѣ, двоевѣрно скрываясь подъ позднѣйшею христіанскою оболочкой. Но, не проникнувъ сквозь толстый слой міѳическихъ вѣрованій, христіанство, благодаря общинности, къ нему подготовившей, легко и сравнительно быстро проникло въ нравственные понятія народа. Такимъ образомъ древнѣйшія историческія условія были по преимуществу въ нашу пользу, и вотъ ими-то слѣдуетъ объяснить ту степень человѣческаго и свободнаго духа, которая заключается въ нашемъ эпосѣ. Это издавній плодъ общинности и первыхъ сразу ее озарившихъ лучей христіанства. Весь дальнѣйшій ходъ нашей исторической жизни вовсе не представлялъ удачнаго усвоенія преимуществъ, доставшихся намъ сначала. Христіанское просвѣщеніе, принявшееся такъ легко и давшее быстрые всходы, было скоро и на долгія времена задержано въ своемъ дальнѣйшемъ развитіи, подобно тому какъ въ нашемъ непостоянномъ климатѣ дары теплой и быстро наступившей весны нерѣдко бываютъ пришиблены внезапно наставшимъ долговременнымъ холодомъ. Дѣло въ томъ, что вмѣсто сосѣдства съ разлагавшеюся римскою имперіею, вызывавшею германцевъ на дѣйствія наступательныя, у насъ оказалось сосѣдство съ азіатскими кочевыми ордами, постоянно дѣлавшими нападенія на насъ и заставлявшими насъ обороняться. Вотъ эти-то обстоятельства, отъ которыхъ рѣдко сталъ раздаваться голосъ пахаря, даже въ чисто-земледѣльческомъ юго-западномъ краѣ, привели наконецъ къ тому, что рѣдко стала раздаваться и христіанская проповѣдь въ землѣ, такъ благопріятно подготовленной къ хри-

стіанству. Послѣ первыхъ задатковъ народнаго просвѣщенія, зачавшагося у насъ вмѣстѣ съ христіанствомъ и сказавшагося въ нашихъ былинахъ грамотностью столь многихъ богатырей, мало-по-малу оказался такой застой, что сдѣлались возможными даже священники совершенно безграмотные и что въ XVI в. даже члены боярскихъ родовъ могли, за дальностью разстоянія, оставаться безъ неотъемлемаго, по былинамъ, у святой Руси—„звона колокольнаго и пѣнія церковнаго“.

3. Старшіе богатыри.

О. Θ. Миллера.

Богатыри старшіе (первоначально боги), соотвѣтственно греческими титанамъ, отличаются силами исполинскими, а потому также разрушительными. Таковъ Святогоръ, который чувствуетъ, что могъ бы поднять всю землю, по другому же варианту онъ могъ бы смѣшать земныхъ съ небесными. Собообразно съ такою стихійною страшною силою, онъ невыносимо тяжелъ для земли; соразмѣрять тому и ростъ—вышелѣсу стоячаго, такъ что славнѣйшій изъ младшихъ богатырей—Илья Муромецъ предъ нимъ карликъ: безъ труда умѣщается у него въ карманѣ. Таковъ по объему тотъ богатырь-гора, которому подобно горѣ, и съ мѣста не сдвинуться, и для котораго получить ударъ отъ меча Ильи Муромца все равно, что за сучекъ зацѣпить или за камушекъ задѣть.

Точно такимъ же кажутся скандинавскому исполину Скримиру удары молота бога Тора, который, съ другой стороны, такъ же точно почуветь въ одномъ пальцѣ перчатки Скримира, какъ Илья въ карманѣ у Святогора. Послѣ всего этого богатырь-гора едвали не тождественъ со Святогоромъ, что отчасти указывается и именемъ этого послѣдняго. Если же вспомнить первоначальное мифическое значеніе горы, то придется признать этихъ старшихъ богатырей антропоморфическими исполинскими мифами тучъ. Ихъ неподвижность можетъ

обозначать сплошныя, надолго залегшія небо, тучи. Напротивъ, уже подвижными, даже бродячими, странствующими являются очень хорошо знакомые съ Святогоромъ и чрезмѣрностію силъ къ нему подходящіе—богатыри, скрывающіеся подъ позднѣйшимъ именемъ калѣкъ-перехожихъ; на значеніе ихъ, какъ бродячихъ тучъ, указываетъ то носимое ими питьецо, при помощи котораго исцѣляютъ они Илью Муромца (та же живая вода—т. е. дождь).

Вольга Буслаевичъ.

Къ числу богатырей, стоящихъ какъ бы въ сторонѣ отъ плотнаго богатырскаго круга кіевскаго, относится Вольга Буслаевичъ (ихъ Волхъ Всеславичъ). Изъ рода младшихъ богатырей выдвигается онъ по тому потрясающему впечатлѣнію, какое еще младенцемъ производитъ на всю природу. Это колебаніе матери сырой земли, когда онъ, еще только полуторачасовой, уже „какъ“ громъ гремитъ, объясняется только уничтоженіемъ союза „какъ“ (что уже оказалось намъ нужнымъ для возстановленія миѳовъ), послѣ чего въ немъ придется видѣть ужасающую, исполнскую силу грома, этого своего рода Горыныча (въ смыслѣ миѳической горы-тучи). Если же упомянутое выше, какъ одна изъ особенностей старшихъ богатырей оборотничество, собственно принадлежитъ между ними одному Вольгѣ, то и оно, въ настоящемъ случаѣ, можетъ быть, служить миѳическимъ указаніемъ на то же явленіе, на ту безконечную смѣну самыхъ разнообразныхъ, но причудливыхъ образовъ, какіе принимаются громовыми тучами. Но въ настоящемъ видѣ былины оборотничество служитъ Вольгѣ пособіемъ въ дѣлѣ, уже совершенно земномъ. Если всѣ тѣ животныя, которыхъ видѣли въ тучахъ, должны были быть созданы воображеніемъ людей, жившихъ еще звѣроловнымъ бытомъ, то не мудрено, если и то небесное существо, которое проходило чрезъ всѣ эти образы, при существованіи въ немъ уже и образа человѣческаго, могло

представиться звѣроловамъ небеснымъ. Такимъ и представляется Вольга въ нашихъ былинахъ. Но быть звѣроловомъ, какъ намъ уже извѣстно, тѣсно связанъ и съ бытомъ воинскимъ. И вотъ тотъ самый Вольга, при помощи того же мионческаго оборотничества, совершаетъ и воинскіе походы.

Но ежели первоначальный образъ долженъ былъ сложиться еще въ пору звѣроловнаго быта, то къ изначаловоинскимъ его сторонамъ могли примыкать и воинскія черты несравненно позднѣйшаго уже историческаго времени. Впаденіе его въ историческій типъ и вмѣстѣ съ тѣмъ измѣна типу мионческому съ особенной ясностію сказываются тамъ, гдѣ онъ собираетъ себѣ дружину. Въ этомъ случаѣ, ему какъ будто и не хватаетъ его собственныхъ силъ, и онъ такимъ образомъ даже болѣе измѣняетъ своему прежнему божественному характеру, чѣмъ богатыри младшіе, умѣющіе, какъ всѣмъ извѣстно, совершать свои подвиги и безъ дружины. Надѣленіе дружиною богатыря Вольги могло, очевидно, совершиться только въ ту пору, когда въ самой жизни, въ самомъ быту появилась у насъ дружина княжеская; вотъ онъ является княземъ дружиннымъ, даже собирателемъ дани съ тѣхъ городовъ, которые дастъ ему тутъ во владѣніе — не кто другой какъ Владиміръ князь. Имя яснаго солнышка кіевскаго, обыкновенно являющагося ласковымъ хозяиномъ уже младшихъ богатырей, такимъ образомъ связывается тутъ съ однимъ изъ богатырей старшихъ. При подобномъ сближеніи позднѣйшаго историческаго съ самымъ древнимъ мионческимъ, что мудренаго, ежели къ воинственно-изворотливому образу богатыря Вольги могли еще раньше примкнуть и полуживотническія преданія о князѣ, предшественникѣ Владиміра, Олегѣ Вѣщемъ, что ни мало не помѣшало пожаловать этого послѣдняго въ племянники ясному солнышку кіевскому. Когда-то мионческое оборотничество Вольги, по мѣрѣ усиленія въ немъ очеловѣченности, стало представляться умѣлостію, хитростію; а такія свойства сохранились въ народной памяти и за Олегомъ, самое имя котораго, по народному способу

произношенія—Олегъ, Вольгъ,—близко подходило къ имени Вольги или Вольга. Отсюда-то и возможность совпаденія опозитизированнаго образа князя Олега съ образомъ очеловѣченнаго и тѣмъ самымъ сведеннаго на землю бога-богатыря Вольги. Извѣстно, что и въ лѣтописи Олегъ является отчасти лицомъ сверхъестественнымъ; онъ—Олегъ Вѣщій, т. е. вѣдунъ, знахарь, чародѣй, его чрезвычайная хитрость умудряется до чудесъ въ походѣ его на грековъ. Однимъ словомъ, уже въ лѣтописи Олегъ вошелъ отчасти такимъ, какимъ становился онъ въ поэтическихъ созданіяхъ народа. Поэтому-то и въ былинахъ, можетъ быть, къ нему же относилось свидѣтельство, что онъ если не силою возьметъ, то хитростью; съ другой же стороны, можетъ быть, даже память о походѣ его на Царьградъ сохраняется чисто въ баснословномъ преданіи былины о томъ, какъ Вольга одержалъ побѣду надъ Турецъ-Санталомъ, при помощи своего оборотничества.

4. Младшіе богатыри.

О. И. Буслаева.

Съ утратою языческаго вѣрованія, миѳъ, какъ бы онъ ни былъ заманчивъ по своему поэтическому содержанію, уже перестаетъ быть выраженіемъ и оберегателемъ народнаго сознанія. Онъ только забавляетъ, какъ сказка о какихъ-нибудь несбыточныхъ диковинахъ, но не внушаетъ къ себѣ довѣрія и уваженія, какими пользуется собственно богатырскій эпосъ, имѣющій предметомъ не боговъ, которымъ уже никто не вѣритъ и никто не поклоняется, а обыкновенныхъ смертныхъ, которые въ идеальныхъ типахъ богатырей становятся настоящими представителями народа, образцами всего, что почитаетъ онъ въ себѣ доблестнымъ и достойнымъ всякаго уваженія.

Къ младшимъ богатырямъ принадлежатъ всѣ тѣ, которые при князѣ Владимірѣ являются представителями мѣстныхъ, провинціальныхъ силъ и сословныхъ интересовъ древней

Руси. Эти герои новой исторической эпохи уже не помнят своихъ родственныхъ связей съ мифическими предками.

Богатырскій эпосъ называетъ ихъ сыновьями уже обыкновенныхъ смертныхъ, и при томъ такихъ людей, о которыхъ не находятъ нужнымъ распространяться, видя въ нихъ мало интереснаго для своей публики. Зато эпосъ съ особенною любовью медлитъ на характеристикѣ матерей младшихъ героевъ, изображая ихъ обыкновенно вдовами.

Все эти спутники ласковаго князя стекаются къ нему въ Кіевъ изъ разныхъ мѣстъ, безъ сожалѣнія покидая свою родину и отца съ матерью. Прерывая связь съ родною стариною, они становятся даже ея врагами, поражая и сокрушая ея остатки въ чудовищахъ и великанахъ, съ которыми ведутъ постоянную борьбу. Кто истребляетъ Змія Горыныча, кто полонитъ Соловья Разбойника, кто побѣждаетъ Тугарина, кто великана Шарка?

Только Илья Муромецъ, наиболѣе всесторонній и совершеннѣйшій типъ русскаго богатыря, относится къ старинѣ не съ одною враждой. Онъ наслѣдовалъ силу отъ великана Святогора, былъ ему меньшей братъ и учился у него вѣмъ похваткамъ и поѣздкамъ богатырскимъ, какъ сѣверные боги учатся премудрости отъ маститыхъ великановъ.

Все богатыри князя Владиміра народъ молодой, безбородый; даже самый эпитетъ молодой или младъ постоянно придается Дюку Степановичу, Михаилу Казарянину, Чурилу Пленковичу и Алешѣ Поповичу. Эпическій герой, по понятіямъ народа, одаренъ свѣжими, молодыми силами, потому и называется молодцемъ, добрымъ молодцемъ. Не зрѣлое сужденіе и опытность руководятъ его дѣйствіями, а удадь и надежда на удачу, потому онъ удалой, удача добрый молодецъ. Обыкновенно являются богатыри при дворѣ князя Владиміра холостыми, и потомъ уже смышляютъ себѣ невѣсту и женятся.

Самъ Владиміръ князь такой же безбородый юноша, какъ и его спутники, даже моложе ихъ: „Все вы переженены, го-

ворить онъ имъ однажды: только я, князь, не женатъ, холостъ хожу“.

Поэтому-то при дворѣ Владиміра часто играютъ веселые свадьбы, но похоронъ не бываетъ. Всѣ молоды и здоровы, всѣ пируютъ, пьютъ и веселятся.

Илья Муромецъ опять отличается отъ другихъ богатырей. Онъ не только не юноша, но даже сѣдой, матерый богатырь, съ сѣдою бородою. Сѣдина — отличительная примѣта Ильи:

Не бѣлы снѣжки въ чистомъ полѣ забѣлѣлися:

А забѣлѣлася у него буйная головушка,

Съ частой со сѣдой мелкой бородушкой.

Безъ сомнѣнія, уже бородатый прибылъ Илья ко двору князя Владиміра, потому что еще дома сидѣя сидѣлъ тридцать лѣтъ.

Илья Муромецъ умнѣе и благоразумнѣе своихъ богатырскихъ товарищей не потому только, что онъ изъ любимаго крестьянскаго сословія, но и потому, что онъ старше ихъ всѣхъ, опытнѣе, больше ихъ жилъ на свѣтѣ, больше видѣлъ и больше испыталъ. Потому онъ надъ ними начальствуетъ, какъ атаманъ, и называетъ ихъ своими „ребятунками“. По лѣтамъ они годятся ему въ сыновья.

Ничто великое не совершается богатырями безъ участія Муромца. Онъ ведетъ ихъ на враговъ и распределяетъ каждому дѣло по силѣ.

Итакъ, хотя съ младшими богатырями выступаетъ на свѣтъ новое, молодое, безбородое поколѣніе, но эпосъ, всегда вѣрный природѣ и историческому теченію жизни, даетъ въ руководство молодой рьяности и отвагѣ благоразуміе и опытность старины, представителемъ которой, во всемъ, что она сберегла лучшаго и достойнаго, является при дворѣ князя Владиміра муромскій крестьянинъ.

Въ богатырскомъ эпосѣ русскій народъ прославляетъ воинскіе подвиги и доблести своихъ героевъ, забывая на

время ежедневные труды мирнаго земледѣльца. На самой ранней порѣ, только что Русь вышла на историческое поприще, тревожная эпоха междоусобій, особенно въ главныхъ сосредоточіяхъ русской жизни, заглушала воинскимъ шумомъ и гамомъ мирные голоса земледѣльческаго населенія.

Не идиллія земледѣльческаго быта, на многіе вѣка остановившагося въ своемъ развитіи, дала содержаніе нашему народному эпосу; не мирные поселяне съ ихъ однообразными скромными привычками, искали для себя поэтическое отраженіе въ богатырскихъ идеалахъ; не въ тѣсныхъ стѣнахъ деревенской избы сосредоточила свои симпатіи творческая фантазія, населившая русскую старину богатырскими доблестями. Впервые пробудившійся духъ историческаго движенія, съ свѣжею энергіей, увлекаетъ въ своемъ потокѣ эти новыя историческія силы, такъ разнообразно направленныя въ ихъ тревожной дѣятельности, то въ отдаленныхъ поѣздкахъ богатырей, завоевывающихъ цѣлыя страны и собирающихъ съ нихъ дань, то въ защитѣ русской земли отъ сосѣднихъ хищниковъ, то въ борьбѣ съ чудовищами, то въ молодецкомъ похищеніи себѣ женъ, подобно римлянамъ маститыхъ временъ Ромула и Рема. И Муромъ, и Рязань, и Ростовъ, и другія родныя мѣста бросаютъ богатыри и временщики тянутъ къ Кіеву, не потому чтобы не дорога была для нихъ родная сторона, но потому что движеніе историческое сосредоточивается для нихъ въ Кіевѣ въ лицѣ ласковаго князя Владиміра; потому, что уже нечего имъ дѣлать дома, въ тѣсной обстановкѣ до-историческаго быта, потому что новыя силы ищутъ простора для своей дѣятельности и находятъ въ княжеской дружинѣ достойную для себя задачу—въ zaloженіи первыхъ основъ исторической на Руси жизни. Далекія области благословеніями напутствуютъ своихъ представителей, отправляющихся къ кіевскому князю на службу, не жалѣя, что въ своихъ богатыряхъ расстаются онѣ съ лучшими силами, какія могли только возникнуть на ихъ родной почвѣ; потому что этимъ силамъ суждено было созрѣть и вполнѣ

развиться уже въ иной обстановкѣ, болѣе благопріятной для историческаго движенія. Только Новгородъ ревниво отстаиваетъ свои права, и не хочетъ подѣлиться съ Кіевомъ ни Садкомъ, ни Васильемъ Буслаевымъ.

5. Илья Муромецъ.

Л. Н. Майкова.

Главное лицо между богатырями-дружишниками, окружающими Владиміра, есть Илья Муромецъ, знаменитѣйшій представитель русскаго богатырства, побѣдитель Соловья разбойника и Идолища, заступникъ князя Владиміра предъ татарскимъ нашествіемъ.

Илья Муромецъ—сынъ крестьянина; онъ дорожитъ своими родовыми связями съ сельскимъ населеніемъ, и созданное ими общественное положеніе не хочетъ мѣнять на иное, даже болѣе значительное; такъ смолягинцы (по другимъ пересказамъ черниговцы), которыхъ онъ освободилъ отъ татарской осады, зовутъ его къ себѣ воеводою, но онъ отказывается:

«Не дай Господи дѣлати съ барина холопа,
Съ барина холопа, съ холопа дворянина,
Дворянина съ холопа, изъ попа палача,
А также изъ богатыря воеводу».

Уже съ запасомъ знаменитыхъ подвиговъ приходитъ онъ ко Владиміру: онъ заявляетъ о своей побѣдѣ надъ Соловьемъ разбойникомъ, и непостижимо, невѣроятно кажется Владиміру это торжество надъ страшнымъ великаномъ, долговременнымъ врагомъ людей кіевскихъ; сила, никѣмъ не виданная доселѣ, необходима была для такого дѣла, и именно силою-ухваткою, какъ отличительною чертою, былины характеризуютъ Илью. Только ей одной покоряется Соловей разбойникъ: онъ не слушаетъ приказовъ князя Владиміра и говоритъ ему въ отвѣтъ:

«Не твоя слуга, не тебя и слушаю:
Я служу и слушаю Илью Муромца!

Чуя приближеніе этой могучей силы, другой противникъ Ильи, Збуть Королевичъ, отвязываетъ своего пса отъ стрелы, отпускаетъ съ руки яснаго сокола, приговаривая имъ:

А теперь мнѣ не до тебя пришло.

Въ сознаніи своей неодолимой силы Илья даже не всегда употребляетъ ее въ дѣло, но только заявляетъ о ней врагамъ: въ чистомъ полѣ напали на него разбойники; Илья не защищается:

Что снимаетъ ли старый свой тугій, крѣпкій лукъ,
Онъ пускаетъ ли калену стрѣлу во сырой толстый дубъ,
Раскололъ онъ этотъ дубъ на четыре грани,
Вотъ и тутъ ли разбойнички испугались,
По чистому полю разбѣжались.

Вмѣстѣ съ этой неодолимой силой плоти нашего богатыря, отличаетъ его талантъ-участъ, его судьба, которую онъ самъ себѣ создаетъ, руководимый своими нравственными свойствами и инстинктами:

Стоить не шатнется,
На буйной головѣ колпакъ не тряхнется.

Такъ же стоекъ онъ и въ людскихъ отношеніяхъ: среди пестрой дружины княжеской онъ вѣрный представитель крестьянства; на врага въ чистомъ полѣ онъ смотритъ не изъ трубочки серебряной, какъ Добрыня, а по просту изъ кулака молодецкаго; богатство ему не къ разуму, онъ не принимаетъ на себя никакихъ обязанностей, кромѣ долга богатырскаго, ради котораго онъ пришелъ въ Кіевъ,

Къ князю Владиміру
На положеніе и сбереженіе.

Эти слова свидѣлствуютъ, съ какою довѣрчивостью смотритъ Илья на самого князя; порою это чувство переходитъ

въ нѣжную отеческую заботливость: Владиміръ просить Илью заставить Соловья свистнуть громкимъ голосомъ, Илья исполняетъ просьбу только съ слѣдующею предосторожностью:

Ужъ ты, батюшка нашъ, Владиміръ князь!
Не во гнѣвъ бы теѣ, батюшка, показалосе:
Я возьму тея, батюшку, подъ пазушку,
А княгиню-то подъ другую.

Тоже благодущіе видно и въ обращеніи Ильи съ его товарищами—богатырями. Онъ одинъ старикъ между ними, но не раздражительно, а степенно, съ благоразуміемъ, личнымъ челоуѣку опытному и бывалому, относится къ людямъ иного, юнѣйшаго поколѣнія; то помогаетъ ослабѣвающему въ битвѣ Добрынѣ, то учитъ Дюка богатырской поѣздкѣ, то, стоя на заставѣ, разсуждаетъ о правѣ товарищей, и сообразно съ нимъ опредѣляетъ, кому идти противъ приближающагося врага. Однажды Алеша Поповичъ раздосадовался на Илью; но и тутъ Муромецъ не вышелъ изъ себя или, лучше сказать, великодушно сдержалъ свой гнѣвъ: Алеша кинулъ въ него ножемъ:

Пымаль на полету Илья булатный ножъ,
Взоткнулъ его въ дубовый столъ.

Илья благодущенъ даже съ врагами. Мы видѣли выше, какъ онъ только пугнулъ своей силой разбойниковъ, на него напавшихъ. Только врагамъ иноплеменнымъ онъ не знаетъ пощады: при осадѣ Чернигова

Побиваетъ онъ всѣхъ татаръ черныхъ
Съ перваго до послѣдняго.

Съ благодущіемъ въ правѣ его соединяется и скромность: побѣдивши врага, котораго не могъ одолѣть никто другой изъ богатырей, Илья ограничивается слѣдующею похвальбою:

Ѣздилъ во полѣ тридцать лѣтъ,—
Экаго чуда не наѣзживалъ.

Благодушіе и скромность не мѣшаютъ, однако, Ильѣ сохранять полную независимость своего характера. Эту независимость онъ обнаруживаетъ преимущественно въ своихъ отношеніяхъ къ княжескимъ дружинникамъ. Простой крестьянинъ не подчиняется образу ихъ дѣйствій и поступковъ; такъ, при наступленіи Мамаю на Кіевъ, Владиміръ совѣтывается съ дружиною о томъ, какъ съ нимъ воевать. Трусливые князья и бояре говорятъ:

Что дѣлать надо стѣну бѣлокаенну,
Да засыпать желтымъ пескомъ.

А Ильа подаеть совѣтъ:

Послать къ Мамаю скоро гонца,
Попросить сроку на три мѣсяца,
Что бы силамъ намъ поисправиться,
А могучимъ богатырямъ посяѣхаться.

Врагъ наущничества, Ильа самъ дѣлается жертвою боярской клеветы; однажды бояре подмолвились князю:

«Гой еси, батюшка, Владиміръ князь,
Всѣмъ то намъ твои дары по любви пришли,
Одному-то удалому молодцу
Дары тѣ не по любви пришли,
Что по имени-то Ильѣ Муромцу».

И князь велитъ Илью посадить въ глубоку погребъ.

Такимъ образомъ, уступая навѣтамъ боярскимъ, Владиміръ нарушаетъ дружественныя отношенія къ Муромцу.

Съ своей стороны, и Муромецъ начинаетъ подозрительно смотрѣть на князя, къ которому такъ довѣрчиво относился сначала; однажды Ильа приходитъ на пиръ Владиміровъ, не узнавъ княземъ и посаженъ имъ не съ боярами, и съ дѣтьми боярскими:

«Не умѣлъ ты гостя на пріѣздѣ учествовать,
На отъѣздѣ гостя не учествуешь,
Самъ ты сидѣлъ съ воронами,
А меня посадилъ съ воронятами,»

отвѣчаетъ онъ Владиміру. По другой былинѣ, Владиміръ забылъ позвать Илью къ себѣ на пиръ:

Тутъ Ильюшенькѣ стало зарко,—
Скоро онъ тянулъ тутъ лукъ,
Кладываетъ стрѣлочку каленую,
Стрѣдилъ онъ тутъ по Божьимъ крестамъ,
По тымъ маковкамъ золоченымъ.

Нѣкоторыя былины только и знаютъ что враждебныя отношенія между Владиміромъ и Ильей, даже при первомъ его появленіи; другія вмѣстѣ съ ссорой знаютъ и примиреніе Ильи съ княземъ. Вообще многія былины придаютъ Ильѣ прозвище стараго казака и атамана, вѣроятно, подъ вліяніемъ позднихъ непріязненныхъ отношеній между высшимъ классомъ и крестьянствомъ; какъ извѣстно, эти отношенія содѣйствовали распространенію казачьихъ вольницъ на русскихъ украинахъ. Представляемый казакомъ Илья Муромецъ въ одной казачьей пѣснѣ становится даже современникомъ и товарищемъ Стеньки Разина. Въ ладу или не въ ладу съ княземъ, Илья всегда подчиняетъ свои подвиги, свою дѣятельность началу нравственному и религіозному: отправляясь изъ дому въ Кіевъ, онъ ставитъ часовню съ своимъ именемъ или даже служить обѣдни запрестольныя, кладетъ завѣты великіе, ставитъ свѣчу дорогую и сулитъ другую еще дороже за поправленіе во пути, во дороженькѣ. Его подвиги не безцѣльный размахъ силы, но защита слабымъ и угнетеннымъ.

Тѣснимый врагомъ Соколыничкомъ, Илья взмолился Богу:

Сколько я стоялъ за вѣру христіанскую,
Еще болѣе я стоялъ за церковь Божію;
Сколько я стоялъ за благочестивыхъ вдовъ,
За тѣхъ благочестивыхъ вдовъ, за безмужныхъ женъ;
Благочестивыя жены, безмужніи вдовы,
Онѣ были богомольныя,
День и ночь онѣ Богу молятся.

Конечно, цѣною этихъ подвиговъ заслужилъ онъ милость свыше; по крайней мѣрѣ былины вводятъ въ его судьбу непосредственное участіе силъ неземныхъ.

Написано было у святыхъ отцовъ,
Удумано было у апостоловъ—
Не быть Ильѣ въ чистомъ полѣ убитому.

Этотъ то завѣтъ и осуществленъ въ томъ, что Илья окаменѣлъ въ Киевскихъ пещерахъ.

Это религіозное освященіе личности Ильи Муромца объясняется тѣмъ, что въ лицѣ его народное творчество съ большею полнотою воплотило лучшія нравственные понятія и стремленія русскаго народа и потому, естественно, могло не связать ихъ съ народными вѣрованіями и религіозными убѣжденіями.

6. Василій Буславъ.

Н. И. Костомарова.

Ничто такъ хорошо не изображаетъ новгородскихъ нравовъ и явленій древней и общественной жизни, какъ превосходная пѣсня о Васкѣ Буслаевѣ. Хотя она сильно расцвѣчена сказочнымъ эпосомъ, но дѣйствительность проглядываетъ изъ-подъ фантастическихъ красокъ во всемъ существѣ своемъ. Буслаевъ изображается знатнымъ, богатымъ, можетъ быть, бояриномъ. Противники его—мужики, слово позднѣйшаго быта, замѣнившее древнее названіе—простая чадь. Старый Буслай жилъ, по выраженію пѣсни, девяносто лѣтъ, т. е. долго, и соблюдалъ миръ съ простою чадью; онъ не перечилъ—поперекъ слова ей не говаривалъ, ладилъ съ народомъ новгородскимъ, ни со Псковомъ, ни съ Москвою не вздоривалъ; а потому-то все житье-бытье свое (дворянское, по выраженію новому, вмѣсто боярское) передалъ въ цѣлости сыну. Мать Василя, послѣ смерти Буслая, стала главою дома. Жена теряется при мужѣ; вдова получаетъ полную независимость и значеніе. Мать отдаетъ сына въ науку.

Пѣсня говорить, чему учился Василій, сынъ Буслая, то есть чему слѣдовало учиться по тогдашнему понятію: грамотѣ, письму и пѣнію церковному. Всему этому выучился Василій. Пѣніе церковное считалось верховъ образованности. Пѣсня распространяется объ этомъ достоинствѣ своего героя:

И нѣтъ у насъ такова пѣвца
Во славномъ Новгородѣ
Супротивъ Василія Буслаевича.

Какъ сталъ онъ доходить до возраста юношескаго, стали его обучать и воинскимъ наукамъ; и ощутилъ онъ въ себѣ великую ратную силу, какъ познакомился съ копьемъ вострымъ, воинскою палицею и разрывчатымъ тугимъ лукомъ.

Наслѣдникъ богатства, оставленный подъ слабымъ надзоромъ матери, Василю ищетъ жизни, простора, приволья: хочется ногамъ расходиться, рукамъ размахнуться. И онъ сталъ ходить на улицу на Рогатицу, и сдѣлался приманкою для пѣяницъ, гулякъ, которые составляли обычный образецъ новгородской вольной жизни. Это были тѣ, что при случаѣ дѣлались матеріальною силою партій и заговоровъ подъ покровительствомъ сильныхъ и богатыхъ, отваживались чинить смуты и толки, а иногда и сами составляли шайки, на разбой ходили, городъ поджигали... ребята неразсудные, безумницы, не помышляли о будущемъ, пускались на отважное дѣло, хотя успѣха въпереди не видѣли; люди веселые—не разсуждали, что за весельемъ часто горе бываетъ; люди добрые для тѣхъ, съ кѣмъ въ дружбѣ, грудью за нихъ станутъ; люди буйные, разудалые—и святыня храма ихъ не удержитъ, въ церковный подвалъ полѣзутъ, сторожа церковнаго убьютъ. Съ такими поводился Василій; поить ихъ допьяна, самъ пьянъ напивается, шумить, буянить по улицѣ по Рогатицѣ, дерется со встрѣчными: въ рукахъ силы много, въ груди удали много; кровь молодая кипитъ, согрѣтая виномъ; словно сказочный Ерусланъ Лазаревичъ—тому руку вывихнетъ, этому ногу переломитъ. Мужики идутъ на него съ

челобитною, да не къ посаднику, а къ матушкѣ; ясно, что его шалости преувеличены, еще видно, онъ не надѣлалъ большой бѣды, а только одному, другому далъ затрещину, тѣ съ нимъ не могли сладить: и самъ силенъ и товарищи за него; идутъ къ матушкѣ: „Честная вдова“—говорятъ ей, „уйми ты свое чадо милое! Не хороши шутки сталъ онъ пошучивать! А то вѣдь съ такой удачей молодецкой накусить ему рѣка Волхова“. Мать стала журить сына. Удалецъ присмирѣлъ, покоряется матери, а самъ злится на мужиковъ; хочетъ имъ отплатить. Можетъ быть, съ жалобой и угрозы были: мужики нападутъ на него и отколотятъ; надобно себѣ запастись товарищами, дружиною, а то враговъ много можетъ собраться. Прежде онъ водился съ ярыгами, гуляками по вдохновенію, съ кѣмъ придется встрѣтиться на улицѣ на Рогатищѣ. Но гуляки встрѣчные могли его оставить; они ему чужіе,—это такіе товарищи, что вечеромъ погуляютъ вмѣстѣ, а утромъ въ глаза не узнаютъ. Есть въ народной жизни покрѣпче союзъ. Василій хочетъ подобрать себѣ названныхъ братьевъ, побратенниковъ. Это союзъ на жизнь и на смерть, такой союзъ, что измѣнить ему грѣхъ смертный, все равно, что на роту идти не въ правду.

Издавна еще, въ языческія времена, былъ обычай, что богатыри устанавливали между собою названное братство, иначе побратенничество, у южныхъ славянъ побратимство. Одинъ передъ другимъ давалъ клятву быть вмѣстѣ, какъ одинъ человѣкъ, другъ другу во всемъ помогать, другъ друга изъ бѣды выручать, жизнью за друга жертвовать, за смерть друга мстить. Подъ вліяніемъ христіанства этотъ обычай получилъ религіозное освященіе. Это—исконная принадлежность нравственныхъ понятій всѣхъ народовъ аріійскаго племени; до сихъ поръ, этотъ обычай сохранился у афгановъ. У древнихъ грековъ онъ является въ дружбѣ Ахилла и Патрокла, Тезея и Нейриоа, Геркулеса и Иола, Ореста и Пиллада; на противоположномъ концѣ Европы у скандинавовъ онъ сопровождался завѣтными символическими обрядами.

У насъ этотъ союзъ связывалъ древнихъ богатырей сумрачно героической эпохи Владиміра Краснаго Солнышка и почитался до того священнымъ, что богатырь упорный и неустрашимый терялъ духъ, когда увидалъ величайшее въ мірѣ беззаконіе—своего названнаго брата, идущаго противъ него съ оружіемъ. Этотъ союзъ существовалъ въ новгородскихъ нравахъ, сохранившихъ чистоту древнихъ славянскихъ жизненныхъ началъ. Вотъ какъ удалецъ отыскиваетъ себѣ такихъ братьевъ. Василій Буслаевъ ставитъ чанъ вина посреди двора и опускаетъ туда огромную чару, или ковшъ. Его слуги понесли по Новгороду записки:

Кто хочетъ пить и ѣсть изъ готоваго,
Вались къ Васькѣ на широкій дворъ;
Тотъ пей и ѣшь готовое,
И носи платье разноцвѣтное...

Замѣчательно, какъ измѣнялся древній обычай подъ вліяніемъ дальнѣйшаго развитія жизни. Прежде названные братья были равны между собою, хотя бы и много ихъ было въ одномъ братствѣ:—все у нихъ было общее; братъ считалъ братнее своимъ имуществомъ; самая жизнь принадлежала брату. Василій въ своихъ запискахъ предлагаетъ свое достояніе тѣмъ, кто придетъ къ нему на братство; но онъ не показываетъ притязанія самому имѣть право считать своимъ достояніемъ имущество названныхъ своихъ братьевъ.

Названные братья ниже его по достоинству: они его пособники, вассалы, его дружина. Онъ надъ ними старшина, онъ ихъ будетъ поить и кормить. Древнее равенство отъ усложненія общественныхъ связей ниспускается до кліентства, хотя еще не дошло до наемничества. Новгородская свобода подорвала первобытное равенство отношеній; но она же не допуститъ до униженія одной стороны предъ другою, такъ какъ она же хотя и возвышала бояръ въ Новгородѣ, не допускала черный народъ до безгласнаго порабощенія боярамъ. Приходящій вступалъ въ союзъ съ Васи́ліемъ и

хотя былъ меньшимъ предъ нимъ, однако все-таки братомъ; такъ точно, какъ и Псковъ: хотя былъ меньшимъ, а все-таки братомъ, а не подчиненнымъ Великому-Новгороду. Вѣсть о призывѣ на братство разнеслась быстро. Въ славномъ Новѣ-городѣ тогда были грамотные люди. Большой литературной образованности, конечно, не было; за то грамотность тогда должна была быть обычнымъ дѣломъ. Вѣчевыя дѣла тогда производились письменно; концы, улицы составляли приговоры, другъ съ другомъ переписывались; торговыя и гражданскія сдѣлки совершались на письмѣ. Сами пастыри русскіе признавали за новгородцами то достоинство, что они были народъ книжный. Замѣчаніе въ пѣснѣ о грамотныхъ людяхъ въ Великомъ-Новгородѣ осталось, какъ воспоминаніе угасшей старины для послѣдующихъ вѣковъ, когда уже пѣсня приняла измѣненную подъ вліяніемъ московской народности редакцію.

Когда сзывались братья съ улицы, нельзя же было принимать всякаго охотника въ братство безъ опыта. Въ пѣснѣ Буслаевичъ испытываетъ своихъ названныхъ братьевъ такимъ способомъ: прихожій молодецъ пойдетъ къ поставленному по срединѣ двора чапу съ виномъ, выпьетъ чару—Василій ударитъ его дубиною въ двѣнадцать пудъ. Молодецъ стоитъ не шевельнется, и на буйной головѣ кудри у него не тряхнутся. Это значило годится молодецъ въ побратенники. Въ переводѣ на историческій языкъ, этотъ эпическій образъ означаетъ, что Василій боролся съ каждымъ или дрался на палкахъ, по новгородскому обычаю. Такъ точно и у скандинавовъ, нерѣдко два богатыря сходились между собою на поединокъ; когда одинъ узнавалъ, что другой такъ-же силенъ и неустрашимъ, какъ онъ самъ, то оба кидали оружіе, бросались другъ къ другу въ объятія и заключали взаимное братство.

Такъ сходились молодцы къ Василию. Пришелъ Костя новоторжанинъ; пришли Потанюшка хроменькій, Хомушіка горбатенькій, пришли потомъ два сына боярскіе, братья род-

ные; пришли мужики Залѣшане,—семь братьевъ Сбродовичи. Всѣхъ надо было опробовать. Кто выдерживалъ испытаніе, тому Василій говорилъ:

А и будь мнѣ названный братъ,
И паче мнѣ брата родимаго!

Но приходившіе охотники не всѣ выдерживали нелегкое испытаніе. Были такіе, что заходили невпопадъ, слишкомъ на себя понадѣявшись, ихъ изломають и за ворота выбросятъ.

И прибралъ Василій много много товарищей,
Набралъ онъ ихъ три дюжины въ Новѣградѣ,

и пошелъ Василій со своими названными братьями искать приключеній и случая начать задоръ съ повгородцами—отмстить имъ за то, что они на него жаловались.

Была братчина Никольщина. Это было обычное увеселеніе на Руси. Братчина носила характеръ правильно организованной общины. Каждый участникъ давалъ отъ себя часть, и это называлось ссынь. Избирали пироваго старосту, который долженъ былъ учреждать пиръ и наблюдать порядокъ. Встарину, при соблюденіи патріархальныхъ отношеній, ссынь давалась натурой—съѣстными припасами, солодомъ, ячменемъ, медомъ для напитковъ. Но въ послѣдствіи стали ссыпщики давать свою часть деньгами, а пировой староста распорядился покупою. Сумма эта, какъ видно, хотя и опредѣлялась заранѣе, но иной ссыпщикъ могъ дать и больше другихъ, смотря по достатку и по щедрости. Братчина на этотъ разъ отправлялась въ приходъ св. Николая—вѣрно по поводу храмоваго праздника. Церковный староста былъ старостою пира. Распорядители братчины не звали Василя; но Василій пришелъ самъ въ братчину со своими побратенниками; спрашиваетъ, по сколько въ братчинѣ съ брата берется, и самъ даетъ за себя и за товарищей гораздо большую сумму, чѣмъ платилось вообще; но собственно за свою особу онъ даетъ въдесятеро больше, чѣмъ за каждого товарища: за

себя пятьдесятъ рублей, за каждаго названнаго брата пять рублей. Здѣсь тоже видна потеря равенства отношеній: Василій считаетъ себя въ десять разъ выше своихъ побратениковъ.

На Василю была уже тайная злоба. Василій, заплативши больше всѣхъ и притомъ окруженный своею дружиной, сознавалъ свое первенство между всѣми, раздвигалъ братчиковъ, садился на переднее мѣсто, усаживалъ около себя товарищей. Мужики взглянули на него свысока и стали задирать его:

Званому гостю хлѣбъ да соль,
А незваному гостю и мѣста нѣтъ.

Въ этомъ замѣчаніи была уже угроза. Василій отвѣчаетъ имъ такую же двусмысленную угрозою:

Званому гостю много мѣста надо,
Много мѣста надо и честь большая;
А незваному гостю какъ Богъ пошлетъ.

Когда ссыпщики поѣли, попили, начались забавы молодецкія, стали молодцы между собою бороться, драться на кулаки и примѣрно сражаться: то были новгородскія забавы; но онѣ нерѣдко переходили въ дѣло серьезное, подъ пьяную руку. „Отъ того боя кулачнаго—говорить пѣсня—учинилась драка великая“.

Василій сталъ разнимать драку. Тутъ кто-то изъ мужиковъ, по прежней злобѣ, а можетъ быть и невзначай оплелъ его по уху; тогда Василій крикнулъ громкимъ голосомъ:

Гой еси, ты, Костя, новоторжанинъ,
И Лука, Моисей—дѣти боярскія!
Уже Ваську, меня бьютъ!

Тутъ бросились къ нему молодцы. Вся толпа выхлынула на улицу. Пошла потѣха. Мужикамъ достается; они кричатъ-ревутъ; а Василій видитъ, что ему везетъ счастье, разгорячился, крикнулъ на весь міръ:

Гой еси вы, мужики новгородскіе!

Бьюсь съ вами о великъ закладъ:

Напущаюсь я на весь Новгородъ

Битися, драться

Со всею дружиною.

Тако вы меня съ дружиною побьете Новымъ городомъ—

Буду вамъ платить дани, выходы по смерть свою,

На всякій годъ по три тысячи!

А буде я васъ побью,

И вы мнѣ покоритесь,

То вамъ платить мнѣ такову же дань!

Мужики новгородскіе смекнули, въ чемъ дѣло. Василій надѣется на свою дружину и думаетъ, что его противниковъ только и есть что на братчинѣ; но мужики связаны со всѣмъ Новгородомъ. Такого народа много найдется, что станетъ за нихъ, если дѣло на то пойдетъ. У всѣхъ есть пріатели.

Мужики говорятъ ему:

Ай же, ты, Васильюшка Буслаевичъ,

Загадываешь загадку великую:

Когда ты, Василій, удалъ е,

Пойдемъ же драться на мостикъ на Волховскій,

На тою на рѣченьку на Волхову,

Ты съ своими дружинами храбрыми,—

А мы будемъ драться всѣмъ народомъ.

Василію нельзя было итти на понятную. И вотъ ударились объ закладъ; написали записъ; приложили руки; заложили головы. Въ запискѣ постановлено: „Василію итти на Волховскій мостъ, поставить на мосту три заставы: Василій долженъ перейти черезъ всѣ заставы; если его свалятъ гдѣ нибудь на мосту, закладъ проигранъ, и его тогда казнить, а если онъ пройдетъ всѣ три заставы и собьетъ всѣхъ своихъ противниковъ, тогда ему заплатятъ“. Черта чрезвычайно любопытная; она открываетъ для насъ много въ старой дѣйствительности. Такіе заклады, какъ видно, были въ обычаѣ, и этимъ то, быть-можетъ, могли бы объясниться буйства въ Новгородѣ. Историческая основа этого дѣла та, что тогда

образовалось двѣ удалыя партіи: одна Васильева, другая противная; одна подъ рукою знатнаго богатаго боярина, другая изъ толпы — черни, молодчихъ людей; и держали они закладъ, чья сторона одолѣетъ въ дракѣ на мосту.

Обѣ стороны составили договоръ и подписались. Запись эта получила юридическій характеръ. Самò новгородское правительство ее признало. Матушка, узнавши, что ожидаетъ ея сына, побѣжала къ новгородскому князю хлопотать, нельзя ли какъ нибудь пріостановить споръ. Но чтò тутъ можетъ сдѣлать князь, когда договоръ написанъ и подписанъ съ обѣихъ сторонъ? Князю оставалось только казнить Василю, когда ему противная сторона выдастъ его. И князь отвѣчаетъ матушкѣ:

Тогда прошу, когда голову срублю.

Началась свалка на мосту—правильная, законная. Храбрая дружина Буслаева одолѣваетъ. Тутъ противники, чтобы не проиграть окончательно заклада, побѣжали къ матери Василю, принесли ей подарки и стали просить:

Матера вдова Амелѣа Тимоѣевна!

Прими у насъ дороги подарочки;

Уйми свое чадò милое!

Старуха естественно склонна къ тишинѣ и спокойствію. Она посылаетъ дѣвушку-чернавушку—взять Васеньку съ побоища и привести къ ней домой. Богатырь, отъ котораго трясется вся улица, покоряется безропотно:

Прибѣжала дѣвушка-чернавушка,
Схватила Ваську за бѣлы руки—
Потащила къ матушкѣ родимыя,
Притащила Ваську на широкій дворъ.

Покорность эта въ духѣ тогдашнихъ нравовъ и понятій. Въ семейномъ быту власть матери считалась священнѣе и выше власти отца. Безъ материнскаго благословенія не было удачи въ жизни. Рьяный неугомонный молодецъ дѣлался

ниже травы, тише воды передъ матерью. Тутъ былъ чистый расчетъ. Что же если удалецъ не послушаетъ, какая изъ этого ему корысть?—Материнскаго благословенія не будетъ: и ему удачи не будетъ, и сила его будетъ не въ силу. Оттого Василій такъ покорно отправился вслѣдъ за дѣвушкой-чернавушкой. Мать заперла его. Пѣсня за то называетъ ее неразмышленною:

А и та старуха неразмышленна—
Посадила въ погребѣ глубокіе
Молода Василя Буслаевича,
Затворяла дверьми желѣзными,
Запирала замки булатными.

Дѣйствительно старуха не разсудила, поступивши такъ съ Василемъ. Закладъ былъ сдѣланъ, договоръ подписанъ. Драке не прекратится отъ того, что Василя нѣтъ на улицѣ. Противники его умышленно рассчитали, что безъ Василя дѣло обратится на ихъ сторону, а потому хитро постарались отвлечь его отъ боя. Дружина осталась безъ атамана. Противники стали одолевать. Тогда пошла дѣвушка-чернавушка къ Волхову; и проходила она мимо побоища и видѣла, какъ одолевали мужики Васильевыхъ побратенниковъ; они подбѣжали къ ней и стали говорить:

Гой еси ты, дѣвушка-чернавушка!
Не выдай насъ у дѣла ратнаго,
У того часа смертнаго,

Иначе—они просили, чтобъ она освободила Василя; но мужики—противники, завидя ее, бросились на нее;

И тутъ дѣвушка-чернавушка
Бросала она ведро каленовое,
Бросала коромысло кипарисово;
Коромысломъ тѣмъ стала она помахивати
По тѣмъ мужикамъ новгородскимъ.

Какъ ни эпиченъ кажется этотъ образъ героини, но онъ не совсѣмъ лишенъ исторической дѣйствительности. Въ ново-

городскихъ женщинахъ была мужественность; въ судѣ, когда дѣло доходило до поля, жонка съ жонкою становились на бой—дѣло было обычное и законное. Не мудрено, если и дѣвушка-чернавушка изъ Буслаева дома богатырски отмахивалась отъ мужиковъ.

И тутъ дѣвка запыхалась,
Побѣжала къ Василию Буславу;
Срывала замки булатные,
Отворяла двери желѣзныя:
А и спать Василій или такъ лежить?—
Твою дружину хоробрую
Мужики новгородскіе
Всѣхъ прибили, переранили,
Булавами буйны головы пробиваны.

Дѣвушка-чернавушка освобождаетъ сама Василія. Но, можетъ быть, и матушка тогда не противилась; матушка должна же была одуматься и разсудить, что если Васильеву дружину побѣдятъ, то доберутся до ея дома, и тогда придется ея сынку плохо. Какъ бы то ни было, Василій, освобожденный изъ заключенія, бросается стремглавъ; не попалъ—говорить иѣсня—палицы желѣзной; попалась ему ось телѣжная—обычный образъ для обозначенія храбрости героя, который такъ силенъ и ловокъ, что и съ такимъ плохимъ оружіемъ можетъ творить чудеса! Выскочилъ Василій, и не достигъ еще моста, гдѣ дружина его, изнемогая, отдавала бока свои подъ мужичьи кулаки и палки. Вдругъ предъ нимъ явленіе - старчище-пилигримище; на плечахъ у него трехсотъ-пудовый колоколъ. То его крестовый батюшка. Былъ онъ, какъ видно, когда то и самъ молодецъ богатырь, а теперь уже удалился отъ міра и уединился въ Кирилловъ монастырь. Мужики упросили его явиться посреди свалки и остановить Василія; они думали, что Василій, увидя предъ собою крестнаго отца и при томъ отшельника, посоветится ударить его. Онъ кричитъ ему:

А стой, Васька, не понархивай,
Молодой глудыръ не полетывай!

Изъ Волхова рѣки не выпити,
Въ Новѣградѣ людей не выбити!
Есть молодцы супротивъ тебя!
Стоимъ мы, молодцы, не хвастаемъ!

Пилигримище даетъ знать, что сторону враговъ его приметь цѣлый Новгородъ, что ему не сладить съ большою толпою; онъ его предупреждаетъ не раздражать Новгорода. Василий отвѣчаетъ ему:

Ай же ты, мой крестовый батюшка!
Тебя ли чортъ несетъ въ той поры
На своего на любимого крестника!
А у насъ-то вѣдь дѣло дѣется:
Головами, батюшка, играемся!
А и бился я о великъ закладъ
Со мужики новгородскими,
Опрichъ почестныхъ монастырей,
И тебя старца пилигримища,
Въ задоръ войду—и тебя убью!

Это не только крестный отецъ, это олицетвореніе церковнаго начала. Это эпическое изображеніе тѣхъ владыкъ, отшельниковъ угодниковъ, которые не разъ умиряли волненіе толпы своимъ словомъ и своимъ достоинствомъ. Самое названіе пилигримище подходитъ къ такому объясненію. Пилигримъ — паломникъ, странствователь по святымъ мѣстамъ, былъ встарину лицо, исключительно принадлежавшее церкви, какъ монахъ: паломники были въ большомъ уваженіи въ Новѣгородѣ. Странствовать по святымъ мѣстамъ было до того обычно, что пастырямъ приходилось говорить противъ злоупотребленій такихъ благочестивыхъ путешествій. Очень естественно, что народное творчество изображало обыкновенно въ исторіи новгородскихъ смутъ явленіе духовнаго посредничества въ образѣ старца паломника. Василий, говоря, что онъ держалъ закладъ опричъ честнаго монастыря и старца пилигримища, ясно даетъ знать, что онъ подъ этими двумя приведенными образами разумѣетъ церковь. Монастыри и паломники пользовались во всеобщемъ мнѣніи извѣстностью отъ

земныхъ дѣлъ и житейскихъ тревоженій; ихъ минуютъ страсти, и къ нимъ не смѣютъ прикоснуться земные договоры. „Что тебѣ за дѣло—какъ бы хочетъ сказать паломнику Василій:—мы до тебя не касаемся, мы людей церковныхъ не трогаемъ, не трогай же и ты насъ грѣшныхъ; мы васъ, церковниковъ, уважаемъ и въ нашихъ спорахъ васъ минуемъ; да и вы не подвертывайтесь намъ подъ руку“.

Пилигримице—крестовый батюшка Василя Буслаевича, по народному вѣрованію, лицо, противъ котораго идти все равно, что противъ отца роднаго. Но удалецъ въ пылу своей отваги ни предъ чѣмъ не долженъ останавливаться: долгъ, связи родства, все нипочемъ, когда разыграется его широкая удаль молодецкая. Разъярилось богатырское сердце; крикнулъ Василій:

Ай же ты, крестовый мой батюшка!
Не далъ я ти яичка о Христовѣ дни,
Дамъ тебѣ яичко о Петровѣ дни.

И хватилъ онъ осью желѣзною въ колоколъ. По однимъ вариантамъ онъ убилъ крестоваго батюшку, а по другимъ—пилигримице оказался вовсе существомъ не плотскаго человѣческаго міра. Не даромъ на немъ и колоколъ въ триста пудъ. Василій ударилъ его: старецъ не шевельнулся отъ удара. Тогда Василій глянулъ подъ колоколъ... а у пилигримища во лбу глазъ ужъ нѣту. Кажется, народная поэзія выразила здѣсь символически совершенное отчужденіе церкви отъ мірскихъ суетъ. У него нѣтъ глазъ подъ колоколомъ: онъ чуждъ всему, что происходитъ около него; онъ принадлежитъ иному міру: съ нимъ нельзя драться; онъ не даетъ отпора. Пилигримище исчезаетъ, какъ привидѣніе, безслѣдно, тотчасъ, какъ только Василій глянулъ подъ колоколъ и увидалъ, что у него нѣтъ глазъ.

Василій доходитъ до моста. Какъ только завидѣли побратенники своего атамана, у нихъ, молодцовъ, думушки прибыло, словно у соколовъ крылья отросли. Молодой Василій

идеть къ нимъ на выручку. Дѣло ихъ вдругъ поправляется. Бой разгорѣлся. Мужики подаются. Драка идетъ до вечера. Мужики побиты, смяты, мира просятъ. Они обращаются съ мировою не къ Василию, а къ его матери. Пѣсня расцвѣчиваетъ это событіе, говорить, что они одну чашу поднесли съ золотомъ, другую съ серебромъ; а это только подарокъ—не въ счетъ условія. Три тысячи, что въ закладѣ положены, само собою, эти три тысячи разлагаются на опредѣленные дани съ цѣлой улицы, такъ что Буслаевъ будетъ получать съ нихъ, какъ будто князь со своего княженія, дань. Таково было народное понятіе: кто одолѣлъ, тотъ съ побѣжденнаго беретъ дани и накладываетъ пошлыны.

А и дары мы платить
 На всякій годъ по три тысячи,
 На всякій годъ будемъ тебѣ носить
 Со хлѣбниковъ по хлѣбику,
 Со калачниковъ по калачику,
 Со молодицъ повѣчное,
 Со дѣвицъ повалечное,
 Со всѣхъ людей ремесленныхъ,
 Опричь поповъ и дьяконовъ.

Можетъ быть, въ случаѣ такихъ споровъ и закладовъ на то, кто кого побьетъ, проигранный закладъ падалъ на все общество, къ которому принадлежали побѣжденные, такъ что, если такой то улицы молодцы побиты въ закладѣ, то вся улица платила по разверсткѣ. Такъ и должно было быть тамъ, гдѣ и за сдѣланное убійство, когда убійца не отысканъ, платило все общество, и въ дѣлахъ политическихъ и общественныхъ представительство касалось известной массы людей, соединенныхъ однобѣстностію жительства или принадлежностію къ одному управленію. Мать приказываетъ прежней же дѣвушкѣ-черनावушкѣ привести Василия. Дѣвушка застаётъ его еще среди боя, побѣждающаго мужиковъ. Она схватила Василия за руки и провозгласила утѣшительную вѣсть:

Мужики пришли новгородскіе,
Принесли они дорогіе подарочки,
И принесли записи заручныя
Ко твоей сударынѣ матушкѣ.

Бой прекратился. Василий пошелъ съ торжествомъ къ себѣ на дворъ, а за нимъ его удалые, вѣрные побратенники.

7. Голубиная Книга.

О. Ө. Миллера.

Въ этой книгѣ подъ ея позднѣйшимъ христіанскимъ значеніемъ таится основное миѳическое. Правда, съ одной стороны, образцомъ ея могли послужить народу книги, о которыхъ говорится въ апокрифѣ „Вопросы Іоанна Богослова Господу на горѣ Фаворской“: „видѣхъ книги лежаща, яко мноу равно съ горѣ толщина ихъ, долгота же ихъ умъ чловѣчь не можетъ разумѣти“; въ другомъ апокрифѣ: „Эпистолѣи о недѣлѣ“ упоминается о спаденіи свитка книжнаго съ неба—въ Іерусалимѣ, а по нѣкоторымъ западно-европейскимъ преданіямъ—въ Римѣ. Въ иныхъ вариантахъ съ неба спадаетъ камень, по распаденіи котораго въ немъ обрѣтается свитокъ. Но вѣдь ясно, что и въ такихъ христіанизованныхъ преданіяхъ таится что-то древнее дохристіанское. Съ другой же стороны, на такую основу указываетъ и наше названіе выпавшей съ неба книги—голубиною. Если тутъ и можетъ заключаться намекъ на христіанское символическое значеніе голубя, то не надобно забывать, что голубъ же имѣлъ въ отдаленныя времена значеніе космогоническое. Въ извѣстной калядкѣ два голубя образуютъ міръ. Поассирійско-вавилонскому миѳу голубъ высидѣлъ яйцо неба, положенное въ Ефратѣ и выброшенное рыбою на берегъ.—Въ одномъ изъ преданій, передаваемыхъ Геродотомъ, міръ образовался изъ яйца, положеннаго птицею фениксомъ. Въ финской „Калевалѣ“ міръ творится изъ яицъ, положенныхъ на колѣна Вейнемейнену орломъ-птицею... Отсюда становится понятнымъ и миѳическое зерно

въ той книгѣ соборной—голубицѣ,—о которой говорятъ раскольническія преданія. Въ свою очередь и книга вообще, въ смыслѣ рукописанья, письменъ, имѣла значеніе уже въ преданіяхъ поры языческой. (О существованіи до христіанства письменъ у славянъ, хотя и несовершенныхъ—черты и рѣзы—свидѣтельствуетъ писатель X. в. черноризецъ Храбръ; доски правдодатныя упоминаются въ Судѣ Любуши. Также точно къ отдаленнѣйшей древности относятся и скандинавскія руны). Своего рода письмена упоминаются уже въ извѣстной намъ миѣической загадкѣ: разсылалась грамотка по синему бархату (звѣздное небо). Къ языческой порѣ должна относиться и книга гадательная царя Вольшана, находящаяся въ своего рода связи съ птицею: отъ помазанія перышками Могуль-птицы она лишается своей силы. Имѣетъ ли собственно эта книга какую нибудь связь съ голубиною, это, разумѣется, трудно сказать. Но надобно думать, что у насъ существовали миѣическія преданія о принесеніи съ неба книги голубемъ. Но какъ бы то ни было, несомнѣнно, что въ окончательномъ видѣ стиха наша книга сдѣлалась символомъ откровенія—великою книгой евангельской. При описаніи необъятности таинственной книги употребляется чисто русскій пріемъ скромно говорится про нее, что она

И не малая, и не великая...

Необъятность книги характеризуется тѣмъ, что самъ пророкъ Исаія читалъ ее трижды и прочелъ изъ нея три листа. А непроницаемая ея глубина такова, что изъ сошедшихся къ ней, не только царей и царевичей, но даже поповъ съ діаконами, никто къ ней не приступится, никто ко Божьей не пришатнется. Только Давиду она сама разгибается,

Все божественное писаніе объявляется.

Тутъ, повидимому, уже намекъ на то, что книга эта—откровеніе, что въ ней, по понятію христіанскому, самъ Богъ открылъ себя людямъ. Но и Давидъ, когда Владимір про-

ситъ его—по этой книгѣ объявить ему дѣла Божіи про наше житіе, про свято-русское (Русская земля какъ бы распространяется тутъ на весь міръ: кромѣ народа русскаго, какъ бы нѣтъ никого на свѣтѣ), и Давидъ отказывается прочесть книгу:

Умомъ намъ сей книги не совмѣстити
И очамъ намъ книгу не обозрѣти...
Я по старой своей по памяти
Разскажу вамъ, какъ по грамотѣ,

т. е. даже онъ какъ бы отказывается уразумѣть весь сокровенный смыслъ св. писанія и обращается къ преданіямъ, и вотъ по этимъ преданіямъ начинаетъ онъ объяснять происхожденіе различныхъ явленій природы: подобно тому, какъ въ міеологіи нѣкоторыхъ народовъ вселенная образуется изъ членовъ тѣла какого-нибудь исконнаго существа, такъ и тутъ различныя явленія природы происходятъ отъ различныхъ частей и различныхъ сторонъ дѣятельности одного существа, но существо—уже Христосъ, Царь небесный; тѣмъ не менѣе подъ этимъ, ему придаваемымъ, исполинскимъ образомъ скрывается древній міеическій образъ, когда-то составлявшій общее достояніе разныхъ народовъ...

Далѣе, въ нашемъ стихѣ о голубиной книгѣ, изъ различныхъ частей Адамова тѣла образуются различныя сословія: изъ головы—цари, изъ мощей (вѣроятно, туловища)—князья и бояре,—изъ колѣнъ—крестьяне православные. Эта черта встрѣчается только въ немногихъ вариантахъ и составляетъ, очевидно, позднѣйшую вставку, зашедшую къ намъ съужа, изъ книгъ: подобное стараніе узаконить, сдѣлать нормальными, исконными раздѣленія между людьми совершенно не въ духѣ народной поэзіи русской, главный представитель которой крестьянинъ и притомъ крестьянинъ, умѣвшій даже посчитаться съ Владиміромъ, въ свою очередь, открывающимъ двери для всякаго рода людей. Послѣ того въ стихѣ нашемъ Давидъ начинаетъ, опять по стариннымъ пре-

даніямъ, высчитывать первенствующие предметы въ свѣтѣ,— и оказывается, что первенство получили они по большей или меньшей ихъ связи съ обстоятельствами или событіями христіанскаго міра. Тутъ опять является и глава Адамова, но уже потому, что надъ ней былъ поставленъ крестъ Христовъ,—черта, заимствованная изъ апокрифовъ о древѣ крестномъ. Первенствующій тутъ городъ Іерусалимъ, въ которомъ стоитъ церковь Софіи, а въ ней ризы самого Христа. Іерусалимъ первенствующій тутъ городъ также и по тому обстоятельству, на которое указывалъ и нашъ литературный дѣятель XII в. Даніилъ Паломникъ: въ немъ среда земли. Въ стихѣ упоминается также камень латырь, получающій первенство оттого, что на немъ опочивъ держалъ самъ Іисусъ Христосъ и съ него распущалъ во все стороны Голубиную книгу. Такимъ образомъ, камень миѣическій получаетъ тутъ значеніе христіанское—подобно западному св. Граалю, въ основѣ котораго также миѣ. Въ высшей степени поэтически описывается затѣмъ плакунъ-трава, своимъ происхожденіемъ обязанная слезамъ Богородицы, пролитымъ о Спасителѣ: черта, по всей вѣроятности, принадлежащая народу, который съ особенной любовью останавливался на отношеніяхъ Спасителя къ Богородицѣ—очевидно, вслѣдствіе коренного семейственнаго чувства русскаго человѣка. Океанъ море является тутъ матерью морямъ не потому, что все ихъ собой обнимаетъ, а потому что посреди его церковь Климента, попа (папы) римскаго, изъ которой выходила опять Богородица, омывалась изъ океана и молилась на церковь. Эта церковь Климента находится среди моря, можетъ быть, дальнимъ образомъ намекаетъ на мощи св. Климента, вывезенныя Владиміромъ изъ приморскаго Корсуня. Богородица же, омывающаяся изъ океана, очевидно, явилась тутъ взаимѣнъ миѣическаго лица, быть можетъ, богини Зари; подъ церковію же можетъ тутъ скрываться Буянъ съ его алатыремъ. Слѣдующія затѣмъ первенствующія существа, уже прямо существа миѣическія: это—китъ, который когда поворотится,

то бѣлый нашъ свѣтъ покончится; стратимъ птица, производящая бурю на морѣ; индрикъ звѣрь, который куда пройдетъ, тамъ вдругъ ключъ закипитъ. Подобныя же существа встрѣчаются и въ стихѣ о Егоріи Храбомъ. Подробности объ нихъ отчасти могли сохраниться въ народной памяти, какъ остатокъ родной миѣической старины, отчасти зайти къ намъ въ стихи изъ различныхъ, переведенныхъ съ греческаго, сочиненій о всякаго рода звѣряхъ, въ томъ числѣ и о фантастическихъ, а такія сочиненія были сильно распространены встарину; что касается собственно кита, то онъ имѣется и въ апокрифахъ, гдѣ умножается даже до 33-хъ и куда, очевидно, попалъ изъ народныхъ преданій, сходныя съ коими имѣются опять и не у однихъ индо-европейцевъ: въ бурятской легендѣ, когда поворачивается рыба, дѣлается землетрясеніе. Но и съ этими чисто-миѣическими существами соединяются воззрѣнія уже христіанскія. Хотя земля и основана на китахъ, стихъ немедленно прибавляетъ, что тѣмъ не менѣе она основана Св. Духомъ, а содержана словомъ Божиимъ, т. е. безъ слова Божія киты не тронутся, и бѣлый свѣтъ не покончится. Если стратимъ птица, вострепнувшись, и можетъ топить товары гостинны, то это дѣлается не иначе, какъ

По Божьему все повелѣнію.

Наконецъ, Индрикъ-звѣрь въ нѣкоторыхъ вариантахъ живетъ уже не на святой горѣ (миѣической—можетъ быть, той, на которой жилъ старшій, т. е. полубогъ, богатырь Свято-горъ), а на горѣ Аѳонѣ, знаменитой своимъ монастыремъ, гдѣ становится не только существомъ мирнымъ, но даже молится Богу. Изъ всего этого видно, что, и говоря по старымъ преданіямъ, Давидъ въ нашемъ стихѣ говоритъ подъ вліяніемъ новыхъ христіанскихъ воззрѣній. Заставивъ и его отказаться отъ проникновенія въ глубину писанія, народъ чрезъ то сознался въ своей собственной неспособности проникнуть умомъ въ эту глубину; но въ тоже самое время,

старыя свои преданія, обновивъ образами изъ христіанскаго міра, онъ тѣмъ самымъ показалъ, что если еще далеко не умъ, то уже воображеніе его подверглось вліянію христіанскому. Преданіе же о плакунъ-травѣ показываетъ, что христіанствомъ было отчасти затроуто и сердце народа... Сонъ Владиміра и его разгадка заимствованы стихомъ изъ „Бесѣды трехъ святителей“; но стихъ сдѣлалъ изъ него самостоятельный и болѣе глубокій выводъ. Въ „Бесѣдѣ“ кривда отогнала правду, а лжекривда осталась, т. е. побѣда явнымъ образомъ тутъ за кривдой. Народъ, повидимому, не могъ примириться съ такимъ мрачнымъ воззрѣніемъ, столь противорѣчащимъ тому, что мы имѣли въ сказкахъ. Признавая уже въ стихѣ, что кривда не только осталась, но даже разошлась по всей землѣ, по всей землѣ свято-русской, что отъ кривды сталъ народъ неправильный, народъ нашъ не захотѣлъ видѣть въ этомъ окончательной побѣды надъ правдою; онъ даже утверждаетъ въ своемъ стихѣ, что побѣда, напротивъ того, осталась за правдой, но что она какъ бы сама не захотѣла оставаться на землѣ, пошла на небо. Народъ убѣжденъ въ томъ, что она тамъ, въ странѣ будущаго, что она у самого Христа, царя будущаго вѣка.

8. Егорій Храбрый.

Н. ПОРФИРЬЕВА.

Стихъ о Егоріи храбромъ имѣетъ космогоническій характеръ, но въ немъ говорится уже не о началѣ всего міра, какъ въ Голубиной книгѣ, а только о началѣ устроенія и просвѣщенія русской земли, которое приписывается св. Георгію. Въ стихѣ о Георгіи можно различать двѣ части. Въ первой части описываются происхожденіе и мученія Георгія. Сказаніе о происхожденіи Георгія представляетъ странное, противорѣчащее исторіи, смѣшеніе времени, мѣстъ и лицъ. Св. Георгій жилъ при Діоклетіанѣ и отъ него принялъ мученическую кончину; имя Діоклетіана сохранилось, дѣйстви-

тельно въ нѣкоторыхъ спискахъ; въ другихъ же его замѣнили царище Демьянище, Декліанище, Даріанище и др. Подъ этими именами, очевидно, изображается языческій царь, или вообще язычество, гнавшее христіанство. Родился Георгій, по сказанію стиха, въ Іерусалимѣ, который оказывается въ Россіи; отецъ и мать Георгія не названы въ житіи, но фантазія народная матерью его сдѣлала Софію Премудрую, которая породила три дочери, разумѣя подъ ними, вѣроятно, знаменитую мученицу Софію и трехъ ея дочерей—Вѣру, Надежду и Любовь. Но всего страннѣе въ этомъ разсказѣ изображеніе самого Георгія:

По колѣна ноги въ чистомъ серебрѣ,
По локоть руки въ красномъ золотѣ,
Голова у Егорья вся жемчужная,
По всемъ Егоріи часты звѣзды.

Такими же точно словами въ народныхъ сказкахъ описываются разные богатыри и герои, и потому очень можетъ быть, что народъ смѣшалъ Георгія съ какимъ нибудь древнимъ богатыремъ или божествомъ (можетъ быть, съ самимъ Дажь-богомъ), мѣсто котораго онъ и замѣнилъ въ его представленіи, подобно тому, какъ святой Власій замѣнилъ собою Волоса, св. Ілья пророкъ—Перуна, св. Іоаннъ Предтеча—Купалу; во второй части стиха онъ, дѣйствительно, изображается въ видѣ богатыря, разѣзжающаго по русской землѣ. За разсказомъ о происхожденіи слѣдуетъ изображеніе мученій Георгія. Кромѣ житія, принятаго церковію, въ которомъ изображаются мученія Георгія, ходили еще апокрифическія сказанія о Георгіи; въ статьѣ о книгахъ отреченныхъ, между другими апокрифами, упомянуто „Георгіево мученіе“. Подъ вліяніемъ такихъ сказаній, вѣроятно, и составлялось въ стихахъ изображеніе мученій Георгія. „На городъ Іерусалимъ напустилъ Господь царище Діоклетіанище, безбожнаго пса басурманища“. Онъ умертвилъ благовѣрнаго царя Θεодора, взялъ въ плѣнъ Георгія и трехъ его братьевъ и трехъ сестеръ увезъ въ свою землю невѣрную и здѣсь началъ ихъ

мучить. Братья и сестры Георгія, убоявшись мученій, отказались отъ вѣры христіанской; но Георгій остался непоколебимъ. Царь приказалъ мучить его „муками разнообразными“ Сначала онъ приказалъ его „во пилы пилить“.

По Божьему повелѣнію,
По Егоріеву моленію,
Не берутъ пилы жидовскія,
У нихъ зубья позагнулися,
Мучители всѣ утомилися,
Ничего Егорью не вредилося;
Егорьево тѣло соцѣлялося;
Возставалъ Егорій на рѣзвы ноги,
Поетъ стихи херувимскіе,
Превозноситъ все гласы архангельскіе.

Потомъ царь приказываетъ Егорья „въ топоры рубить“, „въ сапоги ковать гвозди желѣзные“, „въ котелъ садить и въ смолѣ варить“, но ничего „Егорью не вредилося“. Наконецъ, царь велѣлъ его посадить въ глубокій погребъ, закрыть досками желѣзными и засыпать песками рудожелтыми. Здѣсь Егорій сидѣлъ 30 лѣтъ. Когда исполнилось 30 лѣтъ, явилась Георгію пресвятая Богородица и сказала:

«Ты за это ли претерпѣніе
Ты наследуешь себѣ царство небесное».

И поднялись вѣтры буйные, разнесли пески рудожелтыми разметали доски желѣзныя,—и Егорій вышелъ на святую Русь и пришелъ въ городъ Іерусалимъ. Здѣсь, въ соборной церкви, онъ нашелъ свою мать. Разказавъ матери, что съ нимъ случилось, онъ сталъ просить у нея благословенія—отправиться въ путешествіе по землѣ русской. Мать снаряжаетъ въ путь Егорія, какъ настоящаго богатыря:

«Ты поди далече во чисты поля,
Ты возьми коня богатырскаго,
Со двѣнадцать цѣпей желѣзныхъ
И со сбруей богатырскою,
Со вострымъ копьемъ, со булатнымъ,
И со книгою, со евангеліемъ».

Далѣ слѣдуетъ самое путешествіе Георгія по землѣ русской, которое можно назвать второю частию стиха. Земля русская представилась Георгію совершенно дѣвственною и дикою, не населенною и не воздѣланною: повсюду „лѣса дремучіе“, „горы толкучія“, „рѣки текучія“, „звѣри рыскачіе“ и „змѣи огненные“: нельзя ни пройти, ни проѣхать.

Святой Егорій глаголетъ:
«Вы лѣсы, лѣсы дремучіе!
Встаньте и распахнитесь;
Порублю изъ васъ церкви соборныя,
Соборныя да богомольныя;
Въ васъ будетъ служба Господня.
Зароститесь вы, лѣса,
По всей землѣ свѣтло-русской,
По крутымъ горамъ, по высокимъ.
По Божьему все велѣнію,
По Егоріеву моленію,
Разрослись лѣса по всей землѣ,
По всей землѣ свѣтло-русской,
Ростутъ лѣса, гдѣ имъ Господь повелѣлъ.

Проѣзжая далѣ, Георгій встрѣтилъ „рѣки быстрыя текучія“ и велѣлъ имъ размѣститься по всей землѣ русской. Послѣ рѣкъ онъ поѣхалъ на „горы толкучія“ и сказалъ имъ:

Станьте вы, горы, по-старому:
Поставлю на васъ церковь соборную,
Въ васъ будетъ служба Господняя».

Затѣмъ, ему встрѣтилось стадо звѣриное:

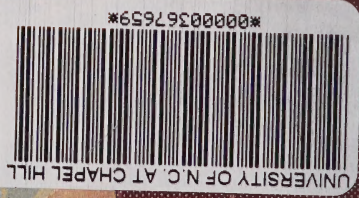
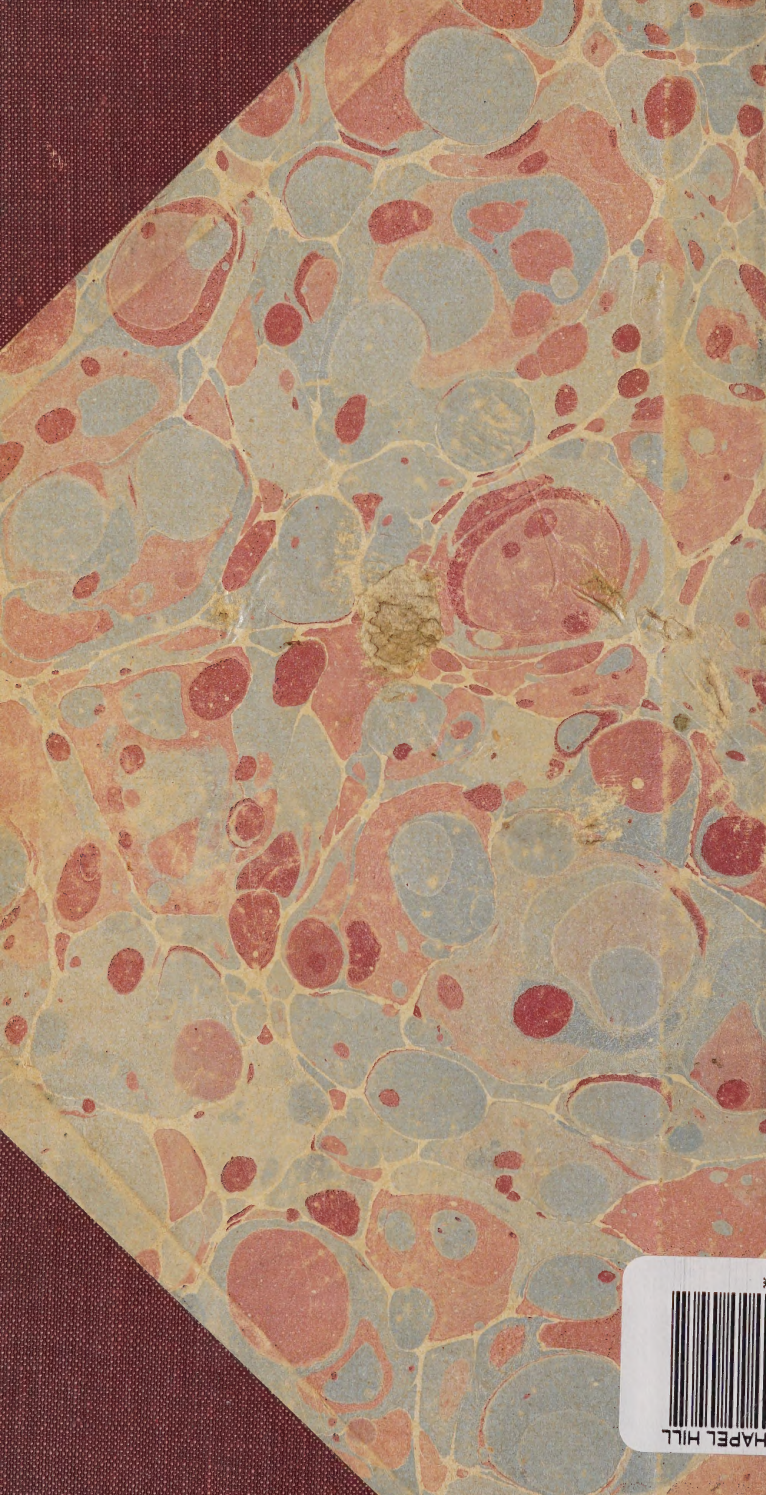
Наѣзжалъ Егорій на стадо звѣриное,
На сѣрыхъ волковъ на рыскачійхъ
И пасутъ стадо три пастыря.
Три пастыря и три дѣвицы,
Егорьевы родныя сестрицы.
На нихъ тѣло, яко еловая кора,
Власъ на нихъ какъ ковыль-трава;
Ни пройти, ни проѣхать.
Егорій святой проглаголявалъ:
«Вы волки, волки рыскачіе!

Разойдитесь, разбредитесь
По два, по три, по единому,
По глухимъ степямъ, по темнымъ лѣсамъ,
А ходите вы повременно,
Пейте вы, ѣшьте вы повелѣнное,
Отъ свята Егорѣя благословенное»!

Еще встрѣтились Егорію змѣи огненные, которымъ онъ повелѣлъ разсыпаться по сырой землѣ. Наконецъ, онъ доѣхалъ до города Кіева. На херсонскихъ вратахъ Кіева сидитъ птица черногаръ и въ когтяхъ держитъ осетра рыбу; Георгій велѣлъ ей летѣть на океанъ-море. Внутри города онъ нашелъ палаты бѣлокаменны, гдѣ жилъ царище Діоклетіанище. Описаніе встрѣчи съ нимъ Георгія очень напоминаетъ встрѣчу Ильи Муромца съ Соловьемъ разбойникомъ въ былинахъ. Увидѣвъ Георгія, царище, подобно Соловью, кричитъ по звѣриному, визжитъ по змѣиному, такъ что конь Георгія упалъ на сыру землю. Егорій убилъ царище, разрушилъ его жилище, утвердилъ въ Кіевѣ вѣру самому Христу, царю небесному. Потомъ взялъ своихъ сестеръ, привелъ ихъ къ Іорданъ рѣкѣ и велѣлъ имъ умыться и окреститься: „камышъ-трава съ нихъ свалилася и еловая кора опустилася“. Онъ возвратилъ ихъ своей матери. Такимъ образомъ, изъ мученика за вѣру, какимъ Георгій изображается въ первой части стиха, онъ превращается во второй части въ учредителя порядка, устроителя и просвѣтителя русской земли. Черты, въ какихъ онъ изображается, очевидно, сняты съ какого нибудь древняго богатыря, хотя его дѣятельность не имѣетъ вполне богатырскаго характера. Онъ ѣздитъ на богатырскомъ конѣ, съ вострымъ коньемъ богатырскимъ, но ни разу не употребляетъ его въ дѣло. Только уже въ Кіевѣ, лицомъ къ лицу встрѣтившись съ Діоклетіанищемъ, своимъ врагомъ и врагомъ христіанства, онъ пустилъ въ него калену стрѣлу и разрушилъ палицей его палаты, но все путешествіе онъ совершаетъ необыкновенно мирнымъ образомъ. Землю русскую онъ устрояетъ тѣмъ, что распространяетъ вѣру христіан-

скую, строить церкви соборныя и богомольныя, ѣздить повсюду съ книгою евангеліемъ. Такимъ именно въ высшей степени мирнымъ способомъ, путемъ распространенія христіанской вѣры, дѣйствительно, и происходило устройство и просвѣщеніе земли русской. Въ Георгіи, можно думать, народъ представилъ вообще типъ тѣхъ духовныхъ богатырей, героевъ вѣры и просвѣщенія, которые въ древнія времена повсюду являлись въ одеждѣ инока и мірянина, въ санѣ князя и епископа, просвѣщали дикія племена Руси, распространяя между ними вѣру, строя города, церкви, монастыри и пустыни.

UNIVERSITY OF N.C. AT CHAPEL HILL

00000367659